

Певчая
ЯРОСТЬ

ЭМИ БАТЛЕР
ГРИНФИЛД

ОСТЕРЕГАЙСЯ ПЕСЕН МОРЯ

Море близко. Мы близко. И мы потопим всех вас. Люси может песней управлять ветром и водой, она может покорять королевства. Люси овладела силой, и король Генрих держит ее близко, восстанавливая Англию. Она — его лучший союзник, постоянно работает на него. И теперь он просит ее исследовать покушение на убийство: его люди заявляют, что их чуть не убила... русалка. Вода наступает, люди пытаются защититься от воды и чудищ, что появляются на улицах. Растет недоверие к магии Люси, и король надеется, что Нат, возлюбленный Люси, сможет исправить ситуацию. Но Нат холоден с Люси. Он признался в любви год назад, а теперь она ему как чужая. Люси приходится в одиночку бороться с новой сильной магией. Но потом она слышит зловещую песню в воде... Означает ли это, что она — не последняя Певчая?

Для Рут и Грейс

Большие воды не могут потушить любви,
и реки не зальют ее...

— Песнь Песней 8:7

В самом аду нет фурии страшнее,
чем женщина, которую отвергли!

— Уильям Конгрив «Скорбящая невеста»

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ДЬЯВОЛИЦА

Я слышала туман раньше, чем увидела, дрожащая мелодия появилась с рассветом. Я поднялась, укуталась в плащ в пятнах грязи и подошла к треснувшему окну. Да, рассвет середины сентября был подернут туманом. Судя по его звуку, он испарится через час, и это было хорошо, ведь у нас были дела.

Я повернулась к комнате. Хоть она была маленькой и ветхой, крыша не протекала от ночного ливня, а матрас был мягче многих. Я спала хорошо, даже слишком, и туман прервал мой сон о Нате. Я проснулась в этой комнате и снова страдала от утраты.

Из-за двери раздался хриплый голос.

— Певчая?

В эти дни меня звали только так, а не Люси. Но, хоть обращение было официальным, этот голос я хорошо знала. Он принадлежал Роуэну Кноллису, бывшему лидеру королевской стражи, а теперь верному капитану моих людей. Я прогнала из головы сны и подняла засов.

Лицо Кноллиса, как всегда, почти ничего не выдавало. Только его голос показывал напряжение.

— Пора уходить.

— Я выйду к вам, — я сунула вещи в сумку, быстро проглотила завтрак из сыра и вчерашнего хлеба и пошла по скрипящей лестнице гостиницы во двор у конюшни.

Многие мои люди уже были там, проверяли мушкеты и седлали коней. Я провела в их компании больше года и знала их характеры почти так хорошо, как свой. Пока я шла к своей лошади, я чувствовала напряжение в воздухе, густое, как туман. Все прекрасно знали, что нас ждет впереди.

Наш новый наемник, Баррингтон, с большими глазами отмахивался от тумана.

— Вы его вызвали песней, Певчая?

— Нет, — сказала я. — Он пришел сам, — Баррингтон кивнул, но я видела, что он разочарован. Он впервые путешествовал с нами. Не желая ничего упустить, он с надеждой все время смотрел на меня, даже если я просто ужинала. Он ожидал магию.

Кноллис хлопнул его по спине.

— Не переживай, парень. Если лорд Карлтон не сдастся, ты услышишь много песен Певчей еще до конца дня. А теперь забирайся на лошадь.

Утренняя поездка была выматывающей. Постоянные тренировки научили меня ездить верхом, но сегодня мы спешили. Туман поднялся, путь стало четко видно, и мы мчались по лесам и полям.

Я начала переживать, что мы сбились с пути, когда Кноллис повернул вправо, забрался по холму в лес. Вскоре мы увидели то, что и привело нас сюда стену.

Она была выше человеческого роста, тянулась, сколько было видно. Ряд плотно сложенного камня держал в плену лес ясеней и дубов. Ее построили, чтобы запугать, и даже с лошади вид был жутким.

Я направила лошадь туда, прислушиваясь, но не улавливала ничего полезного. Камни никогда не хотели петь мне. Но на этой неделе шли дожди, так что стена была влажной, а воду я понимала. Я слышала, как она гудит в щелях и на мокрой поверхности камней.

— Значит, это новый парк Карлтона, — сказал один из солдат за мной.

— Часть его, — сказал Кноллис. — Он забрал лучшее пастбище и луга в придачу, а еще длинную часть реки. Деревня страдает от этого.

Эта история в Англии постоянно повторялась. Лорды ограждали общие земли, называли их своими, лишая жителей деревни прав на территорию. Они уже не могли пасти коров или ловить рыбу, собирать хворост в лесу, и от этого они мерзли и голодали.

Решив положить этому конец, король Генрих запретил такие ограждения полтора года назад. Но у лорда Карлтона власть была большой, и он продолжил строить стену, отчасти из камня, отчасти из брусьев, и постоянно отказывался убрать ее.

Нашим заданием было убрать стену любым способом. Сначала мы, конечно, должны были дать Карлтону шанс убрать ее самому. Король не хотел казаться тираном. Он говорил нам дать Карлтону шанс все исправить.

Мое присутствие должно было убедить его, обычно при одном моем виде вредные лорды сдавались. Но в Карлтоне мы сомневались. Он был наглым и вспыльчивым, он не верил в мою магию, говорил, что истории преувеличены. Он угрожал пристрелить следующего королевского гонца.

— Подойдем к замку и посмотрим, как нас примут, — сказал Кноллис. — Вы готовы, Певчая?

Я кивнула, и мы пошли.

Вскоре мы увидели наполовину заброшенную деревню, из которой было видно стену. Нервные лица мелькали в окнах, пока мы шли, и нас подавленно приветствовали, когда люди видели королевские цвета, и когда видели меня в центре солдат. Голоса становились

все громче, мы миновали деревню и пошли к замку Карлтона.

Я видела карты и читала отчеты. Замок был хорошо размещен и защищен, с огромными воротами. Стена, что шла у деревьев, доходила до врат, так что отсюда был доступ не только в замок, но и на захваченные земли. Врата были защищены неглубоким рвом, который питала местная река. Внутри замку тоже повезло с водой, там был глубокий колодец, который помог бы пересидеть осаду. Мы приближались, и я, прислушиваясь, улавливала бдительную мелодию рва и слабую песню воды из колодца.

— Стоп! — крикнул Кноллис. Мы были на половине холма, все еще вне досягаемости мушкетов, но серые стены крепости словно нависали над нами. Врата оставались закрытыми, мост был поднят. Приветствовать нас не спешили.

Кноллис выбрал для переговоров юного Баррингтона, жаждущего действовать, и отправил его к замку пешком с белым флагом, показывающим, что он пришел не атаковать.

Как только Баррингтон приблизился, люди лорда Карлтона выстрелили из сторожки. Пуля попала по шлему юноши, он упал на землю. Мы видели кровь со своего места.

— Певчая? — сказал Кноллис, но не требовалось. Оставаясь в седле, я уже пела, сдерживая гнев, чтобы он помогал мне, а не вредил.

От эмоций чаропесня могла стать опасной, а еще нужно было сохранять податливость. Я не повелевала стихиями, а уговаривала их, мне приходилось работать с мелодиями, которые я слышала в мире вокруг. Они менялись в зависимости от дня, времени года и погоды, от сотни других факторов, так что моя магия всегда требовала импровизации. Я никогда не пела дважды одну песню.

Моим целям подходила мрачная мелодия, которая шла со дна колодца. Там было негодование. Я пела лишь пару мгновений, и вода восстала, разбила крышку колодца и поднялась в небо. Я ощутила яростное давление, эхо облегчения воды, получившей свободу, и опьянение из-за песни, ее силы.

Но радость тоже могла отвлечь. Мне нужно было сосредоточиться на работе. Я быстро песней сотворила дождь, пролившийся на оружие и порох в замке, они стали мокрыми и больше не могли стрелять.

Если бы люди Карлтона подняли флаг, я бы закончила. Но я допела, и из окон полетели стрелы, упали у ног Баррингтона и людей, бросившихся спасти его.

— Вернитесь, — крикнула я им. — Скорее назад!

подавляя свой гнев, я обратила внимание на воду во рве. Она была бдительной, но и в смятении — всегда на грани, всегда заперта. Я вплела эти ноты в свою музыку, пока вода рва не поднялась паром, промочившим стены. Я снова ощущала дрожь ярости в песне, я заставляла пар проникать все глубже в раствор в стене. Как только он размяк, стена начала напоминать замок из песка в дождь. Стены сторожки опускались, балки падали.

Я дала людям Карлтона небольшой шанс сбежать. А потом песней превратила раствор в жидкость. Всю сторожку смыло по холму волной мокрых камней и грязи. Когда он остановился, пахло землей, было слышно только тишину. А потом в тишине раздался стон.

Это был Баррингтон? Или оползень забрал некоторых людей Карлтона? Мое горло сжалось, миг радости пения пропал. Даже после года такой работы я все еще не могла мириться с некоторыми последствиями.

Они хотели убить тебя. И твоих людей.

Сторжка пала, замок был открыт миру. Кноллис придвинулся и закричал:

— Сдавайтесь, или Певчая споет снова.

Мужчины появились в широкой брешке в стене, держась руками за головы. Они смотрели на меня, как зайцы на змею. Лишив их оружия, мои люди связали их.

— Стрелять в силы короля — измена, — сказал им Кноллис. — Но если не будете больше вредить, если скажете, где найти лорда Карлтона, вас пощадят.

Такой была наша политика — если бы мы были жестче, отпор был бы сильнее. Но большинство пленных были слишком испуганы, чтобы говорить. Некоторые были готовы помочь Кноллису и рассказали, где найти Карлтона. Охота началась, мои люди пошли в замок, оставив нескольких снаружи, включая стража возле Баррингтона. По моей просьбе Кноллис отправил нескольких людей Карлтона искать в оползне выживших.

— Думаю, можно убрать остальную стену, — сказал мне Кноллис, когда мы спешили. — Мы ждали достаточно долго. Я пойду в замок.

Я кивнула, не желая думать, каким испытанием будет остальная стена. Но в этом был вызов. Мы сами видели, что стена Карлтона тянется мили. Эта стена была самой большой из тех, что я рушила.

Зато никто уже не стрелял. Я могла воспользоваться этим временем. Слушая мир вокруг себя, я осторожно выбирала песни. Сначала песней переместить воду из земли в стену, а потом другой песней призвать ветер с неба.

С ветром я все еще училась работать. Как бы мило или властно я ни пела, он не всегда меня слушался, а порой игнорировал меня. Но сегодня мне повезло. Ветер ответил даже слишком сильно. Мне пришлось сплести вокруг него плотную сеть песни, пока я пропитывала стену водой, а потом замораживала и топила, и так по кругу. Только в конце я отпустила ветер. С порывом радости он полетел к камням и брускам, разбивая стену.

Радость вспыхнула и во мне. Получилось. Я разбила стену.

— Певчая! — позвали мои люди.

Я обернулась и ощутила волну усталости. Великая магия всегда утомляла. Но, будучи Певчей, я знала, что мне нельзя показывать слабость. Будет глупо выдавать уязвимость сейчас, когда мои люди тащили ко мне Карлтона, его руки в бархатных рукавах были связаны за спиной. Его лицо кривилось, он проклинал мужчин с каждым шагом.

— Приберегите дыхание, Карлтон! — крикнула я. — Теперь вы мой пленник, пленник короля, вас ждет Тауэр. Потому вам лучше проявить хоть немного смирения.

Он это проявлять не спешил. Мужчины толкнули его вперед, он плюнул у моих ног.

— Адская гончая!

Я моргнула. От ярости он не думал, что я могу с ним сделать? Или он пытался заставить меня сорваться?

— Дьяволица! — его глаза были безумными, им правил гнев. — Король будет проклинать день, когда вы стали союзниками. Ты осушаешь людей, гарпия! Даже тех, кто на твоей стороне.

— Уберите его, — сказала я четверым своим подчиненным.

Карлтон продолжал вопить, они схватили его.

— Но они умнеют, да? Говорят, что ты ведьма. Испорченная. Никто из мужчин тебя не тронет. Даже Нат Уолбрук бросил тебя...

— И заткните его, — приказала я уже жестче.

Слова. Просто слова. Они не могли меня ранить. Но Карлтона увели, а я все дрожала от гнева. Как он смел так говорить со мной? Как он посмел упоминать Ната?

Я посмотрела на своих людей. Никто не смотрел мне в глаза. Я думала, что мы — один

отряд, но они всегда держались в стороне от меня. Я была женщиной и Певчей, это, как ни крути, отделяло меня. Все было сделано, что они думали обо мне? Слова Карлтона задели в них что-то?

Испорченная. Никто из мужчин тебя не тронет. Даже Нат Уолбрук бросил тебя...

Как я могла защититься? Я не могла рассказать им правду о Нате. Прошло столько времени, что я сама не была уверен в том, где правда. Если начать говорить об обвинениях Карлтона, они получают больше внимания, чем заслуживают.

Забудь. Ты достаточно сильная, чтобы вынести это.

Так и было. Но я стояла и смотрела на своих людей в тени нашей победы, и мое одиночество ощущалось очень глубоко.

ГЛАВА ВТОРАЯ: КОРОЛЕВСКОЕ СУДНО

Шесть недель спустя я сидела на красных бархатных подушках королевской баржи и смотрела, как мелькает Лондон в сумерках позднего октября. Из-за стараний сохранить мир в отдаленных частях королевства я редко видела город, и я была благодарна за шанс насладиться его звуками. Теми, что были слышны только Певчей — тонкая мелодия собирающегося тумана, плещущаяся музыка реки. Закат угасал, сияющее небо становилось меланхоличным и мрачным, и мне нравились обычные звуки в это время — трубы и барабаны уличных музыкантов, последние крики чаек, рев толпы театра, низкий звон колокола собора.

Напротив меня сидел король Генрих и смотрел на город, его голубые глаза были яркими под медными волосами. Кивнув ему, я указала на стену, где в последних лучах света махали люди.

— Слушайте! Они радуются вам.

Его серьезное веснушчатое лицо озарила улыбка.

— Они могут радоваться и вам.

— Нет, — я слышала слова, разносящиеся над рекой. — Они рады вам и королеве.

Почти шесть месяцев назад король женился на моей подруге Сивилле Дэшвуд. Я считала, что мне повезло, что я смогла ненадолго прибыть в Лондон на церемонию. Их свадьба была запоминающейся, и впервые монарх женился на простолюдинке. Хотя не все при дворе поддерживали это решение, многие обычные лондонцы радовались союзу.

Веселое настроение все еще оставалось в городе. После стольких темных лет мы получили время мира и благополучия. Тирания Скаргрейва закончилась, потом был голод и беспокойство. Прошлым летом был хороший урожай, и Нат постарался...

Нет. Не нужно думать о Нате.

Я прогнала волну печали и быстро сказала:

— Ваше величество, доктор Пенебригг говорил вам о фейерверках, которые он придумал для открытия парламента?

— Нет, но насчет этого... — король потянулся к ящику рядом с собой. — Мы не закончили с делами сегодня. Приступим?

Я подавила вздох. Когда король вызвал меня в Лондон помочь с открытием, я была рада. Я ждала встречи с Сивиллой и Норри, моей опекуной. Они были мне дороги. Но после прибытия король придумывал мне столько дел, что я могла с таким успехом быть где-нибудь

в Корнуолле.

Конечно, открытие было важным, я не могла это отрицать. Это был первый парламент в поколении, его собирали по демократичным меркам. Его должен был ждать успех.

Мои дни теперь были наполнены бесконечными тревогами о расписании, протоколе и безопасности. Утром я с помощью капитана Кноллиса и своих людей обыскала комнаты парламента в Вестминстерском дворца. Днем проплыла по реке для встреч с королем и важными союзниками. Теперь я возвращалась в Уайтхолльский дворец, главную королевскую резиденцию, после чего король собирался отправиться в Гринвич для ужина с лордом адмиралом.

Я знала, что в Уайтхолле меня будут ждать дела. Так всегда было. А до открытия парламента была еще неделя. Неужели я не могла попросить хотя бы мгновение спокойствия на Темзе?

Я взглянула на лицо короля и поняла ответ. Генрих никогда не отдыхал, как могла я? Я подписалась на это полтора года назад, когда он попросил моей помощи в управлении королевством.

— Посмотрим, — Генрих полистал страницы. — Здесь письмо от графа Стаффордшира, он с энтузиазмом поддерживает наши реформы парламента.

— С энтузиазмом? — я удивленно потянулась за письмом. — Уверены?

Король улыбнулся.

— Ваш визит был убедительным. Он написал пару комплиментов вам.

Я вскинула брови, скользя взглядом по напыщенным словам.

— Он не сказал их вовремя. Хотя у меня осталось впечатление, что он боялся меня, — не удивительно, ведь я пришла к нему вскоре после разрушения замка Карлтона.

Король посмотрел на следующий документ.

— Виконт Хаттон написал нечто похожее, — он перевернул еще несколько страниц. — О.

— Что-то не так, Ваше величество?

— Нет, нет. Записка от Сивиллы, — он улыбнулся и прочитал ее, хотя в его взгляде была доля тревоги. — Эм... личная записка.

Я была удивлена, что он тревожился, а не улыбался. Они с Сивиллой были чудесной парой — уверенный король и непосредственная Сивилла, они восхищались друг другом. Я была рада, что они вместе. Но я и завидовала. Прошло двадцать месяцев — и два дня — с последней встречи с Натом. И расставание было болезненным...

Не думай об этом. Я просила себя в десятитысячный раз.

Вряд ли наши пути могли пересечься в ближайшее время. Хотя Нат часто был при дворе, он отправился на континент две недели назад, до моего прибытия. Некие переговоры требовали его присутствия в Париже и Амстердаме, и он пропустит открытие. Я не знала, правда ли это, но я была этому рада, ведь, если бы Нат был на открытии, мне пришлось бы придумывать причину не идти туда. Такими были правила. И я была благодарна, что трудностей не будет. Никто не могло убрать боль разлуки, но так я хотя бы могла не испытывать унижение от изменения планов, пока все при дворе обсуждали бы, почему я не пришла.

Не думай об этом...

— Вот, — король все еще листал бумаги. — Думаю, все в порядке.

Мы приближались к замку. Весла замедляли движения, чтобы судно лучше

маневрировало.

— Во дворце нас ждет еще больше писем, — сказал король. — Если меня будут ждать послы, сможете поговорить с ними в мое отсутствие?

— Конечно, Ваше величество.

Осторожно, почти без плеска, гребцы остановили судно. Это было сложно, нужно было следить, чтобы трап не оцарапал позолоченный бок судна с рычащими львами. Я слышала хитрость в песне реки и держалась за сидение. Если мы покачнемся, я не хотела отлететь на пол.

— И на моем столе бумаги, которые вы захотите посмотреть, — сказал король. — Одна от Ната Уолбрука.

От Ната? Мои пальцы впились в сидение.

— Он нашел способ для нас получить семена быстрее, чем он думал, — продолжил король. — Он все-таки вернется к открытию парламента.

Нат? Здесь? Сердце рухнуло.

Я пыталась заговорить:

— Когда он собирается прибыть?

— Как можно скорее. Если повезло, он уже близко.

Хуже и хуже.

— Он быстро закончил с переговорами, должен сказать, — отметил король. — Но, может, это не все, и он что-то должен передать мне лично, — судно покачнулось. Король огляделся. — Ах! Мы прибыли.

В стеклянную дверь постучал хозяин баржи.

— Леди Певчая, вы хотите выйти?

Я неловко встала и поклонилась королю. Нат может в любой день появиться в Уайтхолле.

Он не должен найти меня здесь. Это правило игры было одним из основных, и я не нарушала его. Но как мне уехать до открытия?

Я прошла по трапу и стояла между большими факелами, пока судно уплывало. Я помахала королю на прощание и изо всех сил выражала радость.

— Мы встретимся, когда я вернусь? — крикнул он напоследок.

— Да, Ваше величество, — он вернется не раньше полуночи, но мы часто работали ночью, готовясь к открытию. — Буду ждать, — если не найду причины скрыться.

Судно пропало из виду, и я повернулась к возвышающемуся дворцу. Он был построен из кирпича, брусьев и камня, был почти городом внутри города. В нем было больше пятнадцати тысяч комнат, все окружала высокая стена, возведенная при правлении Скаргрейва и не снесенная. Это место в Лондоне король любил больше всего, и я обычно возвращалась сюда с радостью.

Но не теперь.

Что мне делать?

Двери дворца открылись. Я не успела подумать, меня ждали дела.

Я пошла вперед и услышала женские голоса сверху и слева. Я уловила ноты страха в них и подняла голову. Звуки доносились из одного из окон королевы. Я слушала, а голоса становились громче, а потом раздался ужасный крик.

Сивилла? Она была в опасности?

Забыв о своих проблемах, я побежала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: СИВИЛЛА

Если Уайтхолл был самым большим дворцом в Европе, он был еще и самым большим лабиринтом с несметным количеством коридоров и тупиков. К счастью, я знала короткий путь к комнатам королевы, так что прошла туда быстро. Со мной были двое моих подчиненных. Они ждали моего прибытия, увидели мою спешку и присоединились.

У входа в комнаты не было стражи, это тоже показывало, что что-то не так. Я ускорила и миновала двери.

За ними творился хаос. Стражи, что должны были стоять перед дверьми, неловко стояли рядом с ними. Фрейлины и горничные суетились в комнате, некоторые плакали. Слуги безумно задвигали шторы. Одна дама лежала на полу без сознания. И Сивилла со своим изящным личиком и в розовом платье стояла в центре комнаты, как мстительный ангел.

— Хватит, — говорила она женщине на полу. — Говорю вам, хватит. Поднимайтесь.

Леди застонала, и милая девушка рядом с ней, в которой я узнала кузину короля, леди Клеменс Грей, сказала:

— О, вот бы лорд Уолбрук был здесь. Он бы знал, что делать.

— В чем дело? — спросила я.

Они не заметили меня в суете. А теперь все повернулись и смотрели, даже Сивилла, пока я не стала чувствовать себя неуместно. Так и было. Из-за своей магии я занимала странное положение в мире. Я была в Совете, командовала своими людьми, сама была почти почетным человеком. Но здесь были важны женское изящество и красота. Тут у меня были неправильные манеры, осанка и все остальное.

Даже мое платье было неподходящим. Оно хорошо сидело на мне, было из хорошей шерсти, но предназначалось для жизни Певчей. На нем не было украшений, камней, нежных шелковых складок на воротнике. Я выглядела скромно рядом с украшениями дворца. Я не принадлежала ему, и они это знали.

Все еще глядя на меня, несколько фрейлин захихикали за веерами. Я старалась игнорировать их и посмотрела на Сивиллу, а та стала очень бледной.

— Я слышала крик, — сказала я. — Что случилось?

— Ничего, — сказала Сивилла. — Это... глупая игра пошла не так.

Дама на полу возразила:

— Но я видела...

— Ничего, — сказала Сивилла громче, обрывая ее. — Стражи, можете вернуться на свои места? — они вышли, она повернулась ко мне. — Было мило с твоей стороны прийти, Певчая, но, как видишь, мы не нуждаемся в тебе. Или твоих людях.

Теперь я была Певчей? А как же Люси? Да, я не успела увидеть Сивиллу лично после прибытия в Лондон. Да и вообще после ее свадьбы.

— Можете идти, — сказала я своим людям, но не пошла за ними. Глядя на Сивиллу, я сказала. — Но я хочу остаться, если позволите?

Ее красивое лицо застыло. Я была слишком грубой? Может, она ожидала, что я буду вести себя с ней, как с королевой. Я начала опускаться в реверансе, что-то в ее лице изменилось, и она остановила меня.

— Не надо, Люси. Если хочешь остаться...

— Да, — быстро сказала я. — Я хотела бы поговорить с тобой...

— Не здесь, — прервала она. — В моей комнате, — она повела меня к большой двери в дальнем конце комнаты, отмахнувшись от дам, пытающихся идти за нами. — Меня не будет недолго. Я хочу, чтобы вы успокоились к моему возвращению. Глупых разговоров больше не будет. Понятно? — и фрейлине постарше, самой чувствительной на вид, она сказала. — Я оставляю вас за главную. Если нужно, отведите леди Джиллиан в ее комнату, не открывайте шторы.

Она, хмурясь, провела меня в свою спальню. Комната была такой большой, такой полной роскоши, что я не сразу поняла, что мы не одни. У шкафа из красного дерева две седовласые женщины перебирали аптекарские бутылочки. Тонкая была Джоан, горничной Сивиллы, и она подошла к нам.

— Леди Джиллиан нужно больше нюхательных солей, Ваше высочество? Или успокаивающий отвар?

— Да. Нет, — Сивилла растерянно вскинула руки. — О, я не знаю, Джоан. Как ты думаешь?

Они обсуждали это, а я подошла к другой женщине, уверенной и приземистой, облаченной в шерстяное платье. К Норри.

— Люси, милая, приятный сюрприз, — сказала она, мы обнялись. — Я думала, тебя не будет всю ночь, — она покачала головой. — Им не стоит так тебя загружать...

— Король тоже тяжело работает, Норри. Прости, я не хотела оставлять тебя здесь одну.

— О, я не одна у Уайтхолле, дитя. Я думаю о тебе, — она отпустила меня. — Конечно, в наших комнатах пока тихо, Марджери уехала навестить маму. Но королева сказала, что я могу приходить сюда к Джоан. И так я и делаю.

Марджери, бодрая и способная, приглядывала на Норри, пока меня не было. Я забыла, что она уехала сегодня. Хорошо, что Сивилла все уладила. Я посмотрела на нее, чтобы выразить благодарность, но они с Джоан все еще шептались. Дверь открылась, и Джоан выскользнула за нее.

— Не переживай за меня, — продолжила Норри. — Это о тебе нужно беспокоиться и заботиться. Худая такая...

Сивилла подошла к нам.

— Точно, Норри. Она слишком худая.

— Я в порядке, — твердо сказала я. Они хотели спорить, но я подняла руку. — Правда. Но что случилось? — Сивилла замешкалась, я покачала головой. — Не говори, что это игра, потому что я в это не верю. Я слышала крик. И дама на полу сказала, что что-то видела.

— Зеленозубую Дженни, — сказала Норри.

Я уставилась на нее. Зеленозубая Дженни в мифах пряталась в реках, заманивала людей в глубины и ела их.

— Вы же шутите?

— Норри, прошу, — сказала Сивилла. — Мы договорились держать это при себе, — а потом мне. — Это бред, Люси. Полная ерунда. Леди Джиллиан просто хотела пошуметь. Она смотрела на реку, а потом вдруг позвала моих дам, крича, что увидела Зеленозубую Дженни. Это чушь!

Это так звучало, но почему тогда Сивилла не смеялась? Что-то происходило и тревожило ее.

— Что она видела? — спросила я.

— Зеленоватое лицо и руки под водой, — презрительно сказала Сивилла. — У причала, по ее словам.

Я не видела ничего, когда была там, но я была отвлечена.

— Может, мне лучше проверить, чтобы убедиться, что проблемы нет, — может, леди Джиллиан что-то все-таки видела, утопленника или плавающего человека. И туда приплывет ночью король. — Я попрошу своих людей помочь. Если нужно, отправлю весть королю...

— Генри? Нет! — Сивилла снова напоминала мстительного ангела. — Никому не говори, слышишь? Ни слова.

Ее реакция испугала меня.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы он думал, что я не могу управлять двором, — сказала Сивилла. — И я не хочу, чтобы об этом говорили все. Такие сплетни они любят. А потом все в Лондоне начнут говорить о безумной королеве и истерическом дворе. Это смутит Генри, смутит меня. Моя репутация будет разрушена. Я не хочу этого.

Я стояла, лишённая дара речи. Я не видела Сивиллу год, но знала, что она была не рада до свадьбы. Конечно, многие властные люди были против их брака. Некоторые настаивали, что он должен был жениться на иностранной принцессе, другие хотели выдать своих благородных дочерей. Почти никто не хотел, чтобы он женился на девушке, которая годами путешествовала по континенту со своей странной матерью.

Люди тоже не были добрыми. Король убрал цензуру, которую принял лорд Скаргрейв, и торговцы продавали тысячи копий популярных баллад, поющих в тавернах, дополненные иллюстрациями. Я видела несколько песен о себе, о том, как я защищаю Англию, как победила ненавистных тенегримов, о моем бесстрашии. О Сивилле песни были другими. Они отмечали ее красоту, но заявляли, что она безумна, как ее мать. До свадьбы каждое ее появление вызывало заявления, что она глупая и обычная, что она не достойна быть королевой Англии.

Я надеялась, что после свадьбы ситуация стала лучше. Они с Генрихом любили друг друга, в этом я не сомневалась.

Но я видела напряжение в ней.

— Обещай, что ничего не расскажешь, — Сивилла уже не приказывала, а умоляла. — Ничего страшного нет. Леди Джиллиан всегда что-то видится, да, Норри?

— Она любит шум, — согласилась Норри.

— На прошлой неделе были призраки в музыкальной комнате, — сказала Сивилла. — А до этого — падающая звезда, предвещающая всем нам зло. Так что ее слова ничего не значат.

— Леди Клеменс восприняла их серьезно, — возразила я. — Она хотела сообщить Нату. Я слышала.

Сивилла закатила глаза.

— Клеменс все хочет доложить Нату. Она хорошая, одна из моих любимиц, но она месяцами думает о нем. Ты не слышала?

Нет.

— Это очень утомительно, — продолжила Сивилла. — Ее отец, граф Тунбридж, никак не пресекает ее увлечение, и это только разжигает огонь. Клеменс днями напролет говорит о Нате. Лучше бы она прекратила, — она криво улыбнулась мне. — Я не против, если бы ты так делала. Но ты о нем не говоришь.

Я пожалала плечами.

— Нечего говорить. Наши пути разошлись.

— Так ты и говорила, — скептически отметила Сивилла, — но я не верю. Ты не давала мне задавать вопросы...

— И мне, — добавила Норри.

— Но у меня есть глаза, — продолжала Сивилла, — и это не выглядит как расставание. Ты приходишь во дворец, только когда Нат уезжает, и покидаешь дворец до того, как он вернется, и так всегда. Так уже больше года. Ты даже ему в лицо не можешь смотреть?

Я хотела возразить, но не могла, ведь Сивилла была передо мной.

Ее сережки покачивались, Сивилла взяла меня за руку.

— Люси, что бы ни случилось, ты можешь рассказать мне. Мы друзья, — я молчала, ее рука замерла на моей. — Я... думала, мы ими были.

— И есть, — быстро сказала я, но она убрала руку.

— Тогда расскажи, что не так между тобой и Натом.

— Не важно, — не сдавалась я.

— Важно, — ее голос был напряжен. — Но ты как Генри. Вы оба думаете, что можно скрывать от меня вещи. Если я задаю вопросы, вы гладите меня по голове и отворачиваетесь. Думаете, что проявляете доброту, видимо. Но я не собачка, Люси. И не глупая. Я знаю, когда от меня скрывают правду.

Тогда что она думала о Генрихе? Обо мне?

— Милая, — начала Норри, потянувшись к Сивилле. — Она и мне ничего не говорит.

Печаль Норри причиняла боль, как и отчаяние Сивиллы. Такой ценой я ограждала людей, которых любила. Это было тяжело для них и для меня. Но как я могла рассказать им правду?

Я подняла голову и обнаружила, что Сивилла смотрит на меня.

— Ты мне не доверяешь, Люси? — сказала она. — Так все время после того, как ты стала работать на Генри. Я знаю, что ты хранишь секреты королевства, но ты закрыла все. И я знаю лишь, что ты ненавидишь Ната...

Я вздрогнула. Едва заметно, но Сивилле этого хватило, и я не успела отвести взгляд. Я забыла, что она хорошо меня читала.

— О, Люси, — ее недовольство превратилось в сочувствие. — Он тебе еще важен, да? Что бы ты ни говорила.

Как все исправить? Стоило держать от нее в стороне, как я делала этот год.

Я искала слова, а Сивилла, торжествуя, сказала:

— Надежда еще есть.

— Нет, — мне не нравилось, куда она клонила.

— Вы созданы друг для друга, — сказала Сивилла, не слушая меня. — Если он тебе важен, надежда еще есть. Мы еще можем вас свести, — она замерла из-за новой идеи. — Я могу этим заняться.

Я в ужасе посмотрела на нее.

— Нет.

— Но я буду рада помочь, — она подпрыгнула в своих ярких туфельках, как она делала в счастливые дни, и радостно улыбнулась мне. — Прощу, позволь.

— Нет, — мой голос дрогнул. — Не ходи к нему, Сивилла. Оставь его. Оставь одного.

Сивилла и Норри смотрели на меня.

Первой заговорила Норри, ее голос был полон тревоги, ведь она всегда думала, что Нат не может поступить неправильно.

— Дитя, я должна знать. Что сделал Нат, что ты так выглядишь?

Мое горло горело. Что я могла сказать?

Сивилла тут же пошла в защиту.

— Мне сказать Генри, что ему нельзя доверять? Он послушает меня, будь уверена. Я его заставлю выслушать.

— Нет! — только не это. — Сивилла, прошу...

Но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что она не отступит. Если она разрушит уверенность короля в Нате, все мои старания будут напрасными.

Игра шла. И я должна была рассказать им правду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: РАСКРЫТАЯ ПРАВДА

Я слышала, как сзади трещит огонь. Уголек выпал из-за решетки. Я подняла голову, Сивилла и Норри все еще смотрели на меня.

— Нат не сделал ничего страшного, — сказала я. — Это правда, обещаю. Но расстаться было его идеей, не моей. Он сказал не писать ему, просил держаться подальше, пока он при дворе.

Сивилла опешила.

— Не понимаю.

Норри была потрясена не меньше нее.

— Зачем Нат это сделал?

Я с усталостью понимала, что все должно раскрыться. Не было шанса избежать этого.

— Потому что он считает, что у него нет статуса для отношений со мной. Он сказал, что ему нужно доказать, что он сам может стоять на ногах, а он не может этого, пока я рядом. Люди подумают, что я продвигаю его.

— Он признавался в чувствах? — спросила Сивилла.

— Полтора года назад, — осторожно сказала я. — Конечно, я не знаю, что он чувствует сейчас...

— Он тебя любит, — глаза Сивиллы сияли.

Норри не спешила радоваться, но я видела, что напряжение покинуло ее морщинистое лицо.

— Вот, что между вами, — она покачала головой. — Но я не знаю, почему Нат решил, что не стоит на своих ногах. Я еще не встречала более способного юноши.

Я молчала. Двадцать месяцев назад я сама спорила с Натом об этом, и это ни к чему не привело. Я не собиралась раскрывать кому-то, даже Норри, какое отчаяние ощущал Нат, каким низким тогда было его положение при дворе.

Но Сивилла разбиралась в политике двора и не забыла.

— Он умел, да, — согласилась она, — но не в том дело, милая Норри. Да, тогда у него не было толком места при дворе, не было власти. А вы ведь знаете, какими могут быть люди. Они бы назвали его лакеем Певчей, а то и хуже.

От ее слов я поняла, как плохо все было. Я преодолела бы это, чтобы быть с Натом. Но его жертва была бы куда больше. Никто не стал бы уважать его. Конечно, он упряился.

— Да, понимаю его дилемму, — Сивилла повернулась ко мне с тревогой в глазах. — Но я все еще думаю, что он попросил слишком много, заставив тебя делать вид, что вы расстались.

— Он не просил этого, — призналась я. — Он сказал, что ему нужно все делать самому. А у меня было время подумать, и я поняла, что нужно делать. Было мало не вмешиваться. Я должна была дать понять, что не хочу вмешиваться, что меня не интересуют его дела, что меня не интересует он.

— Это нужно, дитя? — спросила Норри.

— Да, — я была в этом уверена. — Иначе при дворе думали бы, что я тяну за нити для него.

— Ненавижу это говорить, но ты права, — сказала Сивилла. — Эти жабы так и подумали бы. Но нужно было рассказать нам. Мы могли помочь тебе.

Я покачала головой. Я любила их, но этот секрет был слишком большим, особенно, если учесть, что Сивилла не была скрытной. Может, это изменилось, ведь она теперь была королевой, но было рискованно говорить ей или кому-то в ее круге, включая Норри.

— Было проще всего сказать всем, что мы поссорились, и между нами больше ничего нет, — сказала я. — Так никто не мог обвинить Ната в том, что его достижения — моих рук дело.

— И никто не помогал ему, чтобы добраться до тебя, — сказала Сивилла, понимая. — И Нат стоит на своих ногах, как и хотел, — она с восхищением посмотрела на меня. — Умный план.

— Нет, — он многого мне стоил. — Отчаянный. Но он сработал. И Нат не возражал.

Сначала я боялась, что не смогу играть при нем, что мой взгляд все выдаст. Но этого не было. Меня редко вызывали ко двору. Я узнавала при этом, что Нат ушел раньше моего прибытия. И я старалась уехать раньше, чем он возвращался. Не удалось лишь раз, и я притворилась, что плохо себя чувствую, и оставалась в комнате, пока он не уехал.

Хотя мы не видели друг друга, мы словно были в безмолвном соглашении. Мы играли по одним правилам.

Я на это надеялась. Проблемой такой игры было отсутствие уверенности в том, что думает другой игрок. И всегда был шанс, что игра закончится, когда все уйдут с доски.

Тихое сочувствие во взгляде Норри убивало меня. Она похлопала меня по руке.

— Ты замерзла, дитя.

Сивилла обняла меня рукой.

— Замерзла? Нельзя этого допустить.

Норри разожгла огонь сильнее, Сивилла усадила меня в кресло с высокой спинкой у камина. Шурша шелковыми рукавами, она взяла серебряный чайник, который был укутан тканью, чтобы не остывал.

— Шоколад. Он тебе нужен.

Она налила напиток и передала мне. Грея руки о чашку, я чувствовала себя очень уютно.

Сивилла села и принялась за свой шоколад.

— Не понимаю, — сказала она расслабленно, — почему вы с Натом все еще порознь.

Я со стуком опустила чашку.

— Но я только что сказала...

— Ты рассказала, что держалась подальше от Ната, чтобы он проявил себя, — сказала

Сивилла. — Это было благородно. Но он проявил себя, Люси. Вы не пересекались, так что ты можешь не знать, но тебе стоит увидеть, что творится, когда он придет. Все в Лондоне выказывают ему почести и уважение.

Норри кивнула.

— Они знают, что он спас их от голода, сначала картофелем, а в том году — новой пшеницей.

— И у него репутация отличного посредника, — сказала Сивилла. — Генри говорит, что ему можно все доверить. Он зовет его правой рукой.

— Но это только король, — возразила я.

— «Только король», — повторила Сивилла, на ее щеках появились ямочки. — Люси, ты знаешь, сколько людей получают такое отношение Генри? И сколько плюсов у такого отношения? Тебе стоит увидеть, как люди теперь прислуживают Нату.

Я заметила, что его имя произносили иначе, но Сивилла была права. Я не понимала, как сильно изменилось его положение.

— Прислуживают? Правда?

— Да. Он им не потакает, так что чувствительные перестали так делать. Но остальные делают. Все при дворе знают его ценность, — Сивилла посмотрела на меня поверх чашки с шоколадом. — Включая дам.

— Дам?

— Не только Клеменс влюбилась в него, — сказала Сивилла. — Хотя она из них милее всех.

Это меня не успокаивало.

— Его считают одним из самых подходящих мужчин в королевстве, — бесстрастно говорила Сивилла, словно оценивала незнакомца. — Конечно, богатства у него нет, но из-за положения при дворе люди рассчитывают, что он разбогатеет. И теперь он стал лордом Уолбруком, хотя Генри пришлось долго его уговаривать согласиться, многие семьи готовы закрыть глаза на факт его рождения.

— О, вот как? — они столько раз рычали на него, ведь не было известно, кем были его родители. — Звери.

У Сивиллы снова появились ямочки.

— Нат, как по мне, сделал то, что хотел. Он создал свою репутацию. Вам больше ничто не мешает.

— А потому, — сказала Норри, — вы должны перестать избегать друг друга.

Сивилла кивнула.

— Лучше и не скажешь. Вы ждали достаточно долго. Вам нужно просто поговорить, и все наладится.

Я провела пальцами по краю чашки. Я представляла то, о чем они говорили, я хотела этого, чтобы боль и ожидание закончились. Но на пути было все еще много преград.

— Он прибудет в Лондон, — сказала я. — На открытие. Король сказал мне сегодня.

Сивилла была рада.

— Отлично! Тебе нужно остаться и дождаться его. Обещай, что так и сделаешь.

— Он не сказал, что хочет меня видеть, — возразила я. — Не написал.

— Может, он решил, что ты передумала, — сказала Сивилла.

Худший страх поднимал свою уродливую голову.

— А если он передумал?

— Тогда ты узнаешь, — заговорила Норри хриплым голосом. — Лучше узнать сейчас, чем сидеть и ждать годами.

— Да, — сказала Сивилла. — Ты должна поговорить с ним. Думаю...

Крик из-за двери перебил нас.

— Певчая! Мне нужна Певчая!

Я встала, Сивилла и Норри приблизились ко мне. Но я не успела открыть дверь, лорд Габриэль ворвался в комнату.

Он дышал порывами, словно сильно бежал, его отполированные ботинки и аккуратный костюм были в пятнах дождя.

— Вы нужны королю, Певчая. Срочно.

— Королю? — ладонь Сивиллы легла на сердце. — Он ранен?

— Нет, нет. Ничего такого, — убедил ее Габриэль, поклонившись со своим очарованием. — Ему нужна Певчая. Боюсь, больше ничего сказать не могу. Певчая, вы идете? В послании говорится, что вам нужно встретиться с ним во дворце Гринвич.

— Конечно, — там он собирался встретиться с адмиралом, он был в пяти милях ниже по реке от Уайтхолла. Я повернулась к Норри и Сивилле. — Простите, но я должна идти.

Норри привыкла к быстрым прощаниям. Она отпустила меня, попросив беречь себя и обняв. Сивилла была сдержанной. Я видела по ее лицу, что она хотела отправиться с нами. Но было ясно, что ее туда не звали.

Вместо возражений она стала тихой и отдаленной. Мы с Габриэлем уходили, а она заняла место среди фрейлин. Я оглянулась, ее красивое лицо стало напряженной маской, и расстояние между нами увеличивалось.

ГЛАВА ПЯТАЯ: ТЕМНЫЕ ДЕЛА

Час спустя я так и не попала к королю, но не из нежелания. Я стояла на тускло озаренной палубе, прижав колени друг к другу из-за волн, слушая внимательно музыку реки и тумана.

Я снова использовала магию, чтобы ускорить путь, пением просила потоки нести нас быстрее. Когда туман становился слишком густым, я рассеивала его, чтобы восходящая луна могла озарять наш путь. Пока что я не пробовала более сильную магию, что могла бы перенести нас к Гринвичу за секунды. Эта магия многого требовала, и я не знала, что нас ждет в конце, так что хотела поберечь силы.

За мной голоса стали громче и нарушили мою концентрацию. Я оглянулась и увидела, что Габриэль говорит с сэром Барнаби Гэддингом.

— Говорю вам, я знаю не больше вас, — говорил Габриэль, в его голосе была нотка напряжения. — Послание пришло в Уайтхолл, и я прибыл. Послание написано рукой короля. Он хотел, чтобы Певчая и его главные советники встретились с ним в Гринвиче из-за срочного дела. Больше ничего там не было.

— Главные советники? — сэр Барнаби постучал тростью из слоновой кости по палубе. Он был главой Совета и был недавно при смерти, да и сейчас его постоянно мучила подагра, но этого не было видно в его осанке. — И вы тоже отправились?

— Я хотел помочь, сэр Барнаби, — ответил подавленно, но все еще напряженно Габриэль. — И Певчая меня попросила.

Я такого не помнила. Это Габриэль предложил сопроводить меня на корабль. Но я не собиралась исправлять его версию событий. Он только появился в Совете, и у него уже были проблемы с опытными членами, например, с сэром Барнаби. Они не могли простить ему свободы и ошибки.

Но свобода была частью характера Габриэля. У него вошло в привычку делать мне предложение при каждой встрече. Я отказывалась, и он всякий раз лишь смеялся и целовал мою ладонь, а потом пробовал в следующий раз. Так он делал и с другими женщинами, как я подозревала, но никто так не радовался флирту, как Габриэль. Когда его заигрывания прекратились так же внезапно, как и начались, я была рада, но и удивлена.

Когда он не играл, Габриэль был приятным в общении. А сэр Барнаби этого не видел. Они с Габриэлем спорили, а я прошла на корму и обратила внимание на реку. Ничто не изменилось, только рассеивался туман, как и должен был.

Я невольно подумала о Нате. Он скоро будет здесь. Нужно решить, что делать. Может, Сивилла и Норри были правы. Может, пора мне было настоять и узнать, что обо мне думал Нат. Но я не хотела выставлять это на обзор всем при дворе. Потому что они будут смотреть, в этом я была уверена.

— Ах, вот ты где, — держась за шляпу, Корнелиус Пенебригг подошел ко мне. Туман осел на его очках и густой серебряной бороде. — Ты встревожена, дорогуша. Все в порядке?

— Да. В порядке, — старший из советников короля, Пенебригг был мне хорошим другом. Нат был ему как сын, и я знала, что наши отношения волновали его. Потому я не хотела тревожить его своими проблемами. — Просто хотелось бы знать, что ждет нас в Гринвиче.

Пенебригг кивнул, сжимая шляпу.

— Как и мне. Но мы вскоре там будем. Это последний поворот.

Он был прав. Ветерок усилился, прогоняя обрывки тумана. Вскоре кирпичные башни дворца, озаренные факелами, появились впереди. Через пару секунд я заметила корабль, пришвартованный у причала.

— Что такое? — осведомился сэр Барнаби, появившись за мной и указывая на судно. Света не хватало, чтобы увидеть что-то, кроме длинных темных линий.

Пенебригг суетился с очками, а Габриэль уверенно сказал:

— Судя по всему, это фрегат. Двадцать пушек, один из наших. Странно, что он здесь, у дворца.

Наше судно добралось до причала, и отряд стражей вышел из дворца встретить нас. Нам не дали спуститься, лидер спросил, кто мы, а потом указал на мрачный корабль.

— Король ждет вас на «Дорсете».

— В чем дело? — рявкнул сэр Барнаби.

— Не могу знать, — ответил страж. — «Дорсет» только прибыл из Голландии. Это все, что я знаю. Но Его величество хочет увидеть вас немедленно.

Мы поравнялись с «Дорсетом», на нем загорелись огоньки ламп, когда мы приблизились. Под одной из ламп стало видно людей на палубе. Команда корабля, видимо. Но когда Габриэль поприветствовал их, первым из круга вышел сам король.

Он подошел к поручню.

— Вы прибыли!

Мы поприветствовали его, мой голос почти подвел меня. Другие мужчины повернулись к нам, и среди них был Нат.

Больше года я притворялась, что он мне не интересен. А теперь, в полумраке лунной ночи, я перестала играть. Я была собой, желающей видеть его.

Сивилла назвала его правой рукой короля. Он так и выглядел. В нем всегда была тихая сила, но теперь эта сила была открыта. Высокий, уверенный и способный, он подошел ко мне, и то, что я увидела на его лице, заставило мое сердце колотиться как барабан...

А потом я заметила, что было в центре круга мужчин, и мое сердце чуть не остановилось. Там стояла огромная бочка, и было видно, что внутри нее была женщина с кляпом во рту.

Мне стало плохо от ее вида. Кляпы и намордники использовали, чтобы заставить женщин молчать, так было до правления Генриха. Особенно, это часто использовали на Певчих. Мою бабушку заставили замолчать кляпом и убили, от воспоминания я ощутила ужас.

— Что происходит? — мой голос дрожал от гнева. — Вы затыкаете женщин и бросаете их в бочки?

Я могла задать вопрос кому угодно, но смотрела на Ната.

Даже в тусклом свете я увидела, как его лицо изменилось. Когда он ответил, его голос был настороженным, почти стальным.

— Это не женщина, Певчая. Это русалка. И она с кляпом, потому что пыталась убить нас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: УНДИНА

Я смотрела на Ната, лишившись гнева, но судно качнулось, и мы отплыли в сторону. Когда мы снова поравнялись с «Дорсетом», вернуться к тому моменту, полному надежды, когда мы посмотрели друг на друга, уже не вышло бы. Нат уже стоял вдали и говорил с кем-то из команды корабля. Он не смотрел в мою сторону.

Печаль, близкая к горю, пронзила меня. Сивилла просила поговорить с ним. Но мы встретились, и все пошло не так.

Впрочем, эмоции сейчас мне не помогли бы. Я сосредоточилась на том, что всем нужно было попасть на «Дорсет», особенно, сэру Барнаби, которого беспокоила нога.

Как только все оказались на борту, король познакомил нас. Я уже знала лорда адмирала, пухлого мужчину лет сорока с кожей, как у ящерицы. Рядом с ним стоял мой давний друг, сэр Самюэль Дипс, советник короля, денди и секретарь морского флота. Я впервые видела капитана Эллиса с бычьей шеей и хрупкого доктора Верни с «Дорсета».

После любезностей мы собрались вокруг бочки, в которой была морская вода.

Существо попыталось спрятаться под воду, когда ее окружили, прячась, как только было возможно. Ее длинные серебристо-зеленые волосы плавали на поверхности, отчасти закрывая обзор. Но все равно было видно, что у нее голова женщины и рыбий хвост, толстые веревки обвивали ее руки и тело. В свете фонаря ее кожа блестела, чешуйки под поверхностью сверкали.

Она не была человеком. А потом я увидела, как веревка впивается в ее кожу, и прикусила губу.

Она была опасна. Нат говорил, что она хотела убить. И веревки с кляпом больше никого не беспокоили. Они бесстрастно смотрели на русалку, кроме Пенебрига, который глядел на

нее почти с благоговением.

— Чудо, — выдохнул он. — Настоящая ундина.

Ундина? Я посмотрела на Ната, стоявшего напротив меня.

— Ты говорил, что она русалка?

— Это термин обычных людей, — сказал Габриэль. — Те, кто читал великого Парацельса, назвали бы ее элементом воды.

— Ундиной, — кивнул сэр Барнаби.

— Или нимфой, — поправил шляпу сэр Самюэль. — В моем издании термин перевели так.

Капитан Эллис и доктор были в смятении. Как и король с адмиралом.

— Или можно просто назвать ее русалкой, — спокойно сказал Нат, — и тогда нас поймут и те, кто не читал Парацельса.

— Можно и так сказать, — согласился Пенебригг, но я даже в тусклом свете видела, что Габриэль недоволен. Он недолюбливал Ната.

— Я предпочитаю терминологию Парацельса, — сказал Габриэль в манере аристократа. — Все же он первый посмотрел на все с точки зрения науки, чтобы понять, что каждой из четырех великих стихий принадлежит дух...

— Ундины воды, саламандры огня, гномы земли и сильфы ветра, — сказал Нат.

Габриэль удивленно вскинул бровь.

— Так ты читал его.

— Да. Интересная теория, — сказал Нат. — Но мало доказательств.

Габриэль был готов спорить дальше, но сэр Барнаби вмешался с вопросом к доктору.

— Скажите, долго она может так сидеть под водой?

— Дольше человека, — худощавый и сутулый доктор Верни сверился с тетрадью. — Мы засекали время, Максимум был семнадцать минут и двадцать секунд. Но это было раньше. Сейчас периоды стали короче.

— Да, — Дипс сверился с часами. — Последний раз был всего четыре минуты и тридцать шесть секунд.

— Интересно, — сэр Барнаби склонился на трости, чтобы разглядеть существо. — Думаете, она ослабевает?

Когда я впервые встретила сэра Барнаби и его коллег, они смотрели на меня так же, как на диковинку, которую нужно проверить. Мне стало не по себе.

— Если так, — сказала я, — то, возможно, из-за плотно затянутых веревок.

— Плотно? — король нахмурился. — Вы так думаете, капитан Эллис?

Капитан покраснел от одной мысли.

— Если мы их ослабим, она выскочит из бочки в море, и мы снова будем в опасности. Она — убийца.

— Как она на вас напала? — спросила я.

— Она пыталась разбить нас, — капитан Эллин. — Она и ее родичи. И если бы лорд Уолбрук не мыслил быстро, у них бы вышло.

— Родичи? То есть, русалка была не одна? — спросил Пенебригг.

— Я видел троих, — сказал доктор Верни.

— Я тоже, — отозвался капитан Эллис.

— Возле устья Темзы? — спросил адмирал. — Опасное место во все времена, с отмелями и странными течениями. Там нельзя проходить неопытным.

— Да, милорд, — капитан Эллис повернулся ко мне и сказал. — Я могу показать потом место на карте, если хотите.

— Когда это случилось? — спросила я.

— Утром после рассвета, — голос капитана стал мрачным. — Я вел корабль, мои лучшие ребята помогали. И тут мы услышали пение.

— Я тоже слышал, — сказал доктор. — Изысканная музыка, я такую никогда не слышал, — он робко посмотрел на меня. — Хотя я никогда не слышал Певчую.

— Они не похожи, — убедил его Нат. — Песни Певчей для наших ушей звучат жутко.

Норри всегда говорила, что они звучат зловеще. Но я не знала, как считал Нат.

— Но песни русалок невероятно красивы, — продолжил Нат. — Сводят людей с ума. Это она и начала делать с нами.

— С тобой тоже? — спросил Пеннебригг.

— Мне повезло быть под палубой, когда это началось, так что я едва слышал, — сказал Нат. — Только когда в соседней каюте закричали про русалок, я выглянул в иллюминатор. Когда я увидел их, я вспомнил историю Улисса и сирен из той книги, по которой вы меня учили латыни.

— Правда? — обрадовался Пеннебригг.

Нат кивнул.

— Хорошо, что вспомнил. У меня не было при себе воска, как было у людей Улисса, но шерсть из подушки подошла, пришлось разорвать ее. Я кричал остальным под палубой заткнуть уши, а потом взбежал на палубу и заткнул уши капитану и тем, кого успел найти. Многие быстро пришли в себя, повернули корабль, а я бросился за русалками с помощью доктора Верни и нескольких остальных.

— Одна из них была у берега, а другие — у кормы, — сказал доктор Верни. — Мы бросали гарпуны и попали по одной. Другую поймали сетью.

— Втащив ее на борт, мы заткнули ей рот, — сказал капитан Эллис. — А потом пришлось думать, как ее хранить.

— Мы хотели, чтобы вы увидели ее, — сказал Нат королю, — но я боялся, что она умрет, если мы будем держать ее без воды. Так что мы наполнили бочку морской водой.

— Хорошая мысль, — сказал Пеннебригг.

— Первую бочку она перевернула, борясь, так что пришлось ее связать...

— Это была скользкая работа, — добавил доктор Верни. — Она была как угорь...

Пока они говорили, русалка вынырнула за воздухом. Ее взгляд был опущен, веки были красными и опухшими, словно она плакала.

Уловка или иллюзия. Но то, что я видела, было не иллюзией точно: серый кляп в ее рту, точки ярко-красной крови там, где веревка оцарапала ее щеки.

Их можно было ранить, как и нас.

— Три минуты и сорок восемь секунд, — Дипс закрыл часы.

— Невероятно, — сказал сэр Барнаби, доктор сделал запись в тетради. Никто не замечал кровь.

Нат напротив меня сказал:

— Некоторые хотели убить ее, но мы им не позволили.

— Правильно, — сказал сэр Барнаби. — Лучше изучить ее, пока можно. Представьте, что мы можем узнать. Никто еще не экспериментировал с живой русалкой.

Я сжала кулаки. Она пыталась утопить корабль. Она пыталась убить их. Но мне все

равно было плохо. Что за эксперименты задумывал сэр Барнаби?

— Я не это имел в виду, сэр Барнаби, — сказал Нат.

Я была рада слышать это, но радость угасла, когда Нат продолжил:

— Я хотел попытаться поговорить с ней, — он посмотрел на меня поверх головы русалки, ведя себя бесстрастно. — Может, тебе удастся узнать ее мотивы, узнать, задумали ли русалки другие нападения.

— Отличная мысль, — сказал король.

Я смотрела на кровоточащее лицо русалки.

— Вы хотите, чтобы я допросила ее?

— Да, — сказал Нат.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: СЕСТРЫ ПОД КОЖЕЙ

Русалка подняла голову и посмотрела на меня бледными морскими глазами. Она нас понимала?

— Я не знаю, с чего начать, — сказала я Нату и королю. — Даже без кляпа...

— Кляп останется, — капитан Эллис скрестил руки. — Она уже достаточно навредила. Двое из моей команды все еще не пришли в себя. Я не буду рисковать остальными.

— Похоже, шерсть лучше всего защитила от звука, — объяснил доктор Верни. — Или те ребята были уязвимее остальных. Но мы не можем позволить русалке снова петь.

— Не на корабле, — сказал Нат. — Я предлагаю перенести ее в бочке в подвал Гринвича. Она не сможет там сильно навредить, даже если убрать кляп.

Поднимался ветер. Я ощущала, как «Дорсет» раскачивается подо мной. Русалка тоже это ощущала. Она повернула голову в сторону ветра, ее хвостовой плавник двигался в воде.

— Уверен, что она потерпит перемещение? — с сомнением спросила я. — Она выглядит нездоровой, как по мне.

— Согласен, — доктор Верни посмотрел на свою книгу записей. — Судя по собранной информации, она быстро слабеет. Перемещение может убить ее.

— Мы не можем этого позволить, — сказал сэр Самюэль. — Иначе мы ничего не узнаем.

— Верно, — встревожился король. — Певчая, есть другой вариант? Есть другой способ узнать ее намерения?

Русалка все еще смотрела на меня. Одного взгляда в эти морские глаза хватало, чтобы я поняла, что откуда-то знаю ее, что мы — сестры под кожей...

Но это было воображение.

— Я не могу читать ее разум без лунного шиповника, — сказала я. — А у нас его нет, — последний флакон был уничтожен при всем Совете в прошлом году.

Пенебригг успокаивающе ответил:

— Не переживай, дорогуша. Должен быть другой способ.

— Да, — сэр Барнаби окинул русалку взглядом. — Если бы мы могли сделать так, чтобы она могла говорить, но не петь, то получилось бы что-нибудь узнать от нее. Может, если поэкспериментировать с ее связками...

Мое горло сжалось.

— Нет, — слово вылетело из меня. Все повернулись ко мне, и я поняла, что мои кулаки

снова сжаты.

— Певчая? — сказал король.

— Должен быть другой способ, — я смотрела в глаза русалки. Я ощущала ее страх, почти словно он был моим. Ее страх, ее тоску по морю.

— Вы же не собираетесь вытащить кляп? — сказал с подозрением капитан Эллис.

— Мы уже это решили, полагаю, — сказал король. — Певчая, что вы думаете?

— Я хочу послушать, — откуда эта идея? Не важно. Ее нужно было проверить. — Послушать русалку, как я слушаю воду.

Нат был заинтригован, как и Пенебригг. Все остальные растерялись.

— Но с кляпом она не издаст ни звука, — возразил лорд адмирал.

— Не для ваших ушей. Но я слышу в воде то, что не слышат другие. Я ощущаю, что она хочет, что ей нужно, как она может схитрить, без слов, — я кивнула русалке. — С ней должно сработать. Она — создание воды. И, если Парацельс прав, ее можно звать духом воды.

Габриэль кивнул при упоминании Парацельса.

— Интересная идея.

— Интересная, да, но сработает ли? — спросил сэръ Барнаби. — Разве вы не слышали бы раньше от нее что-нибудь, Певчая?

— Сложно слушать, когда столько голосов, — сказала я. — Мы все время говорим.

— Тогда теперь мы помолчим, — сказал Нат.

Остальные последовали его примеру, даже король. Капитан Эллис отправил всю команду под палубу. Несколько минут спустя стало слышно только ветер и тихий плеск Темзы о бок судна.

Я смотрела на русалку, она смотрела на меня, и я сосредоточилась на звуках.

Сначала я слышала только воду в бочке, она не радовалась, что ее удерживали. Она кружилась, мелодия шла по бесконечному кругу. А потом я уловила что-то еще, пугающую музыку, что говорила о страхе чего-то в бочке. Не воды.

Сэр Барнаби склонился, словно хотел рассмотреть русалку ближе.

С плеском она погрузилась, оставив след пузырьков. Музыка снова пришла ко мне, в этот раз сильнее, полная паники.

— Назад, — сказала я. — Отойдите как можно дальше.

Сэр Барнаби был недоволен, как и лорд адмирал с капитаном Эллисом. Но Нат и король жестами заставили всех отойти от бочки.

Я пыталась передать русалке, что все безопасно. Но я потеряла связь с ней.

Я в смятении обхватила край бочки пальцами. Она была передо мной, но я не могла дотянуться до нее, я и не осмелилась бы, ведь она уже боялась.

Вода в бочке бурлила. Она коснулась кончиков моих пальцев, волна ощущений нахлынула на меня, такое сильное раскаяние, что я отдернула с потрясением руку.

Русалке было жаль?

Взмахнув хвостом, она вынырнула. Жидкость стекала по ее волосам и коже. Я вскоре поняла, что там не только морская вода, но и слезы.

Я коснулась воды снова, меня снова заполнило раскаяние, а еще боль и страх.

Она не хотела никому навредить. Теперь я была в этом уверена. И я знала кое-что еще. Она умирала.

Кляп не только впивался в ее кожу. Не только мешал ей петь. Он удушал ее. Вата

облепила ее язык и двигалась по горлу все дальше с каждым глотком...

Ее паника была моей. Я хотела сорвать кляп и до этого. Но я знала, что были причины осторожничать. Если бы я попробовала, мне пришлось бы бороться с капитаном Эллисом, да и с остальными, скорее всего. Я могла победить, если нужно, но были другие способы спасти жизнь русалки. Кляп был мокрым. Я могла направить туда воду по своей воле?

Я слушала, но в этот раз не только русалку, но и воду вокруг нее, особенно, в вате и веревке. Русалка погрузилась снова, и я запела воде, просила ее выгнать вату из горла русалки. А потом я использовала вес воды, чтобы растянуть веревку и чуть ослабить кляп.

— Погодите! — бросился вперед капитан Эллис. — Что она поет?

Нат и Габриэль оттащили его.

— Она знает, что делает, — сказал Нат. — Дайте ей шанс, как она и просила.

Его уверенность удивила и согрела меня. Я отвлеклась и пропела дольше нужного, ослабила веревки сильнее, чем планировала. Я вдохнула, чтобы все исправить, и кляп отцепился.

— Остановите ее! — закричал капитан.

Нат бросился к бочке. А потом остановился. Как и все они.

Русалка пела.

Доктор не врал: песня была совершенной, я о такой и не мечтала. Я была очарована красотой. Пока русалка вырывалась из веревок, которые я ослабила по доброте и по ошибке, я могла думать лишь о ее музыке.

В отличие от остальных на корабле, я давно имела дело с волшебными мелодиями, и я знала, как противостоять им. Лучше всего было уйти вглубь себя, сосредоточиться на биении своего сердца, а не на внешних звуках. Когда я сделала это, песня русалки утратила часть илы. Я смогла двигаться, хоть это и требовало усилий.

Но петь сейчас я не могла. Для этого нужно было открыться и слушать музыку вокруг, а кто знал, куда она привела бы? Я могла запеть вместе с русалкой. Лучше заткнуть уши мужчинам вокруг меня, чтобы они помогли.

Я повернулась к ним, а русалка сбила бочку. Она треснула, упав, вода вылилась, и русалка вместе с ней отъехала к краю.

— Нет, — я заставила себя шагнуть и схватиться за ее скользкий хвост. — Останься. Поговори со мной.

Я касалась ее чешуи и чувствовала ее гнев. Уже не было раскаяния, сожаления, только дикая ненависть.

Ты заплатишь, Певчая. Помни, — заговорила она, хотя с губ все еще скрывалась прекрасная песня. — *Море идет. Мы идем. И мы утопим вас всех.*

Я впилась от потрясения сильнее.

Что?

Пусти, — сильный хвост русалки ударил меня о палубу. Я отпустила ее плавник.

Не переставая петь, русалка схватилась молочно-белыми руками за борт и перемахнула через него. С громким плеском она погрузилась в реку и уплыла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:

НЕЗНАКОМЦЫ

Я подбежала к краю. Все было тихим и мрачным, русалки не было видно, не было даже

тусклого сияния под волнами.

Но ее песня ушла с ней, и я могла снова притягивать свою магию. Я слышала Темзу и нашла то, что было мне нужно. Музыка, что могла найти и схватить русалку, притянуть ее к нам.

За мной зашевелились мужчины.

— Что это было? — сказал кто-то.

— Она сбежала, — закричал король. — Русалка сбежала.

— Это все Певчая, — прорычал капитан Эллис.

— Это может быть случайно, — сказал Пенебригг.

Нат подошел ко мне.

— Что случилось?

Я не могла посмотреть на него, тем более, ответить. Русалка была все дальше с каждым мигом. Закрывшись от всего, кроме музыки, я позвала реку на помощь.

Моя песня лилась в ночи, а потом разбилась в хаосе. Голова кружилась. Моя песня словно врезалась в стену.

Что-то защищало русалку, что-то невероятно сильное, что-то, что не было магией русалки. Могла ли это быть сама река? Или морской поток в ней? Могла русалка взывать к такой силе?

— Что она делает? — осведомился капитан Эллис.

— Тише, — сказал кто-то. Габриэль?

Капитан молчать не собирался.

— Не смей мне приказывать. Это мой корабль, я буду говорить то, что захочу. Откуда нам знать, что она не помогает русалке?

Не слушая их, я запела снова. И снова моя музыка ударилась о стену, звук отлетел ко мне. Но в этот раз, когда шум угас, я, казалось, уловила что-то еще глубоко в воде, очень слабые отголоски сильной песни, полной гнева.

Странная и сложная, эта пеня была не русалочьей. Я такую музыку еще не слышала. Но что-то во фразах и переливах заставило меня подумать о чаропеснях Певчей.

Могла это быть другая Певчая?

Видимо, я издала от потрясения звук или странно двинулась, потому что Нат тут же сказал:

— Что-то не так?

Полтора года разлуки, но он все еще легко читал меня. Я бы обрадовалась в другой раз. Но сейчас только напряглась.

Рассказать ему и всем о том, что я услышала? Нет. Пока что. Я услышала слишком мало, чтобы быть уверенной. Вместо этого я сосредоточилась на основном — узнать границы своей силы. Слушалась ли меня еще река? Я быстро запела простое заклинание для создания брызг.

Она тут же ответила, даже радостно, в стороны полетели брызги. Я успокоила реку песней, и они пропали. Но когда я снова запела русалке, я ударилась о ту же стену. Я прислушалась к странной новой музыке. В этот раз я ничего не услышала.

Капитан Эллис позади меня не сдержался.

— Я скажу вам, что не так. Посмотрите на нее! — я повернулась к нему, но он говорил с мужчинами, а не со мной. — Русалка уплыла крушить другие корабли, а Певчая брызгается. И никто даже слова ей против не скажет.

— На то есть причина, капитан, — возразил король. — Она заслужила доверие.

— И мы сами не без вины, — добавил Нат. — Стоило сунуть в уши затычки, на всякий случай. Мои были в кармане, но мы не успели, ведь она пела в нескольких футах от нас.

Я была благодарна помощи Ната. Но он повернулся ко мне, и в его глазах были вопросы, как и у всех, даже у короля.

Мои слова никак это не исправили бы.

— Боюсь, капитан Эллис прав, — я прижалась к борту, корабль раскачивался подо мной. — Я виновата. Я хотела не дать русалке задохнуться, но все пошло не так.

Я постаралась бесстрастно объяснить им, как она рассказала мне, что умирает, как я пыталась спасти ее, и как ошиблась.

— Я преследовала ее, пыталась вернуть песней. Но она меня перехитрила. Простите.

Мое признание вины не смягчило гнев капитана. Сэр Барнаби тоже не был рад, а сэр Самюэль, адмирал и доктор Верни смотрели на меня с укором. Нат стоял в тени, я не могла даже догадаться, что он думает. Но король, Пенебригг и Габриэль с сочувствием кивали.

— Боюсь, это не все, — я передала им слова русалки: «Море идет. Мы идем. Мы утопим вас всех».

— Что это значит? — поинтересовался король.

— Ничего хорошего, — тихо прорычал капитан Эллис.

Сэр Барнаби ткнул тростью обломок бочки.

— Как по мне, это все бред. Она врала вам, Певчая. Как и соврала про удушение и смерть.

Врала ли она о кляпе? Я не была уверена. И слова предупреждения казались неукрашенной правдой.

— Это не было похоже на ложь.

— Вас уже обманывали, — сказал сэр Барнаби.

У меня не было ответа на это, кроме слабых отголосков песни, такой сильной и полной зла. Но я не была в этом уверена. Я слышала ее лишь миг, и было сложно запомнить, как она звучала, как и не было понятно, почему я приписывала ее Певчей. Это могла быть магия русалки, и сэр Барнаби был прав, указывая мне на ошибку.

Король вмешался раньше, чем остальные что-нибудь сказали.

— Какой бы ни была правда, сейчас никто не тонет, будет рады уже этому. Капитан Эллис, идемте со мной в Гринвич. Нам нужно будет обсудить все еще раз утром.

Слова короля не позволяли даже капитану Эллису перечить. Приказы были отданы, нас готовились доставить к причалу.

Лорд адмирал с сомнением смотрел на меня, пока мы садились в лодку.

— Жаль, что существо уплыло от вас, могу сказать только это. И одна ушла до этого, да? Их как минимум две. Они могут быть где угодно.

Я подумала о леди Джиллиан. Я не могла сохранить все это в тайне, но я не хотела упоминать при этом Сивиллу.

— Боюсь, еще одна может быть в Лондоне, — сказала я остальным. — Сегодня в сумерках кто-то доложил, что странное существо плавало у причала Уайтхолл. Может, это просто показалось, но теперь...

— У Уайтхолла? — король встревожился, как и остальные.

Лорд Адмирал мрачно смотрел на меня, я сидела напротив него в лодке.

— Вы не исследовали это?

— Нет. В тот миг это не казалось важным, — я не собиралась объяснять причину. — Конечно, теперь я об этом жалею.

Лорд адмирал прищурился.

— Видимо. Промашка, должен сказать.

Может, остальные были заняты поиском места в лодке, Нат сел вдали от меня, но никто не выступил в мою защиту. Я не могла защитить себя, не впутывая Сивиллу.

К счастью, сэра Самюэль был рад воспользоваться моим молчанием. Он сел рядом с лордом адмиралом и начал обсуждать с ним, как лучше защитить Лондон и флот от нового врага.

Мы плыли к Гринвичу, остальные присоединились к обсуждению. Пока они говорили о том, как распространить беруши среди моряков, я молчала и смотрела на реку. Я прислушивалась, но не могла уловить русалку. Как и не слышала странную силу, защищавшую ее.

† † †

Мы добрались до дворца, король спросил о депешах из Лондона. Мы были рады услышать, что там не заметили ничего, похожего на магию русалки. Узнав это, король решил не работать в позднее время. Он точно не хотел работать со мной. Когда я предложила остаться, он сказал:

— Нет, нет. Вы уже постарались. Вам стоит отдохнуть

Выражение его лица было добрым, и его тревога за меня могла быть искренней. Но я заметила, что он задержался, чтобы поговорить с Натом и сэром Барнаби. Встревоженная, растерянная и уставшая от магии, я пожелала всем спокойной ночи и покинула их.

Мне выделили неплохую комнату. Служанка уже разожгла огонь и вернулась с подносом с угощениями и холодным мясом. Но я не могла успокоиться. Вместо того, чтобы есть, я стояла у окна с видом на Темзу и слушала.

Музыка реки не казалась необычной. Но было тревожно смотреть на «Дорсет», покачивающийся на волнах, уязвимый в темноте. Дав русалке уплыть, я навлекла опасность на корабль и людей на нем. А если она вернется и доведет пением дозорных до безумия? Или сила, защищающая ее, нападет ночью?

Мы утопим вас всех.

Была ли это пустая угроза? Возможно. Но если был хотя бы шанс, что это правда, я должна была следить за кораблем. Но не отсюда. Причал подойдет лучше, оттуда было бы все слышно.

Служанка пыталась сначала отговорить меня, но слишком побаивалась моей магии. Я укуталась в плащ и пошла по коридорам, направляясь к причалу.

В это время горели редкие огни, но меня вели воспоминания. Поворот налево в эту дверь, потом по ступенькам вниз.

Ладони скользили по перилам, я повернула на лестнице. Тень маячила впереди, но я слишком разогналась, чтобы остановиться, и врзалась в нее.

Тень оказалась человеком. Сначала я не поняла, кем, но достаточно большим, чтобы я упала и съехала по оставшимся ступенькам. Я осталась на последней ступеньке с кружащейся головой и слышала знакомый голос.

— Люси?

— Нат?

— Да, — он опустился рядом со мной, все еще в тени. — Прости, я тебя не увидел. Не

поранилась?

Я проверила лодыжку, принявшую на себя падение.

— Ничего непоправимого, — голова еще кружилась, но теперь по другой причине. Я могла лишь различить силуэт его тела, но он был близко, и я ощущала его тепло в темноте.

— Ты еще не спишь? — спросила я.

— Король хотел, чтобы я рассказал ему все, что знаю, о русалках. А ты?

— Я иду к причалу, — не было смысла скрывать план, это не было тайной. — Я боюсь, что русалка снова нападет на «Дорсет», и хочу охранять его.

— Не стоит, — сказал Нат. — Мы нашли неплохие беруши во дворце, их доставили капитану Эллису. Дозорные тоже с ними, остальные держат их при себе.

— О, — столько всего уже было сделано. — Но другие корабли...

— Тысячи, — согласился Нат, — но никто не может защитить их все, даже ты. Особенно, когда ты так устала. Если русалка нападет, мы тебя точно позовем. А пока что вернись в комнату и поспи, — он потянулся ко мне. — Вот. Я помогу тебе встать.

Его уверенная рука обхватила мою, он поднял меня на ноги. На это потребовалось мгновение, но я перестала дышать. Его грубый подбородок задел мой лоб, я ощутила, как он глубоко вдохнул. Он все еще держал меня за руку, мы были так близко, что могли поцеловаться.

Я подняла голову, а потом мы поцеловались. Это было так знакомо, но после разлуки было таким новым. Я прижалась к нему, его ладони обхватили мою талию, притягивая еще ближе, словно стирая расстояние между нами. Его губы были моей музыкой, и я ощущала такую радость, что было даже больно.

Он все еще любил меня. Даже если прошло столько времени. Мысль была такой сильной, как сама магия. После печали и одиночества я хотела утонуть в его поцелуях, утонуть и затеряться.

Он прервал поцелуй и повернул голову, его подбородок задел мою щеку.

— Кто-то идет, — он отодвинулся, и я тоже услышала, как шаги приближаются к нам. — Подожди здесь, — прошептал он. Его сапоги почти не шумели, я поняла, что он ушел, когда услышала, как закрылась дверь. Через миг я уловил голоса в коротком разговоре, хотя не могла разобрать слова. Вскоре он вернулся один со свечой в руке.

— Просто страж, — тихо сказал он. — Не о чем беспокоиться. Я говорил ему, что осматривал дворец. Я... кхм... не упомянул, что ты была здесь.

— О, — Нат просто пытался защитить мою репутацию или не хотел, чтобы кто-то узнал, что мы вместе?

Я не могла задать вопрос. От вмешательства нам теперь было неловко. В темноте было проще поверить, что между нами ничего не изменилось. Свет выдавал, что это ложь. Вдруг мы не смогли смотреть друг другу в глаза.

— Это не работает, да? — сказал Нат.

Ужас пронзил меня. Он озвучивал мои страхи.

Я медленно сказала:

— Думаю, нам надо поговорить.

— Да.

— Начинай, — сказала я ему.

Мне на миг показалось, что он не станет. Но потом, глядя на огонь свечи, он заговорил:

— Я был на том корабле, вернулся в Англию, чтобы увидеть тебя.

Потому он был здесь?

— После разлуки я думал о тебе каждый день, почти каждый час, — продолжил он. — Мне не нравилось быть вдали от тебя, но я думал, что мы станем сильнее. И я надеялся, что наступит время, когда мы сможем быть вместе. Но все не так просто, да? Я видел это на корабле. Когда ты увидела кляп, ты настроилась против меня.

— Да, у меня были вопросы, — я не могла это отрицать. — Но...

— Ты сомневаешься в злых намерениях русалки. Но не веришь мне.

Я скривилась. Я не думала об этом в таком ключе.

— Это была ошибка. Прости.

— Я не из-за извинений здесь, Люси. Я просто говорю, что между нами нет доверия. Я пытался сказать себе, что это не важно, что мы можем это вернуть, но я не уверен. То, как ты смотришь на меня, как говоришь со мной... Все это изменилось. Мы словно незнакомцы.

Я была так подавлена, что не могла говорить.

Он сказал уже мягче.

— Ты тоже должна была это ощутить.

Хуже было то, что так и было. Нат, уходивший от меня, отличался от того, который говорил со мной сейчас. И я уже была не той Люси. Но он считал нас незнакомцами, и это жалило.

Я хотела сохранять спокойствие, осторожно подбирать слова, но вдруг поняла, что не могу.

— Если мы незнакомцы, то чья это вина? — сказала я дрожащим голосом. — Это ты меня оставил. Ты просил меня держаться в стороне. Ты сказал, что я не должна даже писать тебе, — я не понимала до этого, как сильно злилась из-за этого. Но не было смысла теперь это скрывать. — Я дала тебе все, о чем ты просил, — сказала я. — Я позволила им думать, что между нами ничего нет. Даже когда двор сплетничал, что ты меня бросил, потому что я слишком холодна, слишком нечеловечна, чтобы любить, я молчала...

— Что они говорили?

Я едва его слышала.

— Я не говорила правду даже друзьям. Не могла. Они могли тебя выдать. Я еще никогда не была такой одинокой. Может, ты прав, это изменило меня. Но, ради всего святого, Нат, как ты мог думать, что полтора года спустя я буду прежней?

Я отвернулась от него и побежала вверх по лестнице.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Я проснулась утром с болью в лодыжке и дождливым небом за окном.

Он не пошел за мной.

Но чего я ожидала?

Его голос снова и снова звучал в моей голове: Мы словно незнакомцы.

В холодном свете утра я должна была признать правду. Он был прав. Я была ему чужой, как и он мне. Между нами больше не было доверия... и любви.

Я снова закрыла глаза. Одиночество, которое я ощущала в пути, меркло рядом с этим.

Служанка вошла с чашкой горячего шоколада.

— Доброе утро, миледи. Хотя его так не опишешь. Льет, как из ведра. Вы бы видели

стражей у ворот. Они словно тонут.

Тонут...

Я резко села.

— Корабль. «Дорсет». Он еще там?

— Нет, миледи.

Мое сердце колотилось. Мне не стоило оставлять его без присмотра.

— Что случилось?

— Он уплыл в Лондон на рассвете, — сказала служанка. — Там были король, лорд Уолбрук и другие советники. И хорошо, потому что тогда дождь был не таким сильным.

— Они уплыли без меня?

— Да, миледи. Я пыталась разбудить вас, но вы не отзывали. Наверное, это из-за чая, что дала вам ночью. От боли.

Я смутно помнила чай, который служанка настояла принести мне, увидев, что я хромаю. Я выпила чай, чтобы она ушла, потому что я хотела спать.

— Но король хотел встретиться, — я не взяла шоколад, что она протягивала мне. — Меня там ждали.

— Ему сказали, что вы нездоровы, миледи, — сказала служанка. — Остальные попросили его дать вам отдохнуть.

Остальные? Нат? Он надеялся избавиться себя от смущения видеть меня после ночной ссоры? Он думал, что мы сможем и дальше избегать друг друга при дворе?

Зря, потому что я больше в это играть не собиралась. Не когда он думал о нас, как он незнакомцах.

— Его величество желает выздоровления, — добавила служанка, — и просит последовать за ним в Уайтхолл, как только это будет возможно.

Я отбросила одеяла.

— Я отправлюсь немедленно.

Но немедленно не получилось. Лодыжка опухла, ее пришлось перевязать, что замедлило меня, и капитан судна сказал, что нужно подготовиться. Когда мы подняли парус, погода была ужасной. Дождь лил без остановки, откладывая продвижение.

Я надеялась, что небо прояснится, когда мы доберемся до Уайтхолл, но там тоже был ливень. Я выбралась у здания с навесом и оглянулась на Темзу. Дождь был таким сильным, что дома Лондона, пристани и башни выглядели серыми, словно город был из теней. Дрожа, я надела капюшон и поспешила внутрь.

Роуэн Кноллис встретил меня там.

— Певчая, мы не ждали вас так скоро. Я слышал, вам нездоровилось?

— Не о чем беспокоиться, всего лишь растянула лодыжку, — я убрала капюшон и стряхнула капли дождя. — Где король? На встрече с Советом?

— Встреча закончилась, но он может быть в парадном зале.

— Я отправлюсь туда, встретимся потом в комнатах стражи.

Но так быстро попасть в парадный зал было сложно. Я заметила свое отражение в позолоченном зеркале по пути и решила сначала сходить в свои комнаты. После пути я была мокрой и растрепанной от ветра, я хотела выглядеть как можно собраннее на встрече с королем, тем более, если там окажется и Нат.

Несколько поворотов, и я услышала пение. Я замерла, насторожившись, случай с русалкой так повлиял на меня. Но потом я услышала смех, он утих, и запел дуэт — тенор и

сопрано пели новую итальянскую песню о любви. Я выдохнула с облегчением. Это было не опасно.

Музыка доносилась из комнаты за углом, большой комнаты у покоев королевы, где часто бывала придворная молодежь. Я шла мимо нее, направляясь к себе, и мне стало любопытно, когда я приблизилась. Будучи Певчей, я редко попадала на такие встречи. Даже когда я была при дворе, я редко присоединялась, а когда делала это, результатом была неловкость. Фрейлины и придворные знали, что мне здесь не место. И они были правы. Выбирая между мероприятиями при дворе и требованиями своей магии, я всегда принимала решение в пользу магии.

Я замедлилась у открытой двери. Пение было красивым по всем стандартам, полное приятных гармоний, страстное и манящее. Но, когда я увидела в дверь, кто поет, я была потрясена. Тенором был Нат.

Я не знала, что он умел петь.

С ним была леди Клеменс. Она месяцами вздыхала по нему, как рассказывала Сивилла Там были и другие женщины. Песня закончилась, и Ната окружил десяток фрейлин, они гудели, как в улье. Все они были к нему дружелюбны, как и он с ними.

Чужой здесь была только я.

Я попятилась с колотящимся сердцем. Но не успела уйти. Нат поднял голову и увидел меня.

Какой я казалась ему оттуда?

Мои щеки болели. Отвернувшись, я побежала по лабиринту Уайтхолл. Я думала, что далеко убежала, но услышала его голос:

— Люси, погоди.

Я обернулась. Он был один, но это лишь немного радовало. Он легко догнал меня, нас разделяло лишь несколько квадратов шахматного пола в коридоре.

Стараясь скрыть расстройство, я сказала как можно спокойнее.

— Так ты поешь. Ты об этом не говорил.

— Не такое обычно говорят Певчей, да?

Ответ был честным, если бы между нами все было иначе, я бы рассмеялась. Вместо этого я отвела взгляд, вспоминая время, когда я была для него Люси, а не «Певчей».

— Я виноват перед тобой, — сказал Нат.

Мое сердце перестало биться.

— Я думал, что делаю так, как будет лучше для нас обоих, — продолжил он. — Я уехал в мир как рыцарь на коне, готовый заплатить любую цену, чтобы доказать, что я достоин тебя. Но я не переставал думать о том, что это будет стоить для тебя. Я не знал, как сильно ты страдала. Я говорю так не себе в оправдание, мне стоило понять, догадаться или постараться выяснить. Но я этого не сделал. Ты права. Я ожидал, что мы встретимся, и все будет как раньше, только лучше.

Я могла лишь покачать головой.

— Так это не работает.

— Знаю, — тихо сказал он. — Если бы все было так просто, я пошел бы за тобой прошлой ночью.

Поэтому он не пошел за мной.

— Что сделано, то сделано, — даже в темном коридоре я видела печаль в его глазах. — Мы теперь, действительно, незнакомцы. Может, даже хуже. Не этого мы добивались, но это

так.

Он говорил только правду, и что-то пробралось в меня. Я не понимала, что во мне еще была искра надежды, пока она не погасла.

Со стуком тувелек леди Клеменс появилась на пороге. Она посмотрела на меня со смесью страха и вины, но ее лицо смягчилось, когда она повернулась к Нату.

— Простите, что мешаю. Но остальные просят спеть им еще раз.

— Не сейчас, — сказал Нат, но с ней он говорил нежно, в его улыбке было тепло, которое напугало меня. Может, восхищение было не односторонним.

— Иди, — сказала я Нату. — Я не хотела тебя задерживать.

Слова едва сорвались с моих губ, когда начались крики.

Вопль был громче, чем тот, что я слышала до этого, когда была снаружи. Крик был не одного голоса, а десятков, а то и сотен. Он превратился в ужасный рев, он продолжался, полный страха и боли. Я побежала на звук, как и Нат.

Из-за моей лодыжки Нат легко обогнал меня. Когда я догнала его, он пробивался через толпу стражей у входа, что вел к речной пристани. Было ясно теперь, что звук идет от реки. Я вышла за дверь следом за Натом.

Снаружи, на берегу среди дождя, я не сразу поняла, что не так. Я видела только лодки, спешащие к берегу, и людей, убегающих от реки. Но потом, через занавес дождя, я заметила чудовищную серо-зеленую голову, поднимающуюся из Темзы, и толстый чешуйчатый хвост, раскачивающийся за ней.

На нас смотрело создание из мифов, легенд и кошмаров. Морское чудовище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: ЗДЕСЬ ДРАКОНЫ

Поверить было невозможно, но морской змей извивался в реке. Не маленькая змея, а ужасного размера угорь, его тело было длиннее военного корабля. На миг я смотрела, раскрыв рот. А потом запела, призывая реку утащить чудовище в свои глубины.

Я думала, что это сработает. Почти сработало. Но, когда река забурлило вокруг чудовища, я ощутила, как магия вырывается. На миг меня окружила какофония. Что-то мешало мне, как с русалкой. Магия, что была сильнее моей.

Море идет. Мы идем. И мы утопим вас всех. Это русалка имела в виду?

— Ты не можешь это остановить? — спросил Нат.

— Вода не слушается, — сказала я. — Не знаю, почему.

Может, нужно было найти правильную песню. Я попробовала другую, эта должна была забрать воду из монстра, оставив его высушенным. Но в этот раз мое пение только привлекло внимание чудовища. Он искал меня взглядом, пытался найти источник звука.

— Стой, — Нат вскинул руку, словно закрывал меня. — Если продолжишь петь, он найдет тебя.

Я была бы тронута его желанием защитить меня. Но сейчас я не хотела защиты. Часть лодок добралась до берега, но другие оставались в воде, полные испуганных пассажиров. Мне нужно было защитить их. Нужно было одолеть монстра.

Как я могла это сделать? Я вдохновилась при виде нескольких суден у края пристани. Я миновала Ната и прыгнула в одну из лодок. От удара ногой о дно я скривилась, но потянулась за веслами.

Я отплывала, а Нат прыгнул в лодку, чуть не выбив весла из моих рук.

— Что ты делаешь? — я перекрикивала дождь. — С ума сошел?

— Нет, а ты — да, — парировал он. — С чудищем нужно бороться с суши, где оно тебя не достанет.

— Нет, — я надавил на весла. — Мне нужно ближе, нужно услышать.

Может, я убедила его, может, он видел, что я не послушаюсь. Он взял одно весло и помог направить нас к монстру. Я пела реке ускорить нас, она послушалась, и я ощутила надежду. Но я не успела направить магию на чудище, оно раскрыло пасть и вцепилось в ближайшую лодку, крепкий паром. Сверкающие зубы разбили доски. Пассажиры кричали, падая в холодные бурные воды.

Как я могла не спасти их песней? Я передала свое весло Нату, опустилась на колени в лодке. Дождь и брызги реки летели на меня, а я песней направляла жертв чудовища к берегу.

Когда я закончила, чудище увидело меня, длинные язык мелькнул в его пасти, как боевой флаг во время ливня.

— Осторожно! — крикнул Нат. — Оно разворачивается!

Не было времени думать. Чудище мчалось к нам, раскрыв пасть. Нат усиленно греб, а я склонилась к бурлящей воде и запела.

Чудище скорчилось и нырнуло под воду, словно ожидало силу моего удара. Но когда оно появилось, гладкое и воняющее, со дна реки, я ощутила, как моя музыка разбивается о его защиту. От внезапного шума в ушах зазвенело. А потом из глубин воды я услышала слабые ноты музыки, песне, похожей на магию Певчей, но со странными нотами. Песня ускользала, как вода. Песня была полна ярости.

От ее силы я отпрянула в лодке. На миг запах магии был таким сильным, что я закашлялась. Я пыталась перевести дыхание, а морской змей ударил хвостом и поднял волны. Наша лодка закружилась.

— Весла! — Нат сжимал одно, но другое было утеряно.

Я ударилась о дно лодки и ощутила едкое дыхание. Обернувшись, я увидела, что монстр догоняет нас. Он щелкал челюстями, скалил зубы. Я слышала вокруг разъяренную музыку. Это был один голос, два или три? Вода искажала и притягивала песню. Или смятение было в моей голове.

Как одолеть его? Конец был все ближе.

— Вниз! — оттащив меня, Нат выхватил из-за пояса кинжал. Против длинного и огромного змея кинжал выглядел смешным и маленьким — спичка против дракона. Но когда Нат бросил кинжал в чешуйчатую голову, чудище завопило.

Нат целился в глаза, но в последний миг чудище развернулось, и кинжал застрял в чешуе его спины, вдали от головы.

Я скривилась от укола разочарования. Этот удар точно не мог убить.

Я приготовилась к хрусту огромных зубов, но чудище отпрянуло. Оно выло, я не понимала этот язык. Чудом было то, что его зеленое тело становилось цвета воды, таяло. Сначала в точке, где попал кинжал, а потом все его тело, пока монстр не пропал.

Нат, еще пригибаясь в лодке, повернулся ко мне с ошеломленным видом.

— Я это сделал?

— Не я точно, — сказала я. — Там была сильная магия, но я не знаю, что именно. Я никогда такого не слышала. Если бы не ты, мы бы погибли.

— Но это был только кинжал, — Нат посмотрел туда, где пропало чудище, словно не

мог поверить, что оно пропало. — Из лучшей стали, но все же...

— Может, это был хороший удар.

— Но он попал в спину. Это не смертельная рана, — еще медленнее Нат сказал. — Или смертельная.

— О чем ты?

— Существо было не из мира смертных, да? Это была магия.

— Да, — запах и звук магии потому здесь и были.

— Сталь — в больше степени железо, а железо разрушает магию, да?

— Не мою, — железо меня никогда не останавливало.

— Нет, но многую, как написано в старых историях. Это смерть для гоблинов, ведьм, фей, почему не для морских чудищ?

— Не знаю, — сказала я с сомнением. — Может ли все быть так просто?

Его глаза весело заблестели.

— Не думаю, что произошедшее можно описать словом «просто».

Я должна был рассмеяться, но при этом что-то сжалось во мне. На миг он не был чужим. Этот блеск глаз, этот тихий юмор были частями того, что я любила в нем.

Он смотрел на меня, старая искра пролетела между нами. На один прекрасный миг я смогла поверить, что время вернулось назад, и мы были в мире, где никогда не расставались. Все было возможно.

А потом он отвел взгляд, и я ощутила холодный дождь, промокшую одежду и запах едкого дыхания змея, задержавшегося в моих волосах. Романтика в лодке? Не здесь. То, что было между нами, нельзя было исправить одной искрой.

— Эй, там!

Я испуганно обернулась. Один из королевских кораблей приближался к нашей лодке, капитан звал нас, сложив ладони чашей.

— Чудо, что вы победили монстра! Мы заберем вас на берег.

Мы с Натом не успели ответить, над водой раздались вопли. Толпа собралась на берегу и радовалась.

— Ура!

Корабль поравнялся с нами. В дальнейшей суете, мы с Натом разделились. Мы вернулись в реальность, мир при дворе, где мы снова были незнакомцами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:

МЕЛУЗИНА

На берегу бледная и испуганная Норри тут же забрала меня. Возмущаясь, она повела меня в наши комнаты и приготовила горячую ванну.

— Тебе нужно прогреться, — сказала она, — чтобы не простыть.

Может, дело было только в этом, но я заметила, что она добавила в воду лаванду и розмарин, даже лавровый лист — травы, защищающие от вреда. Я помнила, как она использовала их на зачарованном острове, где я провела детство, но не знала, что они были у нее при себе в Лондоне.

Сначала вода обжигала мою холодную кожу, но через пару минут мышцы расслабились, и кошмар нападения начал отпускать меня. Я отмывала волосы, а Норри села рядом со мной и бодро общалась. Но когда она встала, чтобы принести полотенца, она взглянула на окно и

поежилась из-за произошедшего.

— О, милая, похоже, я не смогу еще месяц смотреть на реку без страха. Стоит подумать о том ужасном существе... и тебе в той лодочке с одной лишь музыкой, защищающей тебя...

— Там был Нат, — напомнила я. — Нас спас Нат.

— Да? — Норри покачала головой. — Я не видела все четко, было далеко, лил сильный дождь. Но я слышала твое пение. Твоя магия помогала?

Я покачала головой.

— Мы бы погибли, если бы не кинжал Ната, — я была очень благодарна, что Нат был там, и я хотела, чтобы о его подвиге знали. Но в глубине души я ощущала огорчение и тревогу. Я привыкла спасать себя и остальных. Но против такой странной и невероятно сильной магии я была беспомощна.

Я не могла рассказать об этом. Даже Норри.

— Мальчик мой, — сказала Норри. Она посмотрела на меня пристально и добавила. — Надеюсь, я не обижу...

— Не будем сейчас об этом, — мое лицо, уже розовое от ванны, стало еще розовее. Я зачерпнула рукой розмарин. — Расскажи мне лучше об этих травах. Думаешь, они работают?

Норри замешкалась.

— У моей мамы их было много, и люди использовали их для защиты. Не могу сказать, чтобы они защитили тебя, когда ты забрала нас песней с острова. Но кто знает? Может, было бы хуже, если бы я ничего не сделала.

— Леди Илейн говорила, что они не входят в знания Певчих.

— У твоей крестной не было на них времени, но я не вижу причины другим Певчим не использовать их. Особенно, сейчас, когда на носу День всех святых. Осталось всего пару дней.

Норри всегда переживала из-за Кануна Дня всех святых, веря, что в это время появляются духи и волшебные угрозы. Ее тревоги основывались на старых традициях. Хотя, по словам леди Илейн, этот день был опасным для Певчих, потому что в это время Дикая магия была сильнее всего.

Это предупреждение подействовало на меня не так, как леди Илейн рассчитывала. Она научила меня, что все в этом мире обладает своей Дикой магией, своей музыкой, что может обмануть или даже убить Певчую, открывшуюся ей. Как многие Певчие, моя крестная носила камень, что закрывал ее от Дикой магии и позволял работать с Проверенной магией, безопасными чаропеснями, которые Певчие учили наизусть.

У меня тоже был такой камень, но он треснул и стал бесполезным. Теперь мне была открыта только Дикая магия. К счастью, я любила ее, считала более сильной и гибкой, чем Проверенную магию, и не такой опасной, как говорила крестная. Я давно не задумывалась о Кануне Дня всех святых, лишь отмечала четкость музыки во всем в это время.

Но, может, я была наивна. Может, тревога Норри и предупреждения леди Илейн содержали больше правды, чем я осознавала.

Я подумала о яростном пении, похожем на песню Певчей, но и другом в то же время.

— Норри, а ты не знаешь о связи между морскими чудовищами и Певчими?

Норри посмотрела на меня поверх полотенца.

— Что за вопрос!

Я не отступала.

— Так знаешь?

— Не меня нужно спрашивать, — сказала Норри. — Ты это знаешь.

Да. Норри не была Певчей, она не знала тайн Певчих. И это ей подходило, потому что от магии ей было не по себе. Она старалась не иметь с ней дела.

— Я знаю лишь историю Мелузины, — сказала Норри, — и ты уже ее знаешь.

Да, но я не связывала ее с монстром, с которым сражалась. Эта история была одной из любимых у леди Илейн — она видела в ней урок о том, как важно уважать старших, и к каким ужасным последствиям приводит непослушание.

По словам леди Илейн, Мелузина была Певчей первого поколения, она была дочерью фейри-матери и человеческого отца. Ребенком Мелузина жила в царстве фейри с ее матерью, Прессиной, но в пятнадцать она вернулась в мир смертных, где попыталась использовать магию против отца.

Прессина наказала Мелузину за этот ужасный поступок, прокляв ее. С тех пор Мелузина превращалась в морского змея ниже пояса каждую субботу.

Годами Мелузина использовала умения Певчей, чтобы скрыть ото всех правду, даже от своего мужа. Ее любили и уважали, ее знали не только как жену и мать, но и как строителя замков, стен и башен. Но однажды в субботу ее муж внезапно застал ее купающейся. Он увидел зеленую чешую и закричал от ужаса. Мелузина в ярости бросилась на него и стала морской змеей целиком.

От этой истории мне потом снились кошмары, ведь Мелузина так и закончила монстром, она не смогла стать человеком. Но, конечно, не было доказательств, что Мелузина существовала. Я слышала другие версии ее истории, все они отличались, и у меня были подозрения, что леди Илейн многое преувеличила в своем рассказе.

— Не знаю, как эта история связана с тем монстром, — с сомнением сказала Норри.

Я тоже не знала. История была всего легендой. Она не была связана с тем, что я увидела в реке.

— Я просто спросила, — сказала я.

Норри нахмурилась.

— Но зачем ты это спрашиваешь?

Меня спас от ответа стук в дверь. Норри пошла посмотреть, кто там.

— Король созывает совет, — сообщила она, вернувшись. — Они придут через час, но король прислал пажа с просьбой, чтобы ты подошла к нему сейчас.

— Уже иду, — сказала я и потянулась за полотенцем.

† † †

Пятнадцать минут спустя я, в теплом голубом платье из мягкой шерсти, шла к королю. Тело все еще было теплым после ванны, но я ощущала прохладу в воздухе, пока спешила к парадному залу.

Я не успела далеко пройти, король появился из-за угла с тревогой в глазах.

— Певчая! Вовремя.

— Ваше величество, — я была удивлена, что он так далеко от парадного зала. Обычно он был так занят, что мне приходилось искать его. Значит, он хотел срочно меня увидеть.

— Вы хотели поговорить перед собранием?

— Да. Теперь вы сухая, и мы сможем поговорить? Я хочу понять, что именно произошло на реке.

— Конечно, — сказала я. — Я не знаю, как это началось, но, когда я вышла на берег...

— Почему бы нам не выйти к реке? — перебил король. — Так вы покажете мне, где

стояли.

Я не успела ответить, а он уже спешил вперед, жестом звал меня с собой.

— Скорее, Певчая, — бросил он через плечо, я пыталась угнаться. — Знаю, путь необычный, но нам и не нужно, чтобы весь двор ходил за нами.

Путь был необычным даже по меркам Уайтхолл. Вместо того, чтобы попасть к королевской пристани, мы пришли к рабочему причалу в дальнем конце дворца, где разгружали еду, уголь и прочие припасы для двора. Но сейчас работы не было. Или из-за дождя, или из-за страха перед морским монстром. Людей было мало.

— Вот, — обрадовался король. — Теперь можно спокойно поговорить.

Я кивнула, переводя дыхание.

Он поманил меня к краю причала.

— Расскажите мне все.

Я шагнула к реке и уловила отголосок гнева за привычными песнями. Я замерла.

— Ваше величество, осторожно!

— Почему?

— Что-то не так, — я прислушалась. — Нет, уже ушло, — или затаилось глубже, где я не могла найти?

Я понюхала воздух. Это был слабый след магии?

Король с тревогой повернулся к воде.

— Еще один монстр? Скажите, если что-то увидите!

Я приблизилась и уловила запах магии. Сзади раздался далекий крик.

— Не смотрите, — приказал мне король.

Но я не сдержалась. Я оглянулась. От ворот спешили двое. Нат... и король.

Два короля? Я застыла. Такого не могло быть.

— Не слушайте их, — прорычал король рядом со мной.

Я точно знала теперь, кто не настоящий. Отскочив за груды ящиков, я начала петь для защиты. Но я с потрясением ощутила, как песня разбивается о фальшивого короля, как о морского змея. После мига какофонии я услышала яростную музыку, которую слышала в реке, В этот раз на Певчую похоже было больше.

— Ты идешь со мной, — фальшивый король схватил палку с земли и бросился на меня с ней, чуть не сбив меня в воду.

Я слышала крик Ната, но он был слишком далеко, чтобы помочь. Стена отделяла причал от дворца, и он с настоящим королем только преодолевали ее.

Фальшивый король снова замахнулся палкой, в этот раз он ударил меня по плечу. Я упала, ладони схватились за что-то твердое. Кусок цепи.

Железной цепи.

Я потянула ее, пальцы скользили от грязи и дождя. Палка снова опустилась, я откатилась и бросила цепь в лицо фальшивого короля.

Когда она попала, он завизжал. На миг выглядело так, словно его лицо тает. А потом его силуэт затрепетал и изменился. Он стал чем-то получеловеческим, а потом совсем не человеком.

Змея извивалась у моих ног, чешуя была полупрозрачной там, где железо коснулось его. Я потрясенно замерла, а она ускользнула с края пристани и пропала в Темзе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

ЖЕЛЕЗО

Покачиваясь, я пыталась вернуть змею из реки, используя всю магию, что знала. Но она не помогала. Моя музыка врезалась каждый раз в стену, как было с русалкой и морским монстром.

— Но ты хотя бы раскрыла его, — сказал Нат через час. — И мы точно знаем, что железо защищает от таких существ.

Наше собрание Совета только началось, но мне уже было ясно, что Нат — правая рука короля. Только мне не удавалось смотреть ему в глаза. Слишком много эмоций и мыслей бушевало во мне, и я боялась, что он это заметит.

— Пока вы не продолжили, Уолбрук, я отмечу, что мы не знаем, все ли здесь те, кем кажутся, — вскинув брови на желтоватом лице, сэр Барнаби осмотрел всех от короля, Ната и меня до Пенебригга и Габриэля, а еще лорда адмирала, присоединившегося к нам. — Кто-нибудь может оказаться скрытой змеей.

— Нет, — сказал Нат. — Я всех вас проверил.

— Что? — растерялся сэр Барнаби. — Как?

— Многие из вас касались железной ручки двери, когда входили. Я пожал руки с теми, кто не коснулся, и вашу кожу задевало железное кольцо, — Нат указал на черное кольцо на своем пальце. — Здесь оборотней нет.

Сэр Барнаби расслабился.

— Молодец, Уолбрук.

— Слушайте! — сэр Самюэль поднял руку с кружевом на рукаве. — Мы должны все носить подобное.

Все согласно забормотали.

— Я могу создать для нас эмблему, — сказал сэр Кристофер Линнет, известный своей любовью к дизайну. — И все во дворе могут носить кольца со знаком.

— Это займет время, — отметил Пенебригг.

— Да, нам нужно быстрое решение, — Нат открыл ящик, что стоял перед ним. — Потому я собрал все железные вещи, что были во дворце, с разрешения короля. Можете взять что-то одно.

Ящик оказался передо мной первой. Я выбрала простой плоский браслет и надела на запястье. Один за другим, остальные находили себе кто-нибудь подходящее — значок, крестик, кольцо.

— Нужно сказать сделать так всем, — сказал Нат. — Я так думаю.

Он обрисовал свои планы: все стены у воды снабдить железными шипами, всем морякам и рыбакам дать железные копья, вдоль Темзы поставить железные пушки, железные снаряды выдать новому патрулю у берегов...

Габриэль вскинул ухоженную бровь.

— Похвальный план, Уолбрук. Но где мы возьмем столько железа?

— Придется улучшать производство, — сказал Нат. — А пока что все железо, что уже есть, нужно распределить.

— Людям это не понравится, — сказал Габриэль. — Они не отдадут спокойно железо.

— Думаю, отдадут, если опасность будет велика, — сказал Нат. — Мы объединимся, как это было в голодное время, — он повернулся к королю. — Я сделаю все в моих силах, чтобы это произошло.

— Мы знаем, что убеждать вы умеете, — крикнул кто-то с дальней части стола.

Рассмеялись все, даже Нат. А потом он добавил серьезнее:

— Чтобы с этим бороться, нам нужны все силы.

— И мы предоставим свою поддержку, — сказал король. — Все согласны с планом Уолбрука? Хорошо. Уолбрук, вы будете управлять усилением защиты. Можете звать любого на помощь.

Многие вызывались. Но король повысил голос, он не закончил.

— Не забывайте, что задача может измениться. Мы не знаем, кто наш враг, он это или она, и что враг запланировал для нас, — король посмотрел на меня. — Может, вы что-нибудь знаете, Певчая?

Пора было мне рассказать все, что я знала, даже если я сомневалась.

— Я не могу пока что определить врага. Но я могу сказать это: вовлечено некое пение.

— Пение? — рот сэра Барнаби раскрылся.

Лорд адмирал привстал.

— Пение Певчей?

Даже Габриэль был встревожен.

— На нас нападает Певчая?

Этой реакции я и боялась.

Я старалась выглядеть спокойно и бесстрастно.

— Не будем спешить с выводами. Я не говорила, что это была Певчая...

— Но могла быть? — спросил Нат.

Я глубоко вдохнула.

— Да. Могла. Музыка другая, но сходство есть во фразах и резонансе голоса.

— Когда ты это слышала? — сказал Нат с нечитаемым лицом.

На этот вопрос я хотела отвечать меньше всего.

— Я слышала ее, когда попыталась схватить русалку, а потом когда появился морской монстр. И еще раз, очень четко, когда я встретила фальшивого короля.

— Вы слышали ее с русалкой? — рявкнул лорд адмирал. — И не сказали?

— Тогда было неразборчиво, — мой голос звенел. — Я думала, что это музыка русалки. Может, так и есть, как и все, что я слышала. Но в этот раз я слышала четче, и это больше похоже на музыку Певчей.

— Стоило сказать раньше, — возмутился адмирал.

Не только он был раздражен. Сэр Барнаби хмурился, как и еще несколько членов совета. Но король заставил лорда адмирала сесть.

— Певчая поделилась с нами всем, и это важно. Но что нам с этим делать?

Все посмотрели на меня.

— Думаю, стоит поискать, не выжили ли другие Певчие, кроме меня, — сказала я. — Никто не показывался, но это не значит, что их нет.

— Вы про охоту на Певчих, — сказал лорд адмирал.

От этих слов мне стало не по себе. Я вспомнила ужасы правления Скаргрейва, когда охота была распространена, и весь мой вид, даже мою маму, истребляли.

— Нет, — я повернулась к королю. — Обещаю, я лично займусь этим с помощью капитана Кноллиса и своих людей. Но нельзя делать это громко. Это посеет панику и смятение в королевстве, думаю, этого у нас было достаточно. И, если за этим стоит Певчая, ей лучше не знать о наших подозрениях. Общая охота предупредит ее быть настороже.

Король кивнул.

— Мы оставим это вам. Можете докладывать о продвижении мне. Мы все поможем, если будет нужно.

Собрание закончилось, и все окружили Ната, предлагая советы и свои услуги. Оставив их, я пошла к комнатам стражи, размышляя, что рассказать капитану Кноллису. Я говорила совету, что это не будет охота на Певчих. Но я собиралась приказать своим людям искать Певчих, считать их нашими врагами.

Я могла менять слова, как угодно. Но факт оставался: я была Певчей, что вот-вот станет охотницей на Певчих.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ: ВОПРОСЫ

Мои люди были выбраны за их осмотрительность и силу. Они привыкли к тайным поручениям, потому сразу взялись и за это. Проблемой было, как лучше их направить. Приказав им носить при себе железо, я отправила нескольких в места, где раньше жили семьи Певчих, чтобы они искали наследников, которых не нашел Скаргрейв. Остальных я оставила при себе в Уайтхолле, включая юного Баррингтона, который еще приходил в себя после ран, полученных в замке Карлтона.

— Но вы можете на меня рассчитывать, — пылко сказал он. — Мое левое плечо побаливает, но ведущая рука в порядке, — он взмахнул ею, чтобы доказать.

— Перестань, Баррингтон, — мне не хотелось, чтобы он так напал на потенциальных Певчих. — Твой меч мне сейчас не нужен. Нужен ум, — я повернулась к капитану Кноллису и остальным. — Это касается всех вас. Лучшие разведчики отправятся в таверны и людные места в городе, где они будут искать что-то полезное в разговорах. Остальные будут ждать дальнейших указаний.

— А где будете вы? — спросил Кноллис.

— Мне нужно поговорить кое с кем, способным нам помочь, — сказала я.

Кноллис сам раскрывал не все, потому не задавал вопросы. Это было хорошо, ведь я не хотела говорить, что имела в виду королеву. Я одна пошла к ее покоям.

В такой ситуации не стоило напоминать людям, что Сивилла была внучкой Певчей, но потому я хотела увидеть ее. Хотя она сама не могла колдовать, она знала все странные факты Певчих. Хотя фактами это нельзя было назвать, ее знания основывались на слухах, традициях семьи или историях, что были похожи на сказки. Она помогала мне в сложные моменты, и она могла помочь мне сейчас.

У покоев королевы я ощутила напряжение. За позолоченной дверью кто-то красиво пел — леди Клеменс с очередной песней о любви. Когда я вошла, она замолчала и поклонилась, не глядя мне в глаза.

Все остальные смотрели на меня, даже Сивилла. Она сидела в роскошном кресле и выглядела как портрет, а не человек, как изящный рисунок. Но она поднялась и подняла руку, я увидела уродливое железное кольцо среди камней, так было и у ее фрейлин. Вести уже дошли до них.

Я коснулась кольца Сивиллы, она натянуто улыбнулась.

— Как хорошо. Пройдемся по саду?

Она говорила так, словно играла роль, как и было, ведь она играла роль королевы. Ее

желание было нашим приказом. Решив, что я соглашусь, ее служанки побежали за плащом для королевы и парой изящных деревянных башмачков, чтобы защитить ее расшитые туфли от грязи и дождя.

— Нет, мы хотим быть одни, — сказала Сивилла в ответ на шепот, пока ее одевали. Она шагнула вперед и кивнула мне. — Идем?

Она шла как королева, пока мы не выбрались в сад, никого не осталось вокруг. Башмачки стучали по влажному камню, она обняла меня.

— Люси! Я так рада тебя видеть. Все только и говорят о твоём сражении с тем жутким змеем, как вы с Натом одолели его вместе, и мне так жаль, что стражи заперли нас и не дали мне пойти к тебе. А потом они сказали, что ты была на собрании, и...

— Ничего, — я обняла ее. — Я тоже рада тебя видеть.

— О! — она отскочила, светлые пряди подпрыгнули под ее капюшоном. — Что-то меня ужалило.

— Что? — встревожилась я.

— Думаю, вот это, — она указала на меня.

Я опустила взгляд и увидела мутный красный камень, что был моим по праву как Певчей, камень, что когда-то защищал меня от Дикой магии. Он качался на серебряной цепочке, выбрался из-под моего корсета, и теперь его было видно.

— Уверена, что это? — удивилась я. Целый камень мог пронзить болью тех, кто трогал его, но не Певчую или тех, кому она по своей воле давала камень. Но мой камень был в трещинах, я носила его для безопасности. Но он смог бы лишь слабо уколоть, да и то вряд ли.

— Я уверена, — Сивилла с опаской смотрела на мой камень. — По-моему, ты говорила, что в нем не осталось магии.

— Не осталось.

— Если он жжется, значит, осталась, — уверенно сказала Сивилла. — Дай-ка еще раз, — она осторожно коснулась идеально ухоженным пальчиком. И отдернула руку. — Да, там что-то есть. Он не заглушает песни?

— Ни капли, — бодро сказала я. — После того, как он треснул, все звучит одинаково, при мне он или нет. Но прости, что он тебя задел, — я спрятала камень. — Идем в сад, там можно поговорить свободнее.

— Да, — Сивилла взяла меня за руку. — В такой день там никого не должно быть.

Она была права. Из-за дождя в саду не было никого, кроме мужчины, уверенно идущего в дальнем конце с тачкой. Обойдя его, мы отправились в лоджию, дождь стучал по плащам, ветер задувал его между колонн.

— Это была любовь с первого взгляда? — негромко сказала Сивилла.

Я взглянула на нее, отвлекшись мысленно на вопросы, что нужно было задать ей. Любовь? О чем она... О. Встреча с Натом на «Дорсете».

— Нет, — сказала я. — Это была катастрофа.

Она помрачнела.

— О, нет. Вы поссорились?

— Да, — сказала я. — Но дело не только в этом. Мы так долго были порознь, что едва узнаем друг друга. Я изменилась, и он тоже.

Сивилла просияла.

— Но это ведь было ожидаемо? Вы скоро снова привыкнете друг к другу. И это, — она улыбнулась, — даже волнительно, а не плохо, да? Я знала Генри с детства, но, когда он

надевает корону и мантию, правит, я словно вижу нового человека. Это интересный опыт.

Я покачала головой, мы шли по лоджии.

— Может, для тебя. Но не для меня.

Хоть я так и говорила, я не знала, правда ли это. Хотелось ли мне вернуться назад во времени? Мне не нравилось расстояние между нами, но я восхищалась тем, каким стал Нат. Даже больше, чем восхищалась.

— Ты все еще его любишь, — Сивилла сжала мою руку. — Я вижу по твоему лицу.

Я не хотела раскрывать столько всего. Остановившись у колонны, я посмотрела на идеальные квадраты сада, кусты были ухожены и блестели от дождя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Возможно. Но одной любви мало.

— Почему?

Я удивленно посмотрела на нее.

— Ты должна понимать, Сивилла. Посмотри на себя. Ты вышла замуж за короля, это изменило твою жизнь. Брак с Певчей изменит жизнь Ната. Тебе ведь не нравится? Тебе приходится быть королевой, хочешь ты того или нет. У тебя больше нет свободной жизни по твоим правилам. Тебе это не нравится, так ведь? Это делает тебя несчастной.

Сивилла прикусила губу.

— Это так очевидно?

— Другу — да. И кто тебя обвинит? Ты — свободная душа, а теперь тебе нужно соблюдать протокол каждую минуту. За тобой следит двор и все вокруг.

— О, все вокруг, — мрачно сказала Сивилла. — Не напоминай, — мы пошли по лоджии дальше. — Одно непродуманное слово, и они осмеивают меня. И фрейлины бывают ужасными. Половина из них только и ищет доказательств, что я — «безумная королева», как меня прозвали люди, — она замолчала и тихо добавила. — Но я люблю Генри. И потому можно стерпеть все.

Разве? Я вспомнила ее недовольство, когда она сказала, что мы с Генри относились к ней как к глупой, я не знала, как она чувствовала себя теперь.

— Это того стоит, — сказала она, словно я возражала.

— Но мы с Натом не такие, — напомнила я. — И никогда такими не были. Даже в лучшие времена мы много ссорились. И от этого будет еще сложнее быть под пристальными взглядами остальных. Мы должны быть уверены, что каждый справится с этим. А мы не уверены.

— Так ты хочешь сдатьсь? — расстроилась Сивилла. — Вот так?

Я замерла в конце лоджии.

— Сивилла, прошу, — было больно столько говорить о Нате. — Я пришла не поэтому.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Да?

— Да, — садовник прикатил тачку к квадрату лужайки, что была слишком близко к нам. Я потянула Сивиллу за руку в другой конец лоджии. — Ты слышала о второй змее?

— Которая выглядела как Генри? — Сивилла содрогнулась. — Да. Весь двор об этом говорит. От одной мысли становится не по себе.

— Я думаю, в этом может быть замешана магия Певчей.

— Певчей? — Сивилла с сомнением нахмурилась. — Но как...

— Я слышала музыку, — мы были далеко от садовника, и я больше никого не видела. Но

я все равно говорила как можно тише.

Сивилла тоже понизила голос.

— Какую музыку?

— Я слышала ее три раза: с русалкой, с морским монстром и змеей, что выглядела как король...

— Они пели тебе?

— Нет. Русалка пела, но я говорю о другой музыке. Она доносилась из воды вокруг нее, она блокировала мою магию. Я слышала ее и от других существ, змей, — от одного воспоминания было не по себе. — Это злая музыка, Сивилла. Полная ярости. И что-то в ней заставляет меня думать, что это пение Певчей. Не мелодия или тон. Но что-то в голосе и ритме...

— Но железо разрушило магию?

— Мы не пробовали на русалке, — сказала я. — Но с остальными сработало.

— Тогда это вряд ли магия Певчей.

— Но пение было. Ты не слышала ничего, указывающего на другую Певчую? Хоть какие-то слухи?

— Нет, — у Сивиллы был красивый голос, но сейчас он звучал мрачно. — Скаргрейв всюду прошелся, Люси. Мои кузины, наши старые друзья, все Певчие были быстро убиты. Ты выжила, потому что твоя мама спрятала тебя и окружила чарами.

Это было мое воображение, или дождь усилился? Я видела, как садовник поднял вилы и лопату в тачку и укатил их прочь.

Я ускорила шаги.

— Но, может, остался еще кто-то, кого спрятали как меня...

— О ком еще ни разу не было слышно? Вряд ли.

Сивилла споткнулась, стукнув башмачками, и я поняла, что иду слишком быстро. Я замедлилась.

— А как же пение, что я слышала?

— Ты готова поклясться, что это была Певчая? — спросила Сивилла.

— Нет. Но я была уверена... Я думала тогда... — я замолчала. Воспоминание угасало, и я не была уверена ни в чем. Особенно, из-за скептицизма Сивиллы.

— Ты точно что-то слышала, — мягко сказала Сивилла. — Но была ли это Певчая?

— Что тогда это могло быть? Есть идеи?

Сивилла рассмеялась.

— После своего детства у меня сто одна идея. Мама говорила, что все существа могут петь — гоблины, демоны, феи, духи — список бесконечный.

Мы добрались до конца лоджии и повернули к саду.

— Не знаю, — с сомнением сказала я. — В музыке, которую я слышала, было что-то неземное, но и человеческое было тоже.

— Ясно, — Сивилла задумалась. — Мама говорила, что не только Певчие могли колдовать музыкой.

— Да? — этого я не знала. Леди Илейн мне об этом не рассказывала.

— О, да. Она любила рассказывать о них истории — о жрицах древнего Египта, друидах, разных гречанках и пророчицах. Она даже нашла в Англии секту мудрых женщин, которые клялись, что могли колдовать пением.

— Они не были Певчими?

— Не были. Это странная небольшая группа, что поклонялась воде и взывала к ее силам заклинанием, — она улыбнулась, но с печальным взглядом. — Конечно, не знаю, что ты подумала бы о них. Ты знаешь, какой была моя мама...

Ей не нужно было заканчивать. Мы знали, что доверять словам ее мамы не стоило. Бабушка Сивиллы была Певчей, но силы не передались ее маме. Она много лет искала совета у шарлатанов, желая слушать всех, даже обманщиков, обещавших дать ей магию.

Но я хотела узнать больше о тех, кто поклонялся воде.

— Где она нашла этих мудрых женщин?

— В основном, в Лондоне, наверное. Она сбегала ниже по Темзе на встречу с ними. Там были странные ритуалы, но мама мне о них мало рассказывала.

— Она думала, что в их пении есть сила?

— О, да. Хотя не знаю, была ли она там на самом деле. Мама всегда готова видеть магию во всем, — Сивилла посмотрела на большие солнечные часы в центре сада, чаша была наполнена дождевой водой. — Как-то раз мама привела их главу домой, чтобы та помолилась над заболевшей мной, и это было волшебным. Она была высокой, голос проникал в душу, у нее были странные глаза цвета моря. И мне стало лучше.

— Не знаешь, она пережила Скаргрейва? — спросила я. — Или кто-то из них?

— Возможно, — медленно сказала Сивилла. — Он преследовал колдунов, но больше его волновали Певчие. Он не преследовал остальных с таким рвением. Так что мудрейшие могли выжить, если им повезло. Но их вполне могли убить с остальными.

Вдали часы отметили четверть часа.

— Ох, — Сивилла взяла меня за руку. — Прости, Люси, но мне нужно вернуться. Иначе меня начнут искать фрейлины.

— Понимаю, — я поспешила с ней прочь от лоджии. — Мне тоже пора.

— Прости, что я толком не помогла.

— Ты помогла, — я не была рада мысли, что неправильно определила врага, но было приятно думать, что враг мог быть не Певчей.

Сивилла быстро обняла меня и поспешила дальше. Я замерла на миг под дождем и смотрела ей вслед. Ее плечи напряглись под плащом, она снова принимала роль королевы.

Было больно видеть перемены в ней. Но у меня был свой груз, и он не становился меньше от того, что я стояла под дождем. Я пошла прочь, решив посмотреть, что я смогу найти о мудрых женщинах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: МУДРЕЙШИЕ

— Мудрые женщины? — Габриэль вскинул брови, его скептический тон звучал громким эхом в прихожей большой библиотеки. — Вы хотите, чтобы я поискал про них?

— Да, — скованно сказала я.

После одного из многих споров с Натом и сэром Барнаби насчет лучшего варианта для защиты берегов Габриэль предложил свои услуги мне. Я с радостью согласилась, но уже подумывала, что ошиблась. Капитан Кноллис и мои люди так не реагировали, когда я поставила эту задачу перед ними.

— Вы про хитрых женщин? — сказал Габриэль, так и не опустив брови. — Которые продают амулеты и поддельные любовные зелья?

— Откуда вы знаете, что они поддельные? — спросила я.

— Должны быть. Большая часть женщин даже читать не умеет. Это все обман.

— Я бы не спешила так судить, — сказала я. — То, что они бедные и необразованные, не означает, что у них нет силы. Я и не ищу любовные зелья. Я ищу мудрых женщин, которые заявляют, что у них есть особая власть над водой.

Лицо Габриэля выдало мне его мнение на этот счет.

Я посмотрела на потолок прихожей и попросила себя проявить терпение.

— Вы вызвались помочь, — напомнила я Габриэлю. — А мне нужно сейчас, чтобы кто-нибудь поискал в библиотеке полезные упоминания. Кто-то со знанием старых языков и текстов. Думаю, вы справитесь, правда?

Габриэль с вздохом поклонился.

— Хорошо. Все для вас, Певчая.

† † †

Не зря ли я верила в то, что Сивилла рассказала мне? Я не знала. Может, я шла по неверному пути, может, правильнее было слушать воду. Этой ночью, пока Габриэль искал в библиотеке, а Кноллис и мои люди искали мудрых женщин, я устроилась у реки, уделяла особое внимание местам, где появлялись странные морские существа.

Мне приходилось сильно сосредотачиваться, чтобы что-нибудь услышать, ведь оглушительно продвигался план Ната по охране берегов. Вдоль реки гремели молотами мужчины в свете фонарей, кричали друг другу, пока делали железные поручни и цепи.

Тут и там кузнецы установили временные печи, звенели в наковальни, как в колокола, в ночи. Сэр Кристофер, Пенебригг и их друг Роберт Рук, тем временем, трудились над новым дизайном водяного насоса в тени Уайтхолла. Шланги издавали ужасные звуки.

Я старалась держаться подальше от шума, чтобы слышать реку. Она была, как и всегда, полна песен, но они не говорили мне ничего нового. Если Темза и хранила секреты, она не делилась ими со мной. Через несколько часов после полуночи я сдалась и ушла спать.

† † †

Следующее утро наступило слишком быстро, принесло еще больше дождя. Мрачная перспектива, но моей лодыжке хотя бы стало лучше. Я оделась как можно быстрее, поела немного каши с Норри, пока я читала ночные отчеты. Ночью не видели ни монстров, ни русалок, и это радовало.

От капитана Кноллиса пришла лишь короткая записка с просьбой увидеться. Позавтракав, я поспешила к комнатам стражи, чтобы узнать, что случилось.

На половине пути мои спешно заколотые волосы распустились. Зажав ладонью распавшийся пучок, я поспешила на поиски зеркала и нашла в небольшой шкатулке в комнате неподалеку. Пока я стояла у зеркала и заплетала волосы, из соседней комнаты донеслись голоса.

— Думаешь, лорд Уолбрук женится на Певчей? Милая Клеменс!

Я не видела говорящую, но узнала ее по голосу. Это была старшая сестра леди Клеменс, Арделла, вышедшая замуж за лорда адмирала.

— Это не так и смешно, — сказала другая женщина. Было похоже на леди Джиллиан. — Не видели, как он смотрел на нее, когда они отходили от реки?

— Я слышала, как кто-то говорил, что он не прекращал любить ее, — мечтательно сказала Клеменс.

— Бред, — сказала Арделла. — Она, наверное, как-то очаровала его. Но не переживай.

Он не выйдет за нее. Кто станет? Никто не захочет жену с магией, поверь. Уолбрук точно.

Под моими застывшими руками прядь волос выпала из пучка на спину. Я начала снова заплетать ее, но злое любопытство заставляло меня слушать их слова обо мне.

— Наверное, ты права, — решила леди Джиллиан. — Она странная. Если уж на то пошло, она даже не человек. Не совсем.

— Да, — сказала Арделла. — А ведь в браке нужно думать о детях.

— Детях? — растерялась Клеменс. — О чем ты?

— Ты не слышала историю Мелузины? — голос Арделлы стал тише, словно она сплетничала. — Говорили, она тоже была Певчей, дочерью фейри Прессины. Она пыталась скрыть свою истинную сущность от мужа, но кровь предала ее. Ее дети были чудовищами. У одного сына из лица росла львиная лапа. У другого был бивень вместо зуба. И когда муж отказался от нее, она превратилась в свой истинный облик, в морского змея.

Не такое рассказывала леди Илейн. По ее словам, сыновья Мелузины были нормальными. И у нее была дочь Певчая.

Что было правдой? Я не знала. Но я достаточно выслушала сплетен Арделлы. Женщина была ядом. Я закрепила шпильками пучок, желая сбежать.

— Фу, — сказала леди Джиллиан. — Кому захочется жениться на таком существе?

— Никому, — едко сказала Арделла. — Даже папе милой маленькой Люси не захотелось.

Шпилька соскользнула и впилась в кожу головы. Папа? Я знала, что он был музыкантом. Что Арделла могла рассказать о нем?

— Я знаю кое-кого, кто дружил с ее матерью, Вивиан, — продолжала Арделла. — Она отчаянно любила его, даже сбежала от опекунши, чтобы выйти за него замуж. Но, когда она сказала ему, что ждет ребенка, он испугался. Может, подумал, что дитя будет с бивнями. И он ее бросил.

У меня кружилась голова, зеркало словно покачивалось. Мне говорили, что отец умер до моего рождения, но детали опускали. Было ли это выдумкой? Говорила ли Арделла правду?

— Как ужасно, — сказала Клеменс.

Голова пылала. Мне нужно было уйти. Я отчаянно заколола последнюю шпильку и отправилась в сторону своей комнаты. Тут я вспомнила, что мне нужно было увидеть капитана Кноллиса. В тумане я развернулась и чуть не столкнулась Габриэлем.

— Певчая! А я вас и искал, — он улыбнулся, а потом присмотрелся. — Вы в порядке?

Нет, но я старалась это скрыть. Я коснулась браслета на его протянутой руке, теперь такое приветствие становилось привычным.

— В порядке. Я просто шла в комнату стражи, а потом хотела заглянуть к вам. Вы нашли что-нибудь в библиотеке?

— Толком ничего, — сказал Габриэль. — Хотя я был там почти до рассвета.

До рассвета? Он так не выглядел. Он был свежевыбрит, ухожен, а туфли его были так отполированы, что я почти видела свое отражение на черной коже. Говорили, что слуга Габриэля был лучшим в Англии. Я не сомневалась.

— Давайте сядем, и я расскажу вам, — Габриэль провел меня в соседнюю комнату и указал на бархатный диван с высокой спинкой, уютный и мягкий.

Он выглядел слишком уютно, и я села вместо него на стул неподалеку.

— Начнем.

— Хорошо, — он придвинул другой стул. — Я нашел упоминание в хронике четырнадцатого века про мудрых женщин, говоривших с существами моря. Веком позже другой автор писал о группе, названной Добрые женщины, они проводили определенные обряды на берегах Темзы.

— Обряды?

— Главным образом, делали подношения. Есть упоминание плетеной Цветочной девы, которую сжигали в реке. Но нет ни слова о пении.

— Ни слова? — это удивляло. Конечно, в ранних хрониках могли упускать важные детали. — Там упоминалась хоть какая-то музыка?

— Нет, — Габриэль вытянул ноги, поджал челюсть, подавив зевок. — Один говорил о музыке сфер, но это было в другом разделе.

— Музыка сфер? — я слышала уже эту фразу, но не знала, что она значит. — Что это?

Габриэлю нравилось играть в эксперта, он был рад объяснить.

— Некоторые ученые говорят, что все небесные тела — солнце, луна, планеты и даже звезды обладают своей уникальной музыкой. Пифагор писал об этом, как и Платон, и многие другие. Некоторые считали это метафорой, способ описать теории в математике и астрономии. Но остальные говорят, что это именно музыка, — его ладонь придвинулась, оказавшись близко к моей.

Я отдернула свою руку.

— Никто не связывает это с водой?

— Нет, насколько я читал, — признался он. — Но луна управляет приливами, так что есть связь с океаном. Если подумать, стоит поискать об этой музыке у Парацельса...

— Он писал об элементах?

— Да. Хотя он больше известен книгами по алхимии и медицине.

От упоминания алхимии я села прямее. Об этом я не думала, а стоило.

— Парацельс думал, что алхимия может дать людям власть над элементами?

Пальцы Габриэля скользили по подлокотнику.

— Он думал, что настоящий мастер может делать невидимое видимым. И да, это могло дать власть над некоторыми элементами.

— Он не говорил, как?

— Нет.

Тупик. Но не без подсказок. Могла ли алхимия быть замешана в головоломке? Кого спросить, как не человека рядом? Габриэль был одним из лучших алхимиков королевства, хоть он и поклялся оставить активную деятельность, после того как таланты сыграли с ним злую шутку в прошлом году.

— Габриэль, вы не знаете, может ли алхимия объяснить происходящее?

Его карие глаза вспыхнули.

— Думаете, я не сказал бы этого раньше? — в его голосе звучали обида и гнев. — Я выражал верность тысячами способов королю и вам. Как еще мне проявить себя?

Видя его расстройство, я забыла об осторожности. Моя ладонь легла поверх его.

— Я не сомневаюсь в вашей верности. Я просто надеялась, что вы вспомните какую-нибудь мелочь, которая сможет нам помочь. Может, вы что-то слышали от друзей-алхимиков...

— У меня нет таких друзей, — он обхватил мою ладонь, его глаза пылали. — Больше нет. Клянусь вам, я оставил это искусство. Поверьте мне.

— Верю, Габриэль. Верю, — я отпустила его ладонь, но он меня не отпустил.

— Не думаю, что вы меня понимаете, — его глаза были полны эмоций. — Певчая...

Дверь библиотеки за нами раскрылась. Я отпрянула от Габриэля и развернулась, юный Баррингтон ворвался в комнату, как сорвавшийся жеребец.

— Быстрее. Певчая! Мы вас везде ищем, — с сияющими глазами, задыхаясь, он широко улыбался мне. — Мы кое-что нашли.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: ЗА ВУАЛЬЮ

«Кое-что» оказалось женщиной.

— Мы ее еще не взяли, — голос капитана Кноллиса звенел в комнате стражи, но он замолчал, увидев Габриэля, пришедшего со мной. Я кивнула, он смирился с присутствием Габриэля и продолжил. — Говорят, она — та, кого вы ищите, мудрая женщина, работающая с водой. Она скрывается, но мы узнали, где она живет. У реки.

— Люди зовут ее кудесницей, — добавил Баррингтон. — Они платят ей за помощь.

— И говорят о странных ритуалах, — сказал Кноллис. — О подношениях на берегу реки и подобном. И она зовет себя Мелисандой.

Это меня удивило. Мелисанда — второе имя Мелузины. Может, здесь была связь с Певчей.

— Хотите, чтобы мы привели ее? — спросил Кноллис. — Или хотите пойти к ней сами?

— Я пойду, — так я узнаю больше. Если она использует магию, хоть какую-то, то я не хотела, чтобы мои люди столкнулись с ней без меня.

Прислоняясь к стене, Габриэль слушал Кноллиса в тишине. А теперь повернулся ко мне и сказал:

— Я пойду с вами.

Я замешкалась, сомневаясь, что это правильно. Наверное, он увидел мое замешательство, потому и продолжил:

— Можете послать меня первым. Я притворюсь, что мне нужны ее услуги. Это ее отвлечет.

— Неплохая мысль, — Кноллис посмотрел на Габриэля с одобрением. — Может, так мы застанем ее врасплох.

Мне пришлось согласиться.

— Стоит обдумать это.

Баррингтон посмотрел на Габриэля, обидевшись, что все внимание забрал он.

— Я могу сделать это, Певчая. Пошлите меня.

Я покачала головой. Актером Баррингтон не был. Его открытое лицо выдавало все его эмоции. А у Габриэля был дар играть роль.

— Я хочу, чтобы ты был с теми, кто окружит дом, — сказала я Баррингтону. Но вы должны быть скрыты, пока мы с лордом Габриэлем не войдем.

— Я думал, я пойду один, — сказал Габриэль.

— Есть идея получше, — сказала я ему.

И мы составили план.

† † †

Мои люди доложили, что Мелисанда жила в темнейшей части грязного переулочка в

самом неуважаемом районе у причала святой Катарины, и они не соврали. Когда мы с Габриэлем добрались туда, он постучал в дверь и скривился, наступив на что-то гадкое своими аккуратными туфлями. Я стояла за ним и была рада, что шарфы и большой капюшон закрывали почти все мое лицо. Они служили для прикрытия, но помогали и защититься от запаха. Весь переулочек был полон воняющего мусора, дождевая вода собралась там и превратила все это в гадкую кашу.

В двери открылось окошко на уровне глаз. Я уловила сквозь шарфы запах магии, слабый и дразнящий.

Если бы у меня был чуткий нос крестной, я бы поняла тип и источник магии по одному вдоху. Но я не была леди Илейн, я не могла анализировать запах. Но здесь была какая-то магия.

Этого хватало. Мы были на верном пути.

В окошке прищурились янтарные глаза, пытаюсь увидеть нас.

— Что надо?

Грубый тон, но я была уверена, что это женщина. Мелисанда?

— Ну? — в глазах появилось нетерпение.

— Сестре плохо, — тихо сказал Габриэль, начиная придуманную нами историю. — Она не исцеляется, боюсь, она будет изуродована на всю жизнь. Ей нужна помощь, — он понизил голос и добавил. — От Мелисанды.

Глазки-бусинки осмотрели меня, а потом остановились на Габриэле.

— Я могу заплатить, — он показал золотую монету.

Он подобрал верные слова. Окошко закрылось. Дверь открылась.

— Внутрь, — раздался грубый приказ. — Живо.

Внутри было темнее, чем в переулке, но света хватило, чтобы я увидела, что была права. У двери была женщина, но она была моложе и тоньше, чем я ожидала. За вуалью я понюхала воздух снова. Магию я не ощутила.

Женщина вытянула руку и сказала Габриэлю:

— Ваш меч.

Мы ожидали этого, но он сыграл нежелание, а потом вытащил меч из ножен и отдал.

Женщина сжала рукоять.

— Золото?

Габриэль отдал его ей.

Она проверила монету зубами и посмотрела на нас.

— Что за вуалью?

Я отпрянула, изобразив девичье смущение.

— Кот язык забрал? — она рассмеялась, звук был неприятным. — Мелисанда часто видит таких посетителей. Помощи просят даже дамы из дворца.

Неужели? Мне стало интересно, кто именно.

— Обычно они хотят любовные зелья, конечно, — продолжала женщина. — Может, и вы этого хотите.

Я затрясла головой.

— Нет? — женщина рассмеялась. — Деньги у вас хорошие, мы позволим Мелисанде узнать правду. Я узнаю, готова ли она принимать посетителей.

Она отвернулась и открыла дверь в заднюю комнату. Я не слышала ничего, похожего на магию, но уловила ее запах снова, и это было предупреждением. Я напряглась, готовая петь

в любой миг.

Шепот и шорох доносился из комнаты. А потом женщина вернулась.

— Она вас увидит. Но вы помешали ее работе, так что она не рада. Помните о манерах.

Она провела нас в комнату, что была еще темнее, ее освещали свечи, плавающие в мисках, отбрасывающие странные тени на стены. Мои глаза привыкли, и я увидела облако белого дыма, поднимающееся из котла в центре комнаты. Голова затуманилась от сильного запаха. Не магия. Голова кружилась. Это был фимиам?

В вуали дыма силуэт вышел из темного угла. Женщина с глазами-бусинками присела в реверансе так низко, что чуть не согнулась пополам.

— Мелисанда, — выдохнула она.

Стараясь разглядеть фигуру в дыму, я шагнула вперед. На миг я увидела ее. Это была женщина, очень высокая, но я заметила сразу ее пристальные глаза цвета моря.

Она увидела меня даже через вуаль. Она повернулась к служанке.

— Дура! Это Певчая.

Сквозь дым Мелисанда бросилась на меня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ: ВОДА И СТЕНА

Я запела до того, как Мелисанда бросилась на меня. Кипящая вода из котла окружила ее стеной, словно из стекла с пузырями. Она попала и в ярости смотрела на меня.

Я закончила петь и услышала Габриэля:

— Вот уж нет! Меч мой, — я обернулась, меч был уже в его руке. Служанка пропала.

Габриэль указал вниз.

— Она ушла туда.

Я прищурилась и различила дыру в полу. Оставив Мелисанду за кипящей стеной, я опустилась у дыры и услышала реку.

— Выходит к Темзе.

— Я не пролезу, чтобы догнать ее, — сказал Габриэль.

Я, может, пролезла бы, но тогда пришлось бы оставить Мелисанду. Риск был слишком большим.

Вскоре комнату заполнили мои люди.

— Мы услышали ваше пение, — объяснил Баррингтон.

— Молодцы, — об этом мы договорились заранее: если я запою, они тут же должны прийти на помощь. — Симпсон, Аддерсби, вы меньше всех. Попробуйте пролезть в эту дыру. Лорд Габриэль, опишите им, что искать?

Оставив их, я повернулась к Мелисанде, все еще скованной стеной воды. Мои люди принесли факелы, и в их свете я ясно увидела ее — женщину, что была на несколько дюймов выше меня, но ее поведение делало ее еще выше. Ее волосы были каштановыми с проседью, было сложно определить ее возраст, особенно, когда ее лицо покинул гнев, и оно превратилось в холодную пустую маску.

— Мелисанда — ваше настоящее имя? — спросила я.

Она смотрела на меня.

Я тихо запела, от стены воды пошел пар. Когда он рассеялся, в зеленых глазах Мелисанды был злой свет, а еще немного страха.

— Я могу сделать еще жарче, — предупредила я. — Отвечайте. Мелисанда — имя, с которым вы родились?

Она выплюнула ответ:

— Да.

— Некоторые говорят, что это имя Певчей. Вы — Певчая?

— Смотри сама, — она закатала рукава, открывая гладкие белые руки. У нее не было метки Певчей, какая была у меня, — маленькая белая спираль на руке, что выделяла Певчих.

Одна проблема была решена.

— Что за магию вы используете?

Она скривилась.

— Не хочешь узнать?

— Сколько вас здесь? Как давно вы встретились?

— Как давно? — она фыркнула от смеха. — С начала времен, Певчая. Мы были здесь до тебя, мы будем после.

— Вы поете?

Молчание.

— Вы вызывали морских существ?

Она не говорила, но я видела блеск торжества в ее глазах.

— Говорите, или я запою, — сказала я. — Я могу сделать стену горячее, вы знаете.

Взгляд, полный ненависти.

— Вы и ваши стены! Это ответ Певчей на все! Вы сделали так с Матерями, а теперь ты делаешь со мной.

— О чем ты?

— Не притворяйся, что не знаешь, — его рот скривился. — Старая стена давала нам проникать, но ты это остановила, да? Вы, Певчие, выстроили стену между нами и Матерями. Мы почитали их, уважали, мы поклонялись им так, как нас учили матери. Но не вы, нет! Вы, Певчие, возомнили себя выше этого.

Я растерянно смотрела на нее. Какая стена? Что за Матери?

— Но все сложилось вовремя, — глаза Мелисанды загорелись за бурлящей стеной. — Мы верили, мы знали, что этот час придет. Твоя стена рушится, Певчая. В ней трещина, и Матери идут за тобой. В этот раз их не остановить!

Мелисанда молчала после этого. Я делала воду горячее, но она лишь дико смеялась.

— Она безумна, — сказал Габриэль за моей спиной.

Возможно. Но безумие не означало, что Мелисанда бессильна. Я ощущала здесь магию. Ее дикие слова о Матерях звучали схоже с предупреждением русалки. Мы идем.

— Кто такие Матери? — спросила я у Мелисанды.

Она лишь хохотала.

Я повернулась к Баррингтону.

— Копье, пожалуйста.

Он отдал оружие без колебаний, и я вонзила его в стену воды. Мелисанда завизжала, но я была осторожна, чтобы острие не задело ее, а только железное основание.

Железо не вредило ей, она не исчезла. Она выглядела так же, как и до этого, только злее.

Что теперь? Было непросто удерживать стену, а свет в ее глазах говорил, что она скорее умрет, чем выдаст правду. Мы должны были понять, что с ней сделать.

Я поманила своих людей.

— Заберем ее в Тауэр.

† † †

Тауэр возвышался на восточной стороне города, он был крепостью Англии. Официально это была королевская резиденция, некоторые считали это место красивым, эти башенки и белую центральную башню. Но я поежилась, когда мы проходили ворота. Я не могла забыть, как тенегримы делали это место ужасным, полным смертей. Для меня Тауэр всегда будет скорее тюрьмой, чем замком. Эта тюрьма была самой охраняемой в городе, и я не хотела меньшего для Мелисанды.

Но там она общительнее не стала. Мы оставили ее в камере, приковали железной цепью, и я заметила, что на ее шее было странное украшение. Оно было из серебра, похожее на двух змей, глотающих концы друг друга. Я спросила ее об этом, но она стала раскачиваться и гудеть себе под нос. Эхо напоминало мне вой морского существа.

Она пыталась колдовать? Я понюхала затхлый воздух, но магию не уловила.

— Осторожно! — крикну Баррингтон, Мелисанда изогнулась.

Она рухнула на солому на полу.

— Притворяется, наверное, — проворчал Кноллис.

— Не сказал бы, — Габриэль обхватил ее запястье. — Ее пульс очень слабый.

Почти час мы пытались оживить ее. Мы трясли ее. Плескали водой в лицо. Мы махали перед ее носом нюхательными солями, пока камера не пропахла ими. Ничего не работало.

Габриэль проверял ее пульс и сказал, что он даже слабее, чем раньше.

— Но он ровный. Она словно в трансе.

Баррингтон скрестил руки.

— Можно растянуть ее на дыбе.

— Нет, — я смотрела на мертвенно-бледное лицо Мелисанды и увидела на миг призрака крестной, умершей здесь. Это не одно и то же. Эта женщина опасна. Но я не сразу смогла властно обратиться к своим людям. — Оставьте ее здесь. Остальные, идемте со мной.

Вдали от камеры я собрала их в тесный круг.

— Мы так и не нашли ее служанку, да, капитан Кноллис?

— Ничего. След ведет до воды, а там обрывается.

— Тогда у нас остается только Мелисанда, и стоит с ней хорошо обращаться. Дайте ей одеяла, немного еды и воды. Мы допросим ее позже.

Кноллис и Баррингтон не были рады, но не возражали. Как и остальные. Я знала, что они обрадовались бы больше, если бы я была жестче с Мелисандой, может, так и стоило себя вести. И я не могла поддаваться, как было с русалкой. Но темная история Тауэра была доказательством, что пытки — не дорога к правде. Люди говорили что угодно, чтобы боль прекратилась. А если Мелисанда соврала? А если мы довели ее, и она умирала? Мы тогда ничего не узнаем.

И хотя остальные видели в этом слабость, я собиралась выбрать другой путь.

— Можно многое сделать, пока мы ждем, — сказала я. — Может, нам расскажут больше те, кто обыскивал ее комнаты, и можно дальше искать ее служанку. Я отправлюсь в Уайтхолл, я обещала королю, что сообщу о продвижении дела.

— Я могу отправить гонца, — сказал Кноллис.

— Он захочет поговорить со мной лично, — так и могло быть, но я хотела прийти в Уайтхолл, чтобы рассказать Сивилле о Мелисандре и проверить слова женщины. Я не знала,

как у нас это выйдет, ведь она была окружена фрейлинами, которые следили за ее движениями, чтобы найти повод для сплетен. Но стоило попытаться.

— Я вернусь, как только смогу, — сказала я. — Не знаю, что за уловки у нее есть, так что не допрашивайте ее без меня. И оставьте ее с цепью и стражей, — я не хотела, чтобы она сбежала, как русалка.

Я ушла с уверениями Кноллиса. Габриэля и остальных, что они проследят на Мелисандой, пока я не вернусь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ: ВЕСТМИНСТЕР

Я доплыла от Тауэра к Уайтхоллу на защищенной лодке довольно быстро. Мой визит к Сивилле пришлось отложить из-за стражи, что встретила меня на входе. Король хотел видеть меня немедленно.

Я поспешила к парадному залу, но короля там не было.

— Он просил нас вызвать вас не так давно, — сказал с тревогой один из его секретарей. — Он хотел поговорить с вами. А потом он ушел с лордом Уолбруком, и мы их не видели.

— Куда они ушли? — спросила я. — Вы знаете?

— Посмотреть одну из стен у реки в Вестминстере, наверное. Но я не уверен, где именно, — секретарь скривился и провел рукой по тонким волосам. — Мы никак не можем разобраться с перемещением.

— Перемещением?

Секретарь был удивлен.

— Король приказал освободить все комнаты с видом на Темзу, миледи, чтобы использовать их для защиты. Вы не слышали? Мы сообщали час назад.

— Я была занята, — сказала я.

— Конечно, конечно, — он натянуто улыбнулся. — Пока мы говорим, комнаты освобождают, туда перевозят пушки. Но работы много, комнат тоже много. А еще есть работа с бумагами короля. И люди приходят с разных частей города. Всем приказали покинуть дома у берега, и некоторые из них переедут сюда. Все в хаосе...

— Ничего, — Вестминстер был юго-западнее Уайтхолла, добраться туда было просто. — Я поищу короля сама.

† † †

Чуть позже я увидела короля у реки в Вестминстере, он стоял под дождем с Натом и сэром Самюэлем. Плечи короля были опущены, сэр Самюэль выражал печаль, с его кружева, выглядывающего из рукавов плаща, капала вода. Нат был спиной ко мне, но, когда он развернулся, я увидела темные круги под его глазами.

— Певчая! — король тепло поприветствовал меня, но он взбодрился, только когда мы коснулись железа. — Я думал, мы вас уже не увидим.

Я объяснила, зачем была в Тауэре.

Когда я закончила, он сказал:

— Так вы думаете, виновата Мелисанда?

— Она явно что-то знает, — сказала я. — Не знаю, стоит ли она за этим. Мы получим от нее правду, обещаю. Но пока я могу рассказать вам только это.

Он был разочарован, как и Нат с сэром Самюэлем, но я ничего не могла поделать.

— Что тут случилось? — спросила я. — Новые нападения?

— Да, — морщины на лице короля стали глубже. — Утром морской змей атаковал судна ниже по реке, возле Тильбери. И было ужасное нападение на королевский флот у Портсмута.

— Депеша прибыла утром, — сказал сэр Самюэль. — Вчера вечером морской змей уничтожил четыре корабля. Утонуло около трехсот человек.

Триста? Печаль и гнев охватили меня. Я жалела, что не надавила на Мелисанду.

— Пока это худшее, — сказал король, — но отчеты приходят со всей страны о поющих русалках и монстрах, которых видели с берега, а еще пропадают лодки рыбаков.

— Хуже всего, что мы разрушили стену, защищающую Вестминстер, — Нат указал на реку. Сквозь дождь я увидела место в десятке ярдов впереди, где пропала дамба Вестминстера.

Нат бесстрастно описал случившееся.

— Большая часть стен на реке крепкие, но когда мы попытались усилить эту железом, она обрушилась, и появилась большая дыра. Теперь ничто не мешает реке затопить целый район со следующим приливом.

Я понимала, о чем он. Когда-то давно Вестминстер был островом, еще и низким и полным болот. Его защитили от реки дамбами. Но выше он от этого стоять не стал. Как только река доберется до дыры, ничто не помешает ей разлиться по всему Вестминстеру, включая Парламент и дворы суда, как и аббатство.

— Нам нужно залатать дыру до следующего прилива, — сказал Нат. — Но до него осталось несколько часов. Этого времени не хватило бы и с идеальной погодой. А в такой дождь стену вообще не починить.

— Потому я вызвал вас, — сказал мне король. — Стена. Вы можете помочь?

Это задержало бы мое возвращение в Тауэр. Но я не знала, когда придет в себя Мелисанда, а здесь на кону было много жизней. Я посмотрела на длинную брешь и прислушалась к дождю и реке.

— Думаю, я смогу задержать Темзу, — сказала я. — На несколько ярдов, но этого должно хватить. И я могу отогнать дождь. Как только возведут новую стену, я могу помочь раствору высохнуть быстрее.

Король обрадовался, как и сэр Самюэль.

Нат с тревогой посмотрел на меня.

— Разве ты не говорила вчера, что река тебя не слушается?

— Только когда я пыталась ею напасть на существ. Она хочет их как-то защитить. В остальном, моя магия все так же сильна.

— И мои люди могут ей довериться? — серьезно спросил Нат.

Вопрос был сложным, но я знала, что он спрашивает это ради людей в своей команде. Я бы так же сделала ради своих людей.

После сражения с морским монстром я не смотрела ему в глаза, но теперь смотрела на него, как командир на командира.

— Вода послушает меня. Если у меня возникнут сомнения, я сообщу. Я не хочу рисковать жизнями.

Он смотрел мне в глаза, мое сердце колотилось. Но я не могла отвести взгляд. Он должен был понять, что я говорила правду.

— Хорошо, — сказал Нат. — Мы попробуем.

† † †

Пока король и сэр Самюэль возвращались в Уайтхолл, я осталась у стены Вестминстера с Натом и небольшой армией каменщиков и рабочих по металлу. Поговорив с главным каменщиком, Нат подошел ко мне.

— Как ты хочешь начать?

— Сначала я песней отгоню воду, — сказала я. — Эту чаропесню нужно постоянно повторять, но я постараюсь продержаться как можно дольше. Думаю, моих сил хватит на несколько часов, если нужно.

Нат все еще тревожился.

— Если что-то пойдет не так, нам нужно будет быстро убрать оттуда людей. Нам нужен сигнал, верно?

Он не сомневался во мне. Я пыталась себя убедить. Он просто осторожничал. Мы сошлись на махании руками над головой, и я приступила к заданию.

Я прислушалась, но не уловила ни малейшего отголоска яростной песни, только привычные мелодии Дикой магии. Я запела реке и дождю, отгоняя их от стены, и они слушались. Через пару минут стена стала сухой.

— Хорошо, — сказал Нат. — Приступим к работе.

Мужчины, открыв рты, посмотрели на реку, потом на меня. Никто не двигался.

Я не могла просить их доверить мне жизни.

Я отошла к дальнему краю стены, где с края свисала веревочная лестница. Не переставая петь, я шагнула на нее.

Нат с тревогой пошел за мной.

— Люси, нет. В этом нет необходимости.

У меня не было дыхания, чтобы ответить ему, хоть я и видела, что он идет за мной. Все во мне было направлено на управление водой и на осторожные шаги по лестнице, пока я не ступила на стену.

Я посмотрела на мужчин, они глядели на меня.

— Мы же не оставим леди там одну? — крикнул один из них. Вскоре опустили больше лестниц, и мужчины спустились ко мне.

† † †

Три часа они укладывали кирпичи как можно быстрее, ускоряя работу совместным трудом и строительными лесами. Зрелище должно было впечатлять, но я толком не видела. Все мое внимание было сосредоточено на волне, которую я удерживала музыкой. Она с самого начала была выше нас, а с приливом она росла и становилась выше и сильнее.

Все мои силы уходили на то, чтобы удержать ее. Пение Певчей не утомляло голос, как обычное, но требовало много сил и терпения, чтобы держаться так долго. Я слушала речные песни и не обращала внимания на другие звуки. Стук кирпичей, скрип приборов не мешали моей концентрации. И я не заметила, что работа была закончена, пока Нат не подошел и не помахал мне.

Люди вернулись на сушу, оставив новую стену, идеально отремонтированную и усиленную железными шипами. Мне нужно было пением высушить стену, удерживая реку. Повернувшись, чтобы видеть волну и стену, я медленно начала сплетать две песни.

Высушивать стену нельзя было быстро, иначе она треснула бы. Нужно было слушать, чтобы рассчитать темп. Я не спешила. Стоя на речном дне, я следила, как белеет раствор,

пока сохнет. А потом, когда я заканчивала, я услышала то, чего больше всего боялась. Отголосок ярости из воды.

Я безумно махала Нату. Вода вырывалась из моей хватки, моя волна собиралась обрушиться на нас.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ: ПОТОП

Нат сразу понял мой сигнал, но, несмотря на тревогу в глазах, он не побежал к лестнице.

Чего он ждал? Что я выберусь первой? Не лучшее время для вежливости! Это была моя песня, я должна была уходить последней. Он не двигался, а я не могла спорить, пока пела. И я побежала к лестнице — несколько еще не подняли — и полезла наверх.

К моему облегчению, он сделал так же и быстро добрался до верха. Я двигалась медленнее, путалась в юбках, отвлекалась на пение и на боль в лодыжке. Я схватилась за последнюю перекладину, и вода вырвалась.

За ревом воды я услышала крик Ната:
— Люси!

Его руки потянулись вниз, схватили меня и вытащили на сушу. Меня окатили брызги, я вцепилась в него, тяжело дыша. Я заглянула в его глаза, и мир рухнул. Стена, волна, опасность — я забыла обо всем, пока мы стояли и видели лишь друг друга.

Люди вопили:
— Осторожно!

Мы с Натом отскочили, я оглянулась через плечо. Три скользкие серые змеи поднимались из вод. Они взлетели в воздух, без глаз, толстые, как деревья. Их было четыре. Нет, пять... шесть...

Я ошеломленно смотрела на неровную плоть. Змеи? Нет. Это были щупальца. И это означало...

С ужасающим плеском появилась голова, пасть с зубами была раскрыта.

— Огромный кальмар! — закричал кто-то.
— Кракен!

Щупальца потянулись к стене.

Нат схватился за железное копьё, которое взял с собой, и я увидела, что остальные тоже тянутся за оружием. Существо это увидело или просто ощутило железо в стене. Оно отдернуло щупальца и бросилось под воду.

— Погодите, — крикнул Нат своим людям. — Подождите, пока оно всплывет.

Некоторые уже бросили копьё. Они ломались, ударяясь о воду. Я слышала, как вода отгоняла оружие от монстра, а за этими звуками были ноты яростной песни.

— Вода защищает его, — сказала я Нату. — Как защищала и остальных.

— Он должен всплыть, чтобы напасть, — Нат разглядывал воду с копьём наготове. — И тогда мы его одолеем.

Но он ошибался. У подножия стены менялись потоки воды. Появились небольшие волны, потом крупнее. Я склонилась над новыми кирпичами, слушая. Что там происходило?

А потом я поняла:

— Кракен разбивает фундамент!

Нат побелел. Там не было железа, оно было только на кирпичках.

— Как это остановить? — спросил он.

— Не уверена, что мы можем. Скажи, чтобы всем сообщили. Нужно уходить.

Нат передал приказ, и через минуту все убежали. Только пара юношей осталась, решив проявить смелость.

— Попробуем спасти стену, — сказал им Нат. Они вместе тыкали воду копьями, но река вытаскивала бревна и уносила подальше.

— Гвозди, — крикнул Нат. — И оставшиеся копья! — мы бросали их, но вода, видимо, уносила их, потому что кракен не останавливался.

Пока Нат и его люди искали решение, я пела воде, умоляла ее быть против кракена. Но я не была удивлена тому, что вода меня не слушала. Я прижала ладони к стене и ощутила ее дрожь.

— Она вот-вот рухнет! — крикнула я остальным.

Они посмотрели на меня, стена трескалась.

— Бегите, — закричала я.

Юноши убегали, но Нат ждал меня, замедлился до моего темпа. Мы бежали по пустым улицам, мимо аббатства и капеллы Тюдора, мимо древних готических арок старого дворца. Но мы еще не добрались до стены вокруг Уайтхолл, когда мы услышали ужасный стон и треск позади.

Кракен добился своего?

Я не сдержалась. Я оглянулась, но за дождем видела только реку, текущую по улице за нами. Это было серое щупальце?

Нат потащил меня вперед.

— Бежим.

Легкие пылали. Я мчалась с ним по улице, лодыжку пронзала боль. Отовсюду пахло морем. Когда мы добрались до стены, ворота были закрыты. Крича о помощи, мы с Натом впились в стену, пытаясь найти выступы, пока вода не настигла нас.

Заметив нас, стража короля опустила веревки. Когда мы схватились, стражи подняли нас в безопасность, а река разлилась за нами.

Мы стояли со стражами и теми, кто прибежал раньше нас к Уайтхоллу и смотрели, как Темза захватывает Вестминстер. Первые волны залили края, все дороги, пока аббатство, дворец и все древние здания не остались островками среди бушующих волн.

В полумраке в окнах горели огни. Это были оставшиеся люди? Или они оставили свечи и лампы, чтобы занялся пожар, чтобы катастрофа повлекла катастрофу?

Я не видела кракена.

Я не поняла, что сказала вслух, пока Нат не ответил:

— Он, наверное, будет прятаться на глубине, искать другие стены. Нам нужно предупредить береговой патруль об этом. Может, они справятся там, где не смогли мы, — он повернулся к стражнику, который после разговора побежал во дворец.

Мы не справились. Я не хотела думать об этом. Но так и было.

Я смотрела на бушующую воду, слышала снова яростную песню, тихую и ужасающую. Но в этот раз песня была сильнее, и я слышала слова, скрытые за злой музыкой: «*Иди, Певчая. Иди в воду...*».

Кто пел? Мудрые женщины? Матери, о которых говорила Мелисанда?

В любом случае, это пугало. Я попятилась.

Нат, видимо, заметил страх на моем лице, но не понял причину.

— Вода скоро отступит, — сказал он. — Это всего на пару часов, и мы начнем спасать людей и воздвигать защиту.

Я пыталась кивнуть, но песня еще была там, звала меня, хоть я и закрывалась от нее.

— Не переживай. Ты дрожишь, — Нат потащил меня к двери. — Тебе нужно внутрь.

Оказавшись за стенами Уайтхолла, я уже не так хорошо слышала музыку. Я пришла в себя и сразу заметила, что Нат еще здесь, в паре дюймов от меня. Я подняла голову, увидела его теплые ореховые глаза, и мы словно снова стояли на стене в Вестминстере, забыв о мире...

— Люси, — в его голосе была нежность, от которой сжималось сердце. — Я...

— Певчая! — донесся крик из дальнего конца коридора.

Я развернулась. Страж шел ко мне с железным копьём в руке.

— Вы нужны в Тауэре, — крикнул он. — Ваша узница сбежала.

Мир обрушился на меня.

Не было времени на разговор с Натом, чтобы узнать, что он хотел сказать мне. Я спешно попрощалась и направилась в Тауэр.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:

ИДЕАЛЬНЫЙ КРУГ

В Тауэре меня встретил Кноллис с раскаянием на красном лице.

— Простите, Певчая, — сказал он, мы коснулись железа — мой браслет его ладони, его кольцо моей руки. — Мы искали Мелисанду уже два часа, но нет и следа, — он добавил с надеждой. — Или вы что-нибудь уловили?

— Нет, — услышав новости, я искала запах магии, слушала в поисках пения. Даже в Тауэре не было ничего. Если в побеге Мелисанды была замешана магия, я не уловила ее. Хотя я знала, что нужно проверить ее камеру.

Когда я предложила это, Кноллис решил отвести меня туда. Мы пересекли внутренний двор под дождем.

— Как именно она сбежала? — спросила я.

Кноллис рассказал, что они следили за Мелисандой, пока у стен Тауэра не заметили морского монстра.

— Мы, конечно, бросились защищать Тауэр. Мелисанда была без сознания, и я решил, что ее можно оставить, и я оставил на страже юного Баррингтона, — Кноллис недовольно покачал головой. — Но когда мы вернулись, ее не было.

— А Баррингтон? — сказала я, мы вошли в башню, где держали Мелисанду.

— Оставил пост, юный дурак, — взгляд Кноллиса не обещал ничего хорошего для Баррингтона. — Сказал, что услышал пение снаружи и пошел посмотреть, что там.

— Пение?

Кноллис пожал плечами.

— Он так говорит. Но он не может описать его, лишь говорит, что оно не похоже на все, что он слышал, включая ваше пение. Когда я спросил его, он признал, что это могли быть отголоски с реки, где мы боролись с монстром.

Я решила, что нужно будет поговорить с Баррингтоном самой.

— Вы отогнали монстра? — сказала я.

— Андерсби бросил в него копьём, — сказал Кноллис с мрачным удовлетворением. —

Он стал прозрачным, как лед, и утонул, как камень. Мы на месте, — он отпер дверь и открыл ее. Я оглядела комнату с каменными стенами, где была лишь солома и несколько одеял.

— Я оставляла ее не здесь.

— Мы переместили ее по совету лорда Габриэля. Он думал, что в тепле она быстрее придет в себя.

Конечно.

— Уверены, что заперли ее?

— Да. И дверь была заперта, когда Баррингтон вернулся.

— И как она выбралась?

Голос Кноллиса был напряжен.

— Не знаю, Певчая. Может, ей кто-то помог. Торговцы приносили товары на кухни перед появлением монстра, и мы пытались узнать, связаны ли они с этим, — он прошел к маленькому окошку с решеткой. — И у некоторых была другая теория.

— Какая?

Кноллис указал на влажный угол комнаты.

— Видите, здесь собирается дождевая вода? Она падает с крыши, протекает сюда через трещины в камне.

Я посмотрела. Трещины были мелкими.

— Они думают, что она превратила себя в воду и так покинула камеру, — сказал Кноллис. — Кто знает, могла ли она так сделать?

† † †

Сбежала ли Мелисанда магией? Или кто-то помог ей? Я все равно хотела поймать ее. Несколько часов я допрашивала всех вовлеченных, я устроила обыск Тауэра. Я долго сидела у влажного угла комнаты, слушала песни воды в поисках подсказок. Но все было тщетно. Мелисанда будто испарилась.

— Что теперь? — спросил Кноллис.

— Вернемся в Уайтхолл. Мне не нравилось признавать поражение, но пора было вернуться. До темноты оставался час, а Темза все еще была бурной и разлитой. Мне было страшно думать, какой сейчас Вестминстер.

Перед тем, как уйти, мы с Кноллисом обсудили, как лучше расставить людей. Некоторые стояли у камеры Мелисанды с утра, искали информацию о ней и ее последователях, их нужно было отпустить. Я отправила других в разные части города. Остальные пошли в Уайтхолл.

Путь был долгим. Король запретил переправляться по реке, так что мы поехали в карете. Я не любила кареты и в лучшие времена, и эта дорога казалась бесконечной, мы часто останавливались, потому что колеса застревали в грязи. Когда мы добрались до ворот дворца, у меня болела голова.

Стиснув зубы, я отдала указания Кноллису и выбралась из кареты, думая обо всем, что нужно было сделать. Решив проверить короля, я отправилась к парадному залу. Факелы горели в сумерках, но они дымились от дождя, камни во дворе были темными и скользкими. Страж появился в проеме с копьём, и я чуть не врезалась в него, скользя.

— Прощу прощения, Певчая, — он преградил мне путь, — но мне приказали никого не пропускать.

Я удивленно посмотрела на него.

— Почему?

— Приказ об эвакуации, миледи.

Ох, я забыла об этом.

— Где можно найти короля?

— Не знаю точно, миледи. Сегодня все перевернуто с ног на голову. Но распорядитель должен быть у банкетного дома со списками изменений, если пойдете туда, вам должны помочь.

Закрывшись капюшоном от яростного порыва дождя, я пошла к банкетному дому, но оказалась посреди разверзнувшегося хаоса. Толпы людей там молили указать направление. Когда я привлекла внимание стража и спросила про парадный зал. Он дал мне фонарь, но, видимо, не так понял, потому что за дверь, которую он указал, я нашла только свои вещи и вещи Норри.

В мерцающем свете я смотрела на комнату. Наши с Норри вещи лежали грудями вокруг кроватей. Стражам явно приказали переселить нас, но они не стали наводить порядок. Наверное, не было времени.

Я хотела закрыть дверь и приступить к поиску короля. Но что я могла сказать ему, кроме плохих новостей? Мелисанда сбежала, и я не знала, как найти источник нападений и остановить их.

Я знала, что Сивилла помогла бы мне, чем смогла, как и Габриэль, но разговоры с ними не приносили пользы. Мы не знали, что за магия была здесь замешана. Я знала лишь, что она была связана с водой и морем, и она была сильнее моей.

Если бы вода могла мне все рассказать! Но она бы не стала или не смогла бы это сделать. Казалось, стихия, которую я понимала лучше всего, стала мне врагом. Это было хуже тишины прошлого года, когда я с трудом слышала хоть что-то, и вода говорила со мной только через гадание.

Гадание.

Это я еще не пробовала. Я не делала этого, когда вернулись мои силы. Это умение не могло сравниться с пением и слушанием и давало скорее загадки, чем ответы.

Но даже загадка была лучше, чем ничего.

Я встала и начала рыться в горе вещей. Мне нужна была миска. Я могла наполнить ее из корыта снаружи. Может, стоило зажечь огонь.

На подготовку ушла вечность.

Наконец, я села перед огнем с водой в бело-голубой миске. В комнате стояла идеальная тишина, лишь потрескивал огонь. Идеальные условия, вот только мысли не успокаивались.

Очистить разум. Таким было первое правило гадания.

Но я вспоминала стену, которую создала вокруг Мелисанды... еще странное поведение в Тауэре... щупальца кракена... сильные руки Ната, спасающие меня...

Сосредоточься.

Я смотрела на воду. Слишком пристально. Я отмечала все детали украшения миски — темно-синие цветы, изгибы лоз по краю.

Магия была не в миске. А в воде. Я слышала ее там, водоворот игривых мелодий. Я строго сказала себе не слушать, а смотреть.

Я моргнула, расслабила взгляд и придвинула миску к огню. В этот раз свет упал правильно, я видела мерцающую поверхность. И вода стала внезапно рекой, бегущей меж моих рук, уносящей меня в море. И я слышала при этом песню, что пугала меня: *«Иди, Певчая. Иди в воду...»*.

Я хотела высвободиться, но была слишком глубоко. Вода и музыка не отпускали меня. Они обвили меня и тянули вниз, пока все не стало замытым, из бирюзового в темно-синий и черный. Но я опускалась все ниже, головой вперед, пока внизу не стало видно что-то на дне моря — каменную стену, шире и сильнее, чем та, которую я разрушила на землях лорда Карлтона. Стена уходила в тень. У одной части стены два больших зеленых змея кружились, преследуя друг друга, пока они не образовали идеальный круг, впившись в хвосты.

Я мчалась к ним, круг засиял неземным зеленым светом. И я видела, что это не круг, а дыра, дыра в широкой стене. И из этой дыры доносилась музыка. Я взмахнула руками, чтобы не упасть в нее. Но змеи хвостами поймали меня за лодыжки и потянули туда.

Иди ко мне...

Я не могла дышать, я тонула, и змеи не отпускали.

Борись.

Я отбивалась ногами изо всех сил. Что-то треснуло, змеи и песня пропали. Я увидела, что ноги передо мной, в воде, и осколки миски лежат у камина. Дорогая неприятность, миски из фаянса не были дешевыми, но я была рада осколкам. Я уже не была на краю той ужасающей дыры.

Это была не настоящая дыра. Но голова кружилась. И змеи тоже не были настоящими. Это были лишь символы. Так работало гадание.

Но что это означало? Я сидела у огня, пытаюсь понять, и все сильнее путалась. У Мелисанды был кулон со сцепленными змеями, дыра в стене могла быть трещиной, о которой она говорила. Но все редко было так просто в гадании. Это могло означать что-то совсем другое.

Может, Сивилла могла мне помочь. Хотя она не могла гадать, она познакомила меня с этой техникой, так что могла знать, как читать видения, или хотя бы подсказала бы варианты. Воодушевившись, я придвинула осколки к камину и поискала в куче сухие чулки.

Пять минут спустя я с фонарем в руке вышла за дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ: ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТ

Я не знала, где искать Сивиллу. У банкетного дома можно было спросить, но я не успела дойти туда, меня заметила служанка Сивиллы Джоан.

— Миледи! — она была морщинистой, но ее голос, как и тело, был сильным. Она прошла через толпу придворных ко мне, сжимая железный амулет. — Это точно вы, — обрадовалась она, когда я коснулась железа. — Королева спрашивала про вас. Во дворце рассказывают ужасы про кракена...

— Я в порядке. А как королева, вы и Норри?

— Королева? — она улыбнулась мне. — Она всем заправляет, в главном зале, — она плотнее укуталась в шарф. — Мне нужно бежать на кухни, но вам стоит увидеться с ними. Они переживали.

Она пропала в толпе, оставив меня с вопросами. Чем занимались Сивилла и Норри?

Только когда я добралась до главного зала, я все поняла. Просторный зал был оборудован как лазарет, койки стояли всюду, их окружали мужчины, женщины и дети. Многие были с простыми железными крестиками или сжимали амулеты, как Джоан, в руках.

— Мне нужен еще десяток одеял, — сказала Норри девушке, когда я приблизилась. —

Лучше даже больше.

— Я поищу, — она развернулась и поспешила прочь, и я с удивлением поняла, что это леди Клеменс. Они с Норри были с железными крестиками.

— Люси! — Норри просияла. — Я так рада тебя видеть, дитя.

— И я, — я протянула браслет, чтобы она убедилась, что это я. — Что здесь происходит?

— О, мы тут уже часами, как только началась эвакуация. Некоторым беднягам некуда идти, или они не могут идти далеко, и король открыл для них главный зал. И королева решила, что мы можем им помочь. Кто бы мог подумать, что она может организовать больницу? Но так вышло. И место работает как часы.

— Она здесь?

— Где-то здесь, думаю, — Норри посмотрела на людный зал. — Я не знаю, где она сейчас. Возможно, говорит с королем и управляющим, чтобы нам выдали больше припасов. Ей такое под силу. Она получила для нас эти крестики. Они были в часовне.

Она не успела ничего добавить, мужчина с впавшими щеками попросил помочь жене.

— Ей больно? — спросила Норри. — Посмотрим, что можно сделать, — она поманила меня за собой, шепча. — Скорее всего, бедняжка страдает от шока. Порой лучшее средство — доброе слово. Тем более, от Певчей.

Я шла без возражений. Хоть мне нужно было найти Сивиллу, это точно не заняло бы много времени, и жена мужчины была в беде. Она неподвижно лежала на койке, смотрела в потолок стеклянными глазами. Она была изможденной, как и он, и сначала не заметила меня.

Когда Норри представила меня, женщина боязливо посмотрела на меня и отпрянула.

— Ты вызываешь монстров.

— Вызываю? Нет. Я борюсь с ними...

— Магия зовет магию. Я это слышала. Вчера на Темзе, — она вытащила платок, а из него — железный крестик. — Оставь меня в покое!

Она держала крестик перед собой, но, когда я попыталась коснуться его, она отдернулась и завопила громче:

— Сгинь! — она подняла крестик, словно изгоняла меня.

Она не понимала, зачем мы носили железо?

— Не нужно меня бояться, — я показала браслет. — Видишь? И я с железом.

Она завопила и отодвинулась.

— Прочь!

Ее крики начали привлекать внимание, соседи пытались понять, что не так.

— Может, тебе стоит уйти, Люси, милая, — прошептала мне на ухо Норри. — Она не в себе, и это ее расстраивает.

— Но она...

— Не переживай, — Норри сжала мою руку. — Иди. У тебя есть дела важнее. Сказать королеве, что ты ее искала?

Я пошла по залу, казалось, что все следят за мной. Хотя некоторые улыбались или кланялись, другие пятились. Они тоже считали, что я в этом замешана?

Я пыталась убедить себя, что у них были свои тревоги. Все доверяли мне, ведь я освободила их от тенегримов. Та женщина просто была не в себе и заслуживала сочувствия.

Но, пока я шла по людному залу, я заметила не меньше десятка людей, тихо тянущихся к

крестикам и сжимающим их, пока я проходила.

† † †

Вне главного зала стало темнее, и я была этому рада. Я скрылась под капюшоном, не хотела, чтобы меня узнавали. Я уговаривала себя, что они просто не все знали. И были еще суеверия. Но мне все равно было плохо при мысли о тех крестиках.

Гадание. Об этом нужно было думать. И Сивилла. Мне все еще нужно было найти ее. Норри упоминала, что она может быть с королем и управляющим, но я не знала, где они встречались. В перемещенном парадном зале? Мне стоило спросить направления?

Пока я размышляла, стоя у лужи, я заметила знакомую фигуру с серебряной бородой у одного из факелов. Пенебригг. Может, он знал, где парадный зал. Обрадовавшись ему, я поспешила туда, но вблизи радость растаяла. Его бархатная шляпа пропала, черное одеяние застыло от грязи. Он выглядел так, словно стал на десять лет старше с нашей прошлой встречи.

Он вздрогнул, когда я позвала его.

— О, милая, я тебя не заметил.

Он с замиранием коснулся моего железного браслета. И тогда я заметила, что его очки, изящные, ставшие его неотъемлемой частью, с линзами, которые он подобрал сам, пропали.

Я коснулась его.

— Дорогой Пенебригг, что с вами случилось?

Он моргнул, словно прочищал зрение.

— Стена у старого дворца Брайдуэлл рухнула. Мой дом недалеко от нее, — его голос был разбитым, как и весь его облик. — Я задержался там, пытаясь найти книгу. Боюсь, я потерял почти всю свою библиотеку. И книги Ната с его бумагами. Он будет расстроен...

— Он будет рад, что вы живы, — твердо сказала я. — Как и я. Скажите, у вас есть место для сна?

Он моргнул, как сова.

— Не уверен, милая. Страж направил меня в главный зал, но я не захотел занимать кровать, там еще много нуждающихся. У Ната комнаты здесь, и я думал, что смогу остаться с ним. Я так порой делаю, у меня есть ключ. Но я плохо вижу без очков. Я вряд ли найду лестницу.

Я вспомнила, как Пенебригг помог мне в мои первые дни в Лондоне, когда я была близка к ужасной смерти. Я могла выделить время, чтобы помочь ему найти укрытие.

— Идемте, — сказала я.

Поиски Сивиллы подождут.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ: НАРУШИТЕЛЬ

Я не осознавала, что у Ната есть свои комнаты в Уайтхолле, но Пенебригг помнил, где они были расположены, и я смогла легко найти их. Глубоко внутри замка, без вида на реку. Значит, они все еще были доступны.

Мы шли туда, и я видела, как несколько человек шарахнулось от нас. Они избегали меня? У них были железные крестики?

Неведение и суеверия. Не принимай близко к сердцу. Но меня все равно это волновало.

Мы добрались до комнат Ната, Пенебригг возился с ключом, и я дала ему фонарь и

отперла дверь сама. Пеннебригг прошел туда, но я задержалась на пороге. Учитывая отношения с Натом, я не была уверена, что он хотел бы видеть меня здесь. Но, когда Пеннебригг оглянулся, и на его лицо упали тени в свете фонаря, я отбросила предосторожность.

— Я разведу огонь, — сказала я.

Полчаса спустя угли радостно горели, я устроила Пеннебригга в кресле рядом с ними. Я брала вещи Ната: стеганое покрывало с кровати, груши из корзинки, сидр и сыр из отполированного шкафа. Пеннебриггу стало заметно лучше.

А я? Я разрывалась между эмоциями. Казалось, я здесь нарушитель, Нат не приглашал меня, но при этом ощущалось правильным помогать человеку, что был важен для нас обоих.

Роль Ната означала, что он часто в дороге, так что было понятно, что его комнаты были аккуратными, но простыми, их редко использовали. Но я видела следы его присутствия: книги по астрономии, микроскопы, философия; трактат о картофеле, письмо, написанное его почерком. И когда я взяла одеяло, я уловила его запах, свежий, как во время объятий.

Пеннебригг доел груши с сыром и опустил тарелку на столик рядом.

— Вам нужно что-нибудь еще? — спросила я.

— Нет, нет, дорогуша, — он потер переносицу, где обычно были его очки. — Я уже много получил, спасибо. И у тебя есть много других дел, кроме ухода за стариком. Куда ты шла, когда мы пересеклись?

Переживая из-за всего, через что он прошел, я начала возражать, а потом поняла, что так его обижу. Без очков он выглядел хрупким, рассеянным, но его разум все еще был пронизательным, а дух — любопытным. И я рассказала ему не только то, что ищу Сивиллу, но и причину.

— Гадание? Удивительно, милая моя, — его щекам вернулось немного цвета. Магия всегда восхищала его. — Помню, ты упоминала, что делала нечто подобное раньше, но, боюсь, я мало об этом знаю. Что за картинки ты видела, если не секрет?

Я была не против поведать. Возможно, Пеннебригг мог бы их разгадать. Хотя у него не было знаний Сивиллы о магии Певчих, он был хорошим ученым, много читал, и его интерес к магии приводил к тому, что он читал редкие книги, некоторые из них уже не существовали, а сгорели при правлении Скаргрейва. Я села на скамейку у огня и тщательно описала то, что видела, надеясь, что он подскажет значение. Потому я рассказала ему и о Мелисанде, о ее украшении на шее и словах о стене и Матерях.

— И теперь ты видишь стену с дырой в ней, а на другой стороне зеленый свет, — Пеннебригг погладил бороду, он делал так, когда был встревожен. — Может... это стена между мирами?

— Что?

— Я тебе не рассказывал? Это было уже давно, когда мы впервые встретились, когда ты спросила меня, что я знал о Певчих. В старых историях так произошел твой вид. Я слышал несколько разных версий, но они сводятся к одному: это есть — или была — стена между миром фейри и нашим, и мы с ними использовали ее, чтобы переходить в другой мир и находить пару. В семьях, где женами были женщины-фейри, дочери были Певчими.

Если он и говорил такое, я забыла, пока пыталась понять больше об угрозе Скаргрейва и тенегримов.

Я медленно сказала:

— В старых историях? То есть, это только легенда?

— Да, легенда. Но это не значит, что в ней нет правды.

Крестная предупреждала меня, что историям Пенебригга о Певчих не стоит верить, она не упоминала никакую стену. Но мне было любопытно.

— И люди могут пересекать ее? Но больше так не делают?

— Так говорится в историях. Что-то запечатало ее ото всех, я не слышал, что, когда и как. Но, видимо, Мелисанда верит, что это была магия Певчей, хотя зачем Певчим отрезать себя от мира фейри, я не знаю. Помню, как-то я читал, что Певчие пересекали стену, чтобы обновить силы. Тот мир явно усиливал их, хотя они говорили, что нельзя снимать там камень, потому что ужасные вещи могли с ними случиться.

Я покачала головой. Я никогда не слышала такого от леди Илейн или кого-то еще.

— Такое я читал, — сказал Пенебригг. — Мое мнение: мы можем иметь дело с дырой в стене и какой-то ужасной магией с другой стороны. Свет был зеленым?

— Да.

— В старых историях зеленый — цвет фейри. И их можно отогнать железом.

— Но мы видели не их, — возразила я. — Это были морские змеи и кракен.

— Так они выглядели, — Пенебригг протянул ладони к голубовато-оранжевому огню. — Ты думаешь о фейри, как о маленьких крылатых существах, танцующих в лесу. Но они не такие. Они — мастера иллюзий. В старых историях говорится, что они могут быть всем, чем хотят.

Я подумала о том, как увидела двух королей. Может, Пенебригг в чем-то был прав.

— И это не все, — он выудил из рукава потрепанный лист бумаги. — Я поискал про ундин, и ты захочешь увидеть то, что я нашел. Это из старого нормандского манускрипта, но я перевел кусочек для тебя, — он придвинул бумагу ближе, моргнул, растерявшись без очков. — Я сейчас не могу толком читать. Может, ты можешь, дорогуша?

Я взяла листок и прочитала вслух:

— Широко известно, что эфемерные духи воздуха никогда не были очень сильными, а духи земли и огня ослабли из-за людей, которые завладели их стихиями. Но водные духи по природе сильны и самолюбивы, в их владениях океаны, что покрывают большую часть земного шара. Они принимают разные облики, и они — самые опасные элементали, которых сильно боятся даже Певчие.

— Элементалей, — сказал Пенебригг, — думаю, можно заметить словом «фейри». Их Мелисанда могла звать Матерями.

Я смотрела на потрепанный лист бумаги. Это было объяснение? Мы воевали с водными существами? И Мелисанда тогда была их агентом... или лидером?

— А две змеи? — спросила я. — Те, что видела я, и что была на шее Мелисанды. Как они с этим связаны?

— Ах, да, змеи, — Пенебригг погладил бороду. — Это может быть версия уробороса. Это очень древний символ, означающий бессмертие и вечное перерождение. Его знали греки и древние египтяне. Он есть и в алхимии.

Я удивленно посмотрела на него.

— В алхимии? Почему?

— Потому что бессмертие — одна из великих целей алхимии. Некоторые говорят, что уроборос олицетворяет связь разрушения и создания — частей работы алхимика.

Я села прямее, забыла о листе бумаги.

— Может, мы тогда должны переживать не из-за магии. А из-за алхимии, — я передала

ему свой разговор с Габриэлем.

— Интересно, — Пенебригг был заинтригован. — Зеленый свет может представлять первый этап трансмутации.

Я пыталась вспомнить то, что узнала об алхимии в прошлом году.

— Первый этап... он называется Зеленый лев, да?

— Да. И в алхимии лев поглощает солнце.

— Да? — терминология алхимии всегда была мне непонятна, но Пенебригг звучал уверенно. — И мы давно не видели солнце. Но как же железо?

— Здесь я не так уверен, — он снова погладил бороду. — Но железо важно в алхимии. Вместе с серой можно получить серную кислоту, разрушающий огонь. Возможно, разрушительная сила его может влиять на воду.

Он закрыл глаза, и я увидела, как он устал. Разговор утомил его.

— Спасибо, — сказала я. — Вы дали мне много того, о чем нужно подумать. Я оставлю вас, но, может, вам помочь устроиться спать?

— Нет, нет, — он отмахнулся, но зевнул при этом. — Кровать я оставлю мальчику.

— Он так занят, что может и не вернуться ночью. И он был бы не против, отдать кровать вам, — я потянула за одеяло. — Идемте, вы ляжете поудобнее.

Он устал, и мне было проще убедить его прямокой. Я подоткнула под него одеяло, а он уже спал.

Стараясь не шуметь, я закрыла дверь спальни и сделала слабее огонь в главной комнате. Я коснулась засова на двери и вспомнила о фонаре. Оглянувшись, я увидела, что Пенебригг оставил его на столе с бумагами.

Я забирала его, когда услышала сзади быстрые шаги. Мой пульс ускорился, ведь я знала их.

Дверь распахнулась, в комнату вошел Нат.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ:

БОРТ

Нат застыл, увидев меня. В тусклом свете казалось, что его лицо в синяках, но он подошел ближе, и я с облегчением поняла, что это только грязь.

— Люси?

— Это правда я, — убедила я его, показав браслет. Он коснулся железным кольцом, и я сглотнула. Что он мог подумать, обнаружив меня в своей комнате? — Я привела Пенебригга, — быстро сказала я. — Его дом затопило, и ему было негде спать, кроме твоих комнат. Надеюсь, я поступила верно...

— Конечно, — на его лице была тревога. — Он еще здесь?

— Да, уснул в твоей кровати. Но он переживает из-за потопа, Нат. Он не смог спасти твои книги и бумаги...

— Не важно. Главное, что он в порядке.

Он сказал так, как я и думала, и это согрело меня. Он не так сильно изменился, по крайней мере, в важных аспектах.

— А ты?

— Я пришел переодеться перед встречей с королем, — он опустил промокшие бумаги на стол и снял мокрый плащ. Повесив его на спинку стула у огня, он добавил. — Боюсь,

плохие новости не закончились. Вестминстер затоплен, от Пеннебригга ты слышала о Брайдуэлле. Причал святой Катарины тоже под водой, как и большая часть Саутуарка и Ламбета.

Новости были очень плохими.

— А кракен? — спросила я.

— Лучник Тауэра подстрелил его два часа назад, было много свидетелей. Но по пути сюда я видел сэра Кристофера Линнета, и он говорил, что заметил его, или похожего, полчаса назад у моста, — Нат стер ладонью грязь со щеки. — Меня больше беспокоит то, что прилив должен был закончиться два часа назад, но вода не отступает.

— Не отступает?

— Ни на дюйм. Сэр Барнаби следит за этим, в его измерениях я не сомневаюсь. Я сказал королю, что, если так продолжится, придется эвакуировать весь город, — он посмотрел на меня с надеждой. — Или, может, ты знаешь, как это остановить?

— Пока не знаю, — не нравилось разочаровывать его, но такой была жестокая правда. — Я нашла подсказки. Не знаю пока, что они значат, но я надеюсь, что Сивилла поможет мне. Я искала ее, когда встретила Пеннебригга.

— Хорошо, что он нашел тебя.

Наши взгляды пересеклись, в его глазах был свет, от которого я покраснела. Но мы не успели заговорить, что-то влетело в щель между дверью и рамой: дешевая брошюра.

Я была ближе к двери и подняла листок. Я потрясенно прочитала название.

«ЗЛАЯ ПЕВЧАЯ, или чудовищная Мелузина».

Нат попытался забрать ее у меня.

— Не читай это, Люси. Тебе не нужно это видеть.

— Нужно, — я отвернулась к свету. Под большими черными буквами заголовка была темноволосая женщина, танцующая в море, змей вилась вокруг нее. На фоне было три разбитых корабля и морской монстр, нападающий на Лондон.

Сердце сжималось, я читала строки. Согласно балладе, я была кудесницей, предающей страну. Как Мелузина до меня, я раскрыла свою истинную природу и объединилась со своим чудовищным видом, чтобы разрушить Англию.

Я закрыла глаза на миг, сохраняя спокойствие. Не получилось. Я прочитала строки еще раз. Это распространялось, как огонь по соломе. Уже половина Лондона, наверное, читала это или слышала в песне. Я подумала о людях в главном зале, сжимающих крестики.

— Люси, не делай такое лицо.

Я не поднимала голову.

— Ты знал об этом, да?

— Да, но...

— Это всюду?

— Не знаю. Я собрал все, что нашел, — он указал на мокрые бумаги, которые положил картинками на стол. Стопка была большой.

— Стоило рассказать мне, — сказала я.

— Я хотел сначала поговорить с тобой о другом.

Я покачала головой, едва слыша его. Я все еще смотрела на брошюру.

Нат закрыл страшное название ладонью.

— Люси, послушай меня. Прошу.

Он коснулся изгиба моей щеки, словно птицы, которую боялся спугнуть.

— Я сказал, что мы — незнакомцы, но я ошибался. Я бы никогда не испытывал таких чувств к незнакомцу. Я не позволю тебе столкнуться с этим одной. Я буду рядом, если позволишь.

Все расплывалось перед глазами. Я хотела сказать да, но как я могла? Мир был против меня, он будет и против него, если Нат встанет на мою сторону. Как я могла, любя его, так с ним поступить? Особенно, когда я отчасти боялась, что он делал так из жалости.

Прикусив губу, я отпрянула.

— Нат, ты не можешь быть с той, которую весь мир считает монстром.

— Это лишь одна брошюра, — мягко сказал он. — Это ужасно, знаю, но это не весь мир.

— Это не только брошюра, Нат, — бумага смялась в моих руках. — Люди кричат, когда видят меня. Поднимают крестики. Они ненавидят меня.

— Это из-за потопа, — сказал он. — Все не в себе.

— Это не только из-за потопа. Люди сплетничают за моей спиной, они делали так, даже когда все было хорошо. В лучшем случае, они говорят, что я — другая, но многие на этом не останавливаются. Я не человек, так они говорят. Я ведьма, гарпия, чудище. И если они увидят нас, они начнут говорить так и о тебе.

— Я это переживу, — уверенно сказал он.

— Легко говорить, когда они этого не делали, — он начал возражать, но я остановила его. — Ты так старался, чтобы получить это место. Я не позволю тебе лишиться этого, — я подумала о Сивилле и ее печали. Я не могла поступить так с Натом.

На его лице проступило упрямство.

— Я буду делать то, что хочу.

Но я тоже была упрямой, упрямой и уставшей, переживающей за то, как всех спасти. Я старалась не звучать резко.

— А я? Думаешь, я хочу жить с тем, кто отдал все за меня? Репутация — это меньшее. Нат. Подумай, что ты потеряешь. Если мы будем вместе, твоя жизнь не будет приятной, не будет нормальной. Я всегда буду путешествовать для короля, и...

— Он заставляет тебя путешествовать слишком много, — сказал Нат.

Эти споры и портили бы нам совместную жизнь.

— Мне нужно путешествовать, Нат. И мой спутник должен принимать это.

— Я могу многое принять, — сказал Нат. — Но это не отменяет факта, что король стал слишком зависеть от тебя, а это не хорошо. Твою магию лучше использовать реже.

Я сама о таком подумывала, и слова Ната не помогали. Я крепче сжала брошюру.

— Если ты хочешь нормальную жизнь...

— Не хочу, — янтарный свет лампы озарил его лицо, и я опешила, увидев его серьезность. — Я думал, что объяснил понятно, Люси. Я хочу тебя.

Он говорил это прямо и честно, и мое горло сжалось. Но это не меняло ситуацию.

— Может, ты сейчас так думаешь, — тихо сказала я. — Но рано или поздно ты захочешь выбрать кого-то еще, с кем проще жить, ради кого не нужно так много терять. Ты захочешь вернуть свою независимость. Ты захочешь жить. Так мой отец бросил мою маму.

— Я не уйду.

Я посмотрела на него.

— Ты уже бросал меня.

Он замолчал.

— Я не переживу этого снова, — рана все еще болела. — Это не сработает.

На его лице проступил гнев.

— Значит, это конец? Мне стоит искать кого-то еще?

Моя голова болела. Я словно раскачивалась на краю пропасти, все зависело от моих слов. Но я не могла вернуть сказанное, не могла изменить того, кем мы были, не могла изменить мир.

Никому не нужна была жена с магией.

— Да, — сказала я. — Тебе нужно найти другую.

Он отвернулся от меня и подошел к угасающему огню.

— Если ты так думаешь, то, может, мне стоит так поступить.

Больше нечего было сказать. Я, с трудом держась, схватила фонарь и ушла. Во дворе темное небо все еще плакало дождем. Я передвигала дрожащие ноги по затопленным камням.

Я спасла человека, которого любила, от жизни, которую он возненавидел бы. Я спасла нас от ошибки. Это было правильно.

Почему тогда мне казалось, что я потеряла все, что было важно?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ: ПОИСКИ КОРОЛЕВЫ

Я не давала себе останавливаться, иначе я заплакала бы. Вместо этого я пошла к главному залу, чтобы поговорить с Сивиллой о гадании. Если люди будут защищаться от меня крестиками, я просто смирюсь с этим. У меня была работа.

Но проблемы начались раньше, чем я вошла в главный зал. У дверей несколько фрейлин стояли и сплетничали. Когда они увидели меня, они расступились. Они сплетничали обо мне? Они видели брошюру?

Видимо, да. Они и до этого не были дружелюбными, но теперь были настроены враждебно. Я видела, как некоторые обхватили крестики. Впервые я задумалась, кто сунул брошюру под дверь Нату.

Я не собиралась спрашивать, у меня оставалась гордость. Но я не собиралась отступить, хоть они и преградили путь.

Я показала железный браслет, чтобы доказать добрую волю.

— Мне нужно поговорить с королевой. Вы знаете, где она?

Тишина. А потом сзади кто-то заговорил робко, но вежливо. Клеменс.

— Королева? Она в комнатке, где мы храним припасы.

— Спасибо, — я могла попасть туда без главного зала, без пересечения линии фрейлин.

Я уходила и слышала, как остальные ругают Клеменс. Но она оказалась лучше, чем я ожидала, у нее были доброта и независимость мысли, каких не было у других. Потому Ната тянуло к ней? Он теперь выберет ее?

Я знала, что должна была ощущать благодарность за помощь, но меня терзала боль.

† † †

Сивилла считала одеяла, когда я вошла. Я не сразу узнала ее. Она уже не была идеальным изображением королевского изящества. Она была в тяжелых сапогах и платье, испорченном дождем. Ее волосы были спутаны, ее шея и руки были обнажены, кроме железного кольца.

Ее глаза были теплыми, как всегда, и ожившими.

— Люси! — она не оставила работу, но поманила меня к себе. — Джоан говорила, что ты в порядке, но я рада видеть это своими глазами.

Она обняла меня и нахмурилась с тревогой.

— Ох, что такое?

— Ничего. Я в порядке.

— Нет, — возразила она. — Думаешь, я не вижу?

Не было смысла скрывать правду от Сивиллы.

— Я поссорилась с Натом.

— О, Люси! Из-за чего?

— Н-не важно, — я быстро перешла к цели своего визита, рассказала ей о Мелисанде, о гадании и о словах Пеннебригга.

— Стена между мирами, — медленно сказала она, когда я закончила. — Что-то я об этом слышала... и о двух змеях тоже.

— Ты это узнала?

— Ничего ценного, боюсь, рассказать не могу. Но я слышала, что Певчие были вовлечены в запечатывание какой-то стены, или они ее расширяли... Не знаю, что они делали, или когда, но мама как-то говорила, что Певчие удерживали за гранью Других.

— Других? Так она называла их? — спросила я. — Не Матери?

— Думаю, она говорила Другие, но я не уверена. Она говорила с кем-то, я подслушала разговор. Так что не все поняла.

— Она говорила еще что-нибудь об этой стене?

— Не помню, — медленно сказала Сивилла. — Хотя... может... она говорила, что запечатывание стены как-то связано с Мелузиной.

— С Мелузиной? — я была удивлена. — Ты уверена?

— Не очень, — призналась Сивилла. — И, конечно, мама могла это сочинить.

Мы словно ходили кругами. А потом я спросила:

— С кем говорила твоя мама?

Сивилла опустила голову, задумавшись.

— Знаешь, думаю, это было, когда домой приходила странная женщина с глазами цвета моря, чтобы исцелить меня.

Я заволновалась. Могла это быть Мелисанда?

— Помнишь что-нибудь еще?

Сивилла закрыла глаза.

— Воде... вроде женщина задавала вопросы. И она напомнила маме, что, если магия Певчей что-то сделала, только магия Певчей может это уничтожить, — она вздохнула и открыла глаза. — Боюсь, это все. Жаль, что я не могу вспомнить больше.

— Это уже много, — убедила я ее, хотя мне тоже было жаль. Если бы Мелисанда не сбежала! Я могла описать ее Сивилле, но она не узнала бы женщину, не увидев ее лично. И можно ли было доверять такому далекому воспоминанию?

Я посмотрела на Сивиллу, вернувшуюся к одеялам.

— У той женщины было ожерелье в виде двух змей? Как у Мелисанды?

— Я не видела. Она была укутана, — Сивилла сделала запись на листке и замерла. — Но змеи звучат знакомо, — она покачала головой. — Жаль. Не могу вспомнить.

— Может, вспомнится позже. Найдешь меня тогда?

— Конечно, как только вспомню. Или отправлю Норри. Она хочет остаться в главном зале со мной на ночь, — Сивилла потянулась и отложила список. — Она такая сильная, Люси! Честно, у нее сегодня сила десятерых.

Я вспомнила, какой уверенной была Норри, она была спокойной. Я с неохотой доверяла ей проблемы, боясь, что она слишком хрупкая, старая, но оказалось, что я недооценила ее.

Я недооценила и Сивиллу. В простой одежде, занятая работой, она источала уверенность, какой не было раньше. И я видела кое-что еще.

— Ты счастлива, — удивилась я.

Сивилла растерялась.

— Страшно такое говорить, когда столько людей страдает, но да. Так приятно сделать что-то настоящее, полезное. Никому в главном зале не нужен придворный этикет. Они просто хотят кровать, немного еды и доброе слово, и я могу это сделать, — она улыбнулась. — Это как моя старая жизнь с мамой. Я доставала припасы, разбиралась с проблемами и успокаивала работников на кухне...

Я была рада ее счастью, но это и тревожило.

— А король? Он знает, сколько ты делаешь?

— О, Люси, он так мной гордится, — она сияла. — Теперь он делится со мной отчетами. И мы говорили — правда — о происходящем в городе и о том, что нужно сделать.

— Это хорошо, — мой голос звучал странно, но я не знала, что сказать.

— О, знаю, тебя этим не удивить, — сказала Сивилла. — Генри постоянно просит у тебя совета. Но для меня это в новинку, и это чудесно. Он доверяет мне, — она тряхнула головой. — Я так старалась быть правильной королевой, не унижить его. Но, похоже, стоило с самого начала быть собой.

В дверь постучали. Сивилла быстро обняла меня.

— Мне нужно это отнести. Но ты можешь остаться, Люси.

— Спасибо, но мне нужно идти, — если я останусь, она снова заговорит о Нате, а я этого не вынесла бы.

За дверью оказалась Клеменс, она покраснела при виде меня. Сивилла не заметила. Она тепло приняла Клеменс, они начал обсуждать припасы, даже шутить про трудности дня.

— Спокойной ночи, — сказала я и ушла.

В темноте холодный дождь падал на мое пылающее лицо.

Что я наделала?

Я была так уверена, что поступаю правильно, отталкивая Ната. Я восприняла печаль Сивиллы как предупреждение. Но теперь ее ситуация изменилась...

Было ли поздно возвращаться к Нату? Сказать ему, что я могла ошибиться? Сказать, что я любила его и хотела бы все исправить?

Мои ноги решили за меня. Я повернулась к его комнатам, сначала шла, потом бежала все быстрее. В его окне горел свет. Я взбежала по лестнице и постучала в тяжелую дверь.

Никто не открыл ее.

Я постучала сильнее.

— Это Люси, — сообщила я в замочную скважину.

Нат не ответил.

Его могло там не быть. Или он мог спать.

Но был вариант страшнее, который я не могла упустить. Он мог знать, что я здесь, но не впускать меня.

Я постучала еще два раза, испугалась, что разбужу Пенебригга. Никто не вышел.

Я заставила себя отвернуться. Несмотря на отчаяние, я не могла стоять здесь всю ночь. Я была нужна в другом месте.

Дождь хлестал меня, я снова пересекала темный двор. Я не сдавалась. Мне нужно было подождать, но я все еще хотела поговорить с Натом, попросить о еще одном шансе все исправить. Но глубоко внутри я все равно боялась, что этот шанс мне уже давали, а я им не воспользовалась.

† † †

Уставшая и полная печали, я отправилась к комнатам стражи, чтобы увидеть капитана Кноллиса, надеясь, что у него есть догадки, где искать Мелисанду. К его и моему разочарованию, ему нечего было мне доложить.

— Мелисанду нигде не видели, — сказал он. — Как и ее служанку. Никто не подходил к тем комнатам, с тех пор как мы ушли. Кем бы те женщины ни были, они скрылись.

Новости были плохими, но я знала, что нужно сообщить королю. Я видела его много часов назад, он хотел знать о продвижении дела.

Я еще полчаса искала новый парадный зал, он временно был у арены для турниров. Когда я прибыла туда, все было в хаосе. Самые ценные вещи перенесли сюда, но брюссельские гобелены все еще были скручены, позолоченный трон короля забыли в углу, а картины Гольбейна, Рафаэля и Джентилески были прислонены к стенам. Ящики документов стояли всюду, толпы секретарей пытались навести порядок.

Король, изможденный, но осторожный, коснулся железа и увел меня в маленькую нишу, где было еще несколько ящиков, шесть турецких ковров и светлый письменный стол.

— Вашу пленницу... нашли?

— Боюсь, что нет, — сказала я. — Но мои люди все еще стараются выследить ее. И я, возможно, нашла для нас другую зацепку.

— Да? — он надеялся.

— Да. Я нарисую, — он протянул мне ручку и бумагу, я набросала соединенных змей. — Вы когда-нибудь видели подобное?

— Нет. Не видел, — его голубые глаза затуманились. — А должен был?

— Не обязательно, — я свернула рисунок и спрятала в рукав, стараясь звучать увереннее, чем себя ощущала. — Не переживайте. Я пойму, что это. Но, может, вы расскажете, что происходит в других местах? Я слышала, кракена видели снова.

— По меньшей мере, три раза, — сказал король. — Радует, что в других местах атаки прекратились. Насколько мы можем сказать, все сложности сейчас у Лондона.

Враг хотел уничтожить столицу страны? Или была другая причина? Я подумала, как морской змей реагировал на мою песню, как кракен появился там, где я пела, колдуя, как река звала меня.

Могла ли я быть мишенью?

Король не спешил верить.

— Если вы мишень, тогда почему все монстры не у Уайтхолла? А те русалки и нападения на Портсмут?

Лорд адмирал поспешил к нам, показывая железное кольцо.

— Ваше величество, можно?

— Конечно, — король жестом попросил его говорить.

Адмирал кашлянул, взглянул на меня и покачал головой.

— Наедине, Ваше величество.

— Хорошо, — король поманил нас за собой.

Адмирал остался на месте.

— Наедине, Ваше величество.

— Да, да, я найду место, — сказал король, не так его поняв.

Адмирал обошел меня и рывкнул на ухо короля:

— Я хочу поговорить с вами без нее.

Король застыл. Как и я. Как и половина секретарей в комнате. Адмирал, может, не хотел, чтобы все слышали, но так вышло.

— Вы хотите поговорить со мной без Певчей? — прояснил король.

Адмирал кивнул. Он не смотрел мне в глаза.

Король нахмурился.

— То, что вы хотите сказать мне, можно слышать и ей. Между нами нет секретов.

— Я так не уверен, Ваше величество, — прорычал адмирал. — Она позволила русалке сбежать, да? И теперь от нее ускользнула узница. О ней ходят странные слухи при дворе и в городе...

— Довольно, — прервал его король. — Я доверяю Певчей. Вы будете говорить при нас обоих.

Я ценила такую защиту, но адмирал упрямо молчал. Оглядевшись, я увидела, что не только он сомневался во мне. Некоторые секретари смотрели на меня с подозрением. Они не держали крестики, но на них повлияли сплетни обо мне.

Случай с адмиралом делу не помогал. Я присела в реверансе перед королем.

— Вы очень добры, Ваше величество, — сказала я, — но я прошу позволения уйти. У меня еще есть дела.

Я не была уверена, что король примет это, но он кивнул после паузы.

— Хорошо. Мы благодарны за то, что вы делаете, чтобы защитить нас, Певчая, — я пошла прочь, а он сказал вслед. — Будьте осторожны. Мы не сможем без вас.

Я кивнула, потому что этого он ожидал от меня. Но я знала, что против врага одной осторожности мне не хватит, как и чтобы доказать всем сомневающимся, что я на их стороне.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ПОТОК

Я собиралась снова погадать ночью, а потом найти Габриэля, поговорить с капитаном Кноллисом и поискать Ната. Но, как только я открыла дверь в свою темную захлавленную комнату, меня охватили усталость и горе. День был тяжелым, и хуже всего было с Натом.

Можно ли было как-то все исправить? Я хотела верить в лучшее, но не была уверена. Не все слова можно было зачеркнуть. Не все залечить. Может, этот случай был из таких.

Я закрыла за собой дверь, ощущая себя несчастной.

Мне нужно было отдохнуть. Я позволила себе лечь на матрас. Всего на минуту, а потом я разожгу костер и найду миску для гадания.

В следующий миг меня трясла Норри, касаясь моего железного браслета.

— Люси, нужно вставать, — ее голос был полон тревоги. — Вода прибывает.

Я моргнула. В комнате еще было темно, но небо снаружи было темно-серым, не

черным. Я села, пытаюсь прогнать сон.

— Река разливается?

— Началось после полуночи, — сказала Норри. — Сначала медленно, но теперь все быстрее. Поднялась уже на два фута, останавливаться не собирается. А это Канун Дня всех святых. Плохой знак.

— Который час?

— Почти шесть. Поступил приказ. Мы все покидаем Уайтхолл.

Теперь я проснулась.

— Они не смогут удержать дворец?

— Не смогут. Как и все у реки, — серьезно сказала Норри. — Уайтхолл уже почти стал островом, становится все хуже. Нам нужно перебраться выше.

А я спала все это время. Я спешно пригладила волосы и поправила платье.

— Нат нас организовывает, — сказала Норри. — Это как двигать гору, но он делает это.

Я скривилась. Даже слышать имя Ната было больно.

К счастью, Норри не увидела. Она отвернулась, схватила корзинку и начала наполнять ее одеждой, свечами и другими необходимыми вещами.

— Я пришла забрать немного вещей, — сказала она мне. — Они хотят переместить людей в Мэрилебон, нас с королевой просят уходить с ними. Мы должны отправляться сейчас. Я не знала, что ты здесь. Я думала, ты уже ушла. Кто-то говорил, что ты уже ушла с королем и сэром Барнаби.

— Нет. Я видела короля поздно ночью, но у меня были дела здесь, — и я ничего не сделала, ни гадания, ни встречи с Габриэлем, капитаном Кноллисом и Натом.

Я посмотрела на Норри и поймала ее взгляд.

— Дитя, ты в порядке? Мне остаться с тобой?

— Нет. Нет, я в порядке. Просто беспокоюсь из-за потопа. И за тебя. Ты будешь в порядке в Мэрилебоне?

— Конечно. Но я буду рада, если ты пойдешь с нами, но это решать тебе, — она опустила полную корзинку у камина, а потом склонилась к листку бумаги. — Что это?

На один ужасный миг я подумала, что это брошюра. Но листок был слишком мал для этого. Я подошла к ней и увидела, что это был мой рисунок двух змей. Видимо, выпал из моего рукава, пока я спала.

— Просто рисунок, — сказала я Норри. А потом решила все-таки спросить. — Ты его узнаешь?

— Еще бы, — Норри уже отвернулась к корзинке. — Это змеи из дома Оделин.

— Дома леди Илейн? — я ощутила восторг и испуг. Дом Оделин перешел ко мне, как и все имущество крестной, Норри давно пыталась уговорить меня побывать там. Она решила, что я захочу жить там. Но, по ее же словам, дом был в плохом состоянии, так что вряд ли я бы осталась там. Я была занята делами в Лондоне, так что так и не повидала его. — Ты видела их там такими, в круге?

— Да, — Норри взяла другую корзинку. — И ты бы тоже их увидела, если бы побывала там со мной. Они там всюду, в странных местах. Я увидела их там давно, еще когда твоя крестная жила там, — она улыбнулась, вспоминая. — Мне говорили слуги, что за некоторыми — потайные двери, но они могли просто шутить надо мной. Думаю, это просто украшение, вроде семейного герба, или это старый символ Певчей. Не очень приятный символ, да? Но запоминается.

Потайные двери? Я схватила плащ.

— Мне нужно туда, Норри, немедленно.

Норри развернулась с корзиной в руке.

— В дом Оделин? Люси, не выйдет. Он слишком близко к реке. Он или уже затоплен, или скоро будет.

— Я все равно пойду, — я безумно наполняла свою сумку: свечи, трутница, клубок бечевки... все, что могло пригодиться в исследовании заброшенного затопленного дома. — Те змеи могут быть ключом ко всему.

— Не вижу, как, — сказала Норри.

— Я тоже. Но я видела их, Норри. Я гадала и увидела их, так что они важны. Если я пойму, почему, то смогу остановить потоп и спасти нас всех.

Норри все еще была встревожена, но перестала возражать. Она знала, что гадание спасло мне жизнь до этого, хоть это и казалось странным, но видения нельзя было игнорировать.

— Тогда тебе нужны ключи, — она отцепила их с цепочки на поясе — два железных, темных и тяжелых ключа. Но она не отдала их, а сжала в руке. — Прошу, не ходи одна, Люси. Там опасно. Поговори с Натом. Если он не может, то найдет того, кто сможет пойти с тобой.

Я не могла пойти к Нату после того, что наговорила ночью. Я хотела увидеть его наедине, чтобы забрать свои ужасные слова. Я не могла идти к нему, когда он был занят делами, окруженный людьми, и просить его об услуге. Но Норри была права. Идти с кем-то будет лучше.

— Я кого-нибудь найду, обещаю.

Она отдала мне ключи.

— И будь осторожна, дитя.

— Конечно, — я обняла ее и побежала к двери, обернулась на пороге. Если Норри смогла помочь с этой загадкой, то, может, знала другие ответы. — Норри, леди Илейн или моя мама говорили тебе о стене... между мирами?

— Нет, — Норри медленно покачала головой. — Нет, не говорили. Но помни, дитя, они не делились со мной секретами Певчих.

Верно. Я послала ей поцелуй и поспешила в путь.

† † †

Как только я вышла наружу, я поняла, что все изменилось. Дождя больше не было, но небо нависало, зловеще серое, и даже во внутреннем дворе я ощущала запах магии, смешанный с запахом самой Темзы. Веселые мелодии реки теперь с трудом заглушали глубокие и опасные песни. Некоторые я узнавала как песни реки или моря, я слышала их от потоков, из глубин, где хранились секреты. Но были и новые песни, странные мелодии, которые я не понимала.

Сложностью было то, что я не слышала их четко. Дворец шумел, слишком много звуков мешало. Трубы созывали людей. Кричали стражи. Люди вопили в панике, тащили с собой сумки и корзины.

Я шла мимо них к комнатам стражи, чтобы найти того, кто пойдет со мной в дом Оделин. Но там было пусто. Я смогла лишь оставить записку Кноллису и своим людям, чтобы они знали, где я, но я не была уверена, что они ее получают. Им тоже сказали, что я уже покинула дворец с королем? Они отправились туда за мной? Или помогали с эвакуацией? Я

не знала, у меня не было времени узнавать. Если я хотела сдержать обещание Норри, мне лучше было идти к Габриэлю, надеясь, что он еще не ушел.

Как и у Ната, комнаты Габриэля были не с речной стороны, и хаос прошлого дня его не затронул. Дверь его комнаты была открыта. Габриэль протягивал две книги встревоженному слуге.

— Милорд, времени мало, — молил слуга.

— Все равно, Квитл. Мы не можем оставить эти книги. Тебе нужно... — Габриэль замолчал, увидев меня. — Певчая, я думал, вы уже ушли.

— Нет, — как и Квитл, я переживала о времени, потому без объяснений коснулась своим железным браслетом его руки. — Мне нужно в дом Оделин. Вы пойдете со мной?

— Сейчас?

— Да.

Он не мешкал.

— Конечно, — он повернулся к Квитлу, а тот запихивал ценные книги в переполненную сумку. — Так они поместились? Отлично. Заберите сумки в Корнхилл, встретимся там позже.

— Корнхилл? — повторила я.

— Да, весь Совет отправляется туда, — сказал Габриэль. — Вы не слышали? Король собирает нас там в королевском доме.

— Боюсь, я послание не получила.

— Наверное, не только вы. Сегодня здесь творится хаос.

Я кивнула. Корнхилл был логичным местом. Это была высшая точка в стенах Лондона, район любили ювелиры и банкиры.

— Не важно. Я заберу вас туда после визита в дом Оделин, — Габриэль накинул плащ и поторопил меня к двери. — Идемте, по пути, надеюсь, вы объясните мне, что вам срочно понадобилось в том месте?

Я объяснила коротко и тихо. Хотя нас вряд ли услышали бы. В этой части дворца уже было пусто, несколько человек на лестницах и в галереях спешили уйти, так что не слушали.

— Понимаю, зачем вам туда, — сказал Габриэль, когда я закончила. — Но если это не выйдет, вам нужно обратиться к алхимии. Я рад, что вы пришли ко мне.

Габриэль знал короткий путь к конюшням, где временная пристройка соединяла Уайтхолл с возвышением у Чаринг-кросс. Небольшая толпа здесь не обратила на нас внимания, но, как только мы пересекли его, Габриэль отвел меня в сторону.

— Теперь вам лучше надеть капюшон и опустить голову.

Я растерянно посмотрела на него.

— Зачем?

— Вы не слышали? Брошюры по всему Лондону винят вас в этом. Люди не знают, молиться вам или сжечь вас.

— Сжечь меня?

— Да, были такие страшные разговоры. Не все, конечно, говорят, но я бы не советовал привлекать внимания, — он взглянул на меня. — У вас есть шарф под плащом, да? Может, стоит скрыть им хоть часть лица.

Я безмолвно послушалась.

— Так лучше, — сообщил он. — Нам не нужна толпа, кричащая на вас.

Я все равно была напряжена, когда мы присоединились к толпе на Чаринг-кросс и

отправились на север. Я выдохнула свободнее, когда мы покинули толпу и отправились на восток по лабиринту улиц, что вел в дом Оделин.

Эти улицы были очень близко к реке, большая их часть была пустой. Но, когда мы завернули за угол, я услышала треск дерева и звон бьющегося стекла, люди кричали и пели.

— Грабители, — Габриэль оттащил меня. — Пойдем в другую сторону.

Мы дважды меняли маршрут, но вскоре добрались до дома Оделин.

Хотя я никогда не была внутри дома, Норри много раз рассказывала о нем, и я его сразу узнала: величественное здание из дерева с орнаментом, такое большое, что занимало конец улицы. На первый взгляд дом выглядел очень большим, с резными балками и окнами с балконами, что выпирали впереди. Только вблизи было видно трещины и обвалившуюся штукатурку, заколоченные окна.

Дом стоял на краю потопа. Вода плескалась на грязной улице перед ним. Возможно, подвалы уже затопили. Но ситуация была лучше, чем я подозревала.

Я прошла вперед и сунула ключи в старые большие замки. Они выглядели прочно, мы с Габриэлем толкнули тяжелую дверь, и она все-таки открылась. Мы прошли в темную прихожую, нас окружил влажный затхлый запах.

За нами я слышала крики, доносившиеся неподалеку. Я слышала что-то еще. Что-то ближе. Что-то, что я отчаянно не хотела слышать.

Река звала меня к себе.

Я закрыла дверь, и дом Оделин поглотил нас.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ: ДОМ ОДЕЛИН

Дом сначала казался очень темным, но свет проступил в щели двери впереди. Я нашла засов, и мы прошли в то, что когда-то было самой большой комнатой в доме.

Когда-то. Моя крестная жила здесь десять лет назад, но казалось, что это было сто лет назад. Она бы узнала его? Пришла бы? Куски досок с потолка покрывали пол, стены, что не обгорели, были в трещинах и пятнах.

Дом был пустым еще до того, как Скаргрейв схватил мою крестную и отобрал ее дом. Он искал всюду магию и секреты Певчих. И когда он закончил, он сжег содержимое.

Люди не знают, молиться вам или сжечь вас.

Многое сжигали в то время. Книги. Здания. Даже Певчих порой, и тех, кто был связан с ними. Судя по тому, что я видела на стенах и полу, в этой комнате был костер.

Но можно было представить, как тут было, когда здесь жила крестная. Здесь было два окна, свет падал из дыр в ставнях. Стены и потолок были украшены. Можно было угадать, как было раньше: резные круги пересекались.

Я присмотрелась и увидела, что больше половины кругов было из змей.

Норри была права. Они были всюду.

Габриэль посмотрел на меня.

— Что нам теперь делать?

— Я не уверена, — призналась я. — Нужно исследовать змей. Норри сказала, что за некоторыми были потайные двери.

Мы шли от панели к панели, нажимали, толкали, касались змей. Ничего не происходило. Мы стучали, но не было слышно пустоту.

Я подняла голову к потолку.

— Там их десятки.

Габриэль заглянул в следующую комнату.

— Здесь их еще больше.

Он не преувеличивал. Стены были полны змей.

Я была потрясена.

— И любая из них может подойти.

— Ваша магия ничего не говорит?

Я покачала головой. Стены дома Оделин закрывали меня от реки, и я дала себе послушать магию, но я ничего не слышала. Может, Скаргрейв все уничтожил.

— А если мы обойдем дом? — предложил Габриэль. — Может, что-то привлечет внимание.

Звучало логично. Но, когда мы закончили рассматривать первый этаж, мы насчитали около трех сотен змеиных кругов.

— И это далеко не все, — сказал Габриэль, взясь с замком двери в дальней части дома. — Уверены, что магия его не запирает?

Утром в воздухе было столько магии, что было сложно понять, но я не ощущала запах.

— Нет. Дело в самом замке или ржавчине. Не будем тратить время. Еще нужно посмотреть наверху.

Габриэль ткнул замок одним из ключей, найденных по пути. Когда он не поддался, Габриэль пошел за мной по лестнице.

Комнаты наверху были темнее. Мы прошли к очередную, полную змей, комнату, где несколько поврежденных окон пропускало свет, и я начала жалеть, что прибежала в дом Оделин.

— Им нет конца, — сказала я Габриэлю. — А эти следы пожара... Скаргрейв мог сжечь нужный нам круг.

— Продолжим, — сказал Габриэль. — Нужный может быть за углом, — он приоткрыл дверь в темнейшую часть комнаты. — Или нет.

Его голос звучал странно. Я поспешила к нему.

— Что не так? Что вы увидели?

— Ничего. Комната слишком темная, — он открыл дверь, показывая тьму. — В комнате нет окон. А если есть, они заколочены.

Казалось, тьма была там не из-за ставен. Там была неподвижность, которую я нигде не ощущала, настороженность. Казалось, тьма ждала нас.

Часть меня хотела захлопнуть дверь. А если правильная змея где-то там?

Если бы я только могла призвать достаточно света, как меня учила крестная. Но, как и вся Проверенная магия, эта песня была мне недоступна, а я еще не нашла способ управлять огнем без Дикой магии. В доме Оделин, который когда-то горел, было лучше использовать обычные способы освещения, даже если это было дольше.

— У меня есть трутница, — сказала я, роюсь в сумке. — И свечи.

— Давайте, — сказал Габриэль. — Никто не высекает огонь быстрее меня. Даже вы, Певчая.

Я давно раскрыла, что разжигание огня из трутницы было не так интересно, как песней, и я была рада, что он решил заняться этим. Но к моей трутнице он явно не привык, потому что потратил много времени. Пока он возился с огнивом, я разглядывала змей на

почерневших стенах.

— Когда вы в последний раз использовали трутницу? — спросил он.

— Прошлой весной, наверное. Или еще дальше, — я редко разжигала огонь, путешествуя со своими людьми.

— Вам нужно обновить ее. Искры гаснут. Нам нужно что-то другое, — он встал с трутницей в руке. — У двери внизу есть солома, у той, что не открылась. Это подойдет. И я как раз там еще раз посмотрю на замок.

— Мне пойти с вами?

— Не стоит, если вы не хотите.

— Тогда я останусь здесь проверять эту стену змей.

— Хорошо. Я скоро вернусь.

Он ушел, и я снова заглянула в темную комнату. За тусклыми тенями у двери была такая густая тьма, словно я смотрела в пустоту. Холодок пробежал по мне. Там была не только тьма.

Я попыталась закрыть дверь, но при этом услышала из глубины комнаты музыку, нежную золотую песню, что звучала знакомо. Песню пела та, кого я не ожидала услышать.

Моя мама.

Голос не был живым, конечно. Тенегримы превратили мою маму в пепел. Но Певчая могла порой оставить после себя песню, чаропесню, что слышала только другая Певчая. Моя мама сделала так в письме, которое она написала мне перед смертью. Там был не только ее совет, но и сам голос, постоянно повторяющийся в чаропесне защиты. Я долго слушала это письмо каждый день. И теперь этот голос пел мне.

Я тут же пересекла порог и бросилась во тьму. Я ничего не видела и запаниковала. Но услышала песню снова, в этот раз громче. Вытянув руки, я шла в трепещущей тьме комнаты, спотыкалась о доски и даже раз упала на колени.

И тут мои пальцы коснулись камня. Под ним была пустота, горький запах дыма. Камин, холодный, как смерть, и пение доносилось изнутри.

Я пригнулась и полезла за песней в камин. Пепел сыпался под моими пальцами, запах сажи душил меня. Я провела ладонями по железу, ощутила знакомый изгиб, кольцо змей. Я коснулась пальцами их голов, золотая музыка стала громче, дверца открылась.

Там была дыра, пахло магией. Внутри я нащупала твердую обложку книги.

Я вытащила ее и попятилась в комнату, что до этого было едва освещенной, но после тьмы казалась ясной, как день. Я выглянула в щель в ставнях и убедилась, что вода не поднялась слишком высоко. Времени было мало, зато теперь я видела свой трофей: книгу серого цвета, испачканную сажей, шириной с мою ладонь. Песня лилась от ее страниц, сладкая и свежая, словно моя мама только что ее спела.

Книга была в пепле, но я все равно обнимала ее. У меня осталось так мало от мамы. Она умерла, когда мне было всего восемь, но она еще и спела песню, что стерла почти все мои воспоминания о ней. Она защитила меня этим, уберегла от Скаргрейва, но я все равно ощущала потерю.

Если бы я знала, что здесь скрыта книга, я бы давно пришла в дом Оделин. Может, стоило догадаться, что тут может быть что-то, принадлежащее ей. Леди Илейн была опекуницей моей мамы. Но, как и все, я слышала, что в доме не осталось ничего, что Скаргрейв забрал все.

Столько времени эта книга ждала, чтобы я забрала ее.

Наслаждаясь музыкой мамы, я вытерла пальцы о плащ и открыла на первой странице. В письме чернила мамы так выцвели, что были нечитаемыми, но эта книга была пустой. Только повернув ее правильно, я увидела мерцание.

Эти чары были сильнее, чем в письме. Но я ожидала, что это работает похоже.

Я закрыла глаза и погрузилась в музыку. Я знала, что нужно быть осторожной, потому что это значило открыться и всей музыке, включая странные песни реки. Смогу ли я защититься от них?

Похоже, могла. В окнах здесь не было дыр, музыка реки была приглушена. Я осторожно подхватила ноты песни мамы. Я пела в ответ книге, и буквы проступали, темнели на страницах, пока я не узнала, что держала в руках.

Дневник моей мамы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ: ЕЕ СЛОВА

Некоторые дневники просто перечисляли активность днем. В некоторых была только погода. Но не в этом. Судя по датам, мама вела его, когда была моего возраста, она изливала душу в словах. Я листала страницы и ощущала ее эмоции.

Ее расстраивало строгое обучение леди Илейн:

Я сойду с ума, если эта женщина заставит меня оттачивать гаммы.

Она относится ко мне как к дурочке. Еще раз, говорит она. Еще раз. Еще раз.

Она была рада, открыв Дикую магию:

Камни не нужны. Мне надоело следовать правилам, и я сняла свой прошлой ночью, чтобы посмотреть, что будет. И я тут же услышала чудесную музыку, мелодии были всюду, яркие, как звезды ночью. О, как они красивы! Я спела одну, и на ладони появилась роса. А леди И. все заставляет меня петь гаммы. Что она скажет, если узнает?..

Этой ночью я еще пробовала Дикую магию. Ею сложно управлять. Приходится слушать очень осторожно, и все равно она может пойти не так. Но в ней больше силы, чем у Проверенной магии, которой меня учит леди И.

Не думаю, что огонь меня любит. Но вода... о, вода — мой друг. И с каждым днем я убеждаюсь в этом все больше.

И когда леди Илейн попыталась остановить ее, мама была в ярости:

Она узнала сегодня. Я ждала, пока не убедилась, что она уснула, а потом сняла камень, но в этот раз она проснулась, учуяла мою Дикую магию и набросилась на меня как старая драконша. Я еще не видела ее такой злой! Она кричала на меня, схватила камень и чуть не задушила меня, когда надела мне на шею. Я должна не снимать камень, так она сказала. Иначе Дикая магия убьет меня. По ее словам, у всего в мире есть песня, некоторые из них Певчим исполнять опасно. Но я не верю ей. Это все просто уловка, чтобы я делала, как она хочет. А я не брошу Дикую магию. Ни за что.

Я закрыла глаза на миг, потрясенная. Когда я открыла дневник, я ожидала увидеть нежную маму, которую я смутно помнила: мудрую, терпеливую, осторожную. Но девушка, писавшая этот дневник, была другой. Она была упрямой и импульсивной. Она была уязвимой. Она словно говорила со мной.

Мне тоже не нравилась строгость леди Илейн. Я тоже не могла устоять перед зовом Дикой магии. И я тоже дружила с водой.

Мамы не было уже десять лет, но я все еще находила новые способы страдать без нее.

Я открыла глаза, желая увидеть ее хоть раз. Но у меня хотя бы был ее дневник, открытый на моих коленях, и ее слова звучали в тихой комнате.

Я знала, что время шло, и нам пора было отправляться в безопасность на возвышении. Но было сложно закрыть дневник, слова мамы звали меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не сдержалась и прочитала еще несколько страниц.

...она знает, что я не слушаюсь, но пока не поймала меня. Когда она спрашивает, я все отрицаю.

Она говорит, что камень треснет, если я продолжу исполнять Дикую магию, и я не смогу петь Проверенную магию. Будто это меня пугает! Хорошо, что тетя Роза написала и попросила приехать к ней. Мне нужно уехать отсюда.

Тетя Роза. Я не слышала это имя пару лет, но я знала, кто она. Ее настоящим именем было Агнес Розер, и она была не тетей, а старшей кузиной мамы. Я встречала ее, когда была маленькой, пухлую женщину с мягкими руками и доброй улыбкой, она хлопала меня по голове и угощала пряниками. Добрая женщина. Позже я узнала, что она хранила некоторые необычные секреты Певчих.

Она рассказала маме то, что могло бы пригодиться мне сейчас? Я стала читать внимательнее.

Леди И. рассказала ей о Дикой магии, и даже тетя Роза хочет, чтобы я прекратила. Но она не кричала, как леди И., она усадила меня и сказала, что ей нужно рассказать мне о том, что забыло большинство Певчих, о чем не знала даже леди И. А потом тетя Роза сказала, что Певчие носили камни, чтобы защититься от музыки Других.

Я никогда не слышала о Других раньше, но тетя Роза сказала, что это были наши предки, наши древние Матери. Некоторые называли их фейри, феями или элементальями. И те, кто был связан с водой, как мы, опаснее всего.

Пенебригг был прав. Другие, Матери, фейри, элементали. Это были названия одного. И опаснее всего были водные духи.

С каким врагом мы столкнулись? В поисках ответа я вчиталась в дневник.

Я спросила, почему Другие хотят навредить нам. Мы же их потомки, их родня. Тетя Роза не знает. Она смогла рассказать только, что давным-давно Другие решили, что связь их вида с людьми была ошибкой. Они решили уничтожить нас. Они были достаточно сильными, чтобы исказить песни Дикой магии и заманивать ими Певчих к гибели.

Но Певчие боролись.

Сначала они перестали исполнять Дикую магию. А потом создали камни, чтобы закрываться от нее. Тетя Роза сказала, что сама Мелузина, великая Певчая, что выросла в мире Других, придумала, как делать камни. Она изобрела Проверенную магию. (Значит, она виновата в тех безопасных песнях, которые я так ненавижу).

Но даже камней и Проверенной магии не хватило, чтобы сдержать Других. Они находили новые способы напасть. И Певчим пришлось усилить стену между нами.

Стена. Мое сердце забилося чаще.

Тетя Роза говорит, что между мирами всегда была стена, но она истончалась от времени. Если знать это и выждать, можно было пройти сквозь нее. Но Певчие сделали стену такой сильной, что Другие больше не могли проходить через нее. Даже Певчие не могли. Мы были запечатаны друг от друга.

Когда тетя Роза рассказала мне это, я был рада. Я думала, что это означало, что Дикая магия теперь безопасна. Но тетя Роза нахмурилась, когда я так сказала.

«Нет, нет, — сказала она. — Наоборот. Это четко определено. Стену не могут сломать Другие, обычные люди или Проверенная магия. Но ее может сломать Дикая магия. Не знаю, какая магия должна быть, но я знаю, что Певчие боялись, что это случится нечаянно. И они решили, что мы должны избегать Дикую магию. Так что перестань, Вивиан. Не ради себя, но ради всех. Если ты сломаешь эту стену, то ничто не помешает Другим восстать против нас...»

Я перестала читать. С колотящимся сердцем я перечитала последние предложения.

Тетя Роза была права? Певчая могла разрушить стену между мирами случайно?

Тогда мы воевали с Другими. И разбить стену, впустить их, могла именно я.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:

КЛЮЧИ

Я пыталась найти ответы в дневнике. Могла ли я разбить стену, не зная об этом?

На этом описание мамы с тетей Розой заканчивалось. Может, что-то помешало ей дописать? Я быстро проверила следующие страницы. Мама, похоже, не знала, можно ли верить словам тети Розы о стене, но она на какое-то время прекратила исполнять Дикую магию...

Снизу раздался крик? Я перестала читать. Да, а теперь быстрые шаги...

Я закрыла дневник. Я встала, вбежал Габриэль, тяжело дыша, его темные глаза были полны тревоги. Едва замерев, чтобы коснуться моей ладони кольцом, он поманил меня вперед.

— Нам лучше уходить, Певчая. Снаружи беда. Толпа. Они, похоже, услышали ваше пение.

Как громко я пела? Я даже не заметила. Глупая ошибка.

— Где они?

— Стучат в окна сзади, пытаются разбить. Они боятся входить спереди, потому что с той стороны река. Нам лучше уходить туда. Это лучший шанс.

Даже отсюда я ощущала запах магии реки. Было ли мудро бежать туда?

— Мы не можем остаться здесь?

Габриэль покачал головой.

— Тогда мы будем в ловушке. Вода быстро поднимается. Нам стоит уйти.

— Минутку, — я спрятала дневник в свою сумку.

— Что это? — спросил он.

— Дневник моей матери.

Его глаза озарил интерес, и я пожалела, что сказала это. Я не была готова делиться дневником. Но он сказал лишь:

— Идемте. Нам нужно выбраться отсюда, — он побежал к двери.

Он был прав. С сумкой за спиной я бежала по ступенькам за ним, боясь того, что может нас ожидать. Но все было тихо, когда мы пошли по главной комнате со следами костра и обломками.

— Я их не слышу, — сказала я. — Может, они ушли.

— Вы не слышите их, потому что у дома стены в три фута толщиной. Они с другой

стороны, далеко. Вы их услышите, если пройдете там, — Габриэль мрачно добавил. — Я бы не советовал.

— Точно, — согласилась я.

Мы добрались до темной двери, он пропустил меня первой.

— Не знаю, как работает этот замок.

— Как обычный, наверное, — Габриэль обычно рвался посмотреть механизмы, и я была удивлена его поведением. Может, он еще был подавлен неудачей с тем упрямым замком.

Я нащупала дверь и древний механизм. Замок сопротивлялся, но все же открылся. Я толкнула дверь.

Габриэль пробежал мимо меня к ступенькам, но я застыла на пороге. Нижние ступеньки затопило. И всю улицу. Всюду была вода, яростная песня оглушала меня.

— Сюда нельзя, — сказала я.

— Конечно, можно, — настаивал он. — Просто немного воды, это безопасный путь. Смотрите! — он прошел сияющими туфлями по грязной воде и протянул руку. — Идемте!

Я медленно последовала. Что-то здесь было не так, и не только с водой. Я не успела понять, а руки уже действовали по своей воле.

Он хотел, чтобы я вошла в воду. Он не коснулся замка. И кольцо на его руке, как было видно при свете, не было железным.

Я бросила в него ключи от дома Оделин. Железо ударило его, и он замерцал, светлые волосы потемнели, челюсть изменила форму, лицо стало размытым. Я смотрела в потрясении на глаза цвета моря и женские губы.

— Мелисанда!

Я произнесла имя, и змеиный язык мелькнул у нее во рту. Руки, словно когти, потянулись ко мне.

Я отскочила, но она преследовала, язык все мелькал. На моих испуганных глазах ее облик изменился снова, и передо мной в воде оказался сияющий морской змей.

Я поспешила к двери и поскользнулась на ступеньке. Ноги вылетели из-под меня, пасть монстра широко раскрылась. Я ощущала жаркий запах его магии и защитилась единственным доступным способом. Я бросила в него сумку.

Сумка летела по воздуху, а существо снова изменилось, стало почти прозрачным. Когда сумка попала по цели, я слышала хруст, как от разбитого стекла.

Он умер? Я старалась не касаться воды и склонилась.

Я не успела увидеть, волна окружила змея со злым шипением, вода на улице бушевала. Она хотела напасть на меня? Я отскочила к двери, которая еще была распахнута, и, вбежав внутрь, закрыла ее.

Когда я посмотрела в окно, я увидела, что вода успокоилась. Казалось, ее стало немного меньше. Но стеклянный змей пропал.

Кое-что еще пропало, и я застыла. Я бросила в змея сумку, в которой был дневник моей матери.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ: ОТЛИВ

Столкновение со змеем было ужасным, но потеря дневника была хуже. Я отошла от окна, ругая себя. Как можно было выбросить то, что так много означало для меня?

Я посмотрела лишь треть из того, что написала мама. Если там были еще секреты — а я в этом не сомневалась — я уже никогда их не узнаю. Ее голос затих навеки.

Я, все еще потрясенная, услышала, как где-то близко бьется стекло. Сзади? Люди кричали, половицы под ногами содрогнулись.

Я развернулась. Толпа! Это оказалось правдой.

Я не могла сбежать из парадного входа, там была вода. Мне оставалось защищаться магией. С колотящимся сердцем я думала, где лучше встать. Здесь, где они найдут меня за минуты? Или наверху, где было больше времени подготовиться, но можно было оказаться в ловушке?

Я не успела решить, люди снова закричали. В этот раз я слышала их четче, и самые громкие глаза звучали знакомо. Я подбежала к окнам в дальнем конце доме. В этих окнах мир снаружи казался серо-зеленым, искривленным, но если там и была толпа, она уже ушла. Вместо этого я увидела капитана Кноллиса и своих людей, колотящих по задней двери железными копьями.

— Я в порядке, — прокричала я в трещину в окне. — Я иду к вам.

Я побежала по дому к ним, но застыла на половине пути. Моя трутница лежала на полу передо мной. За ней дверь, что упрямо не поддавалась, была открыта, за ней была маленькая комната, пахнувшая рекой. Лестница вела в подвал, у ее вершины лежал Габриэль, его волосы были в крови.

Выглядело так, словно его притащили сюда умирать, но я осторожно подошла к нему, боясь обмана. Я заметила его железное кольцо, коснулась его ладони браслетом и перестала беспокоиться.

Когда Кноллис и остальные вошли в дом, я прижимала платок к голове Габриэля.

— Он сильно ранен, — сказала я им. — Если не остановить кровотечение, он умрет.

Коснувшись железа, они перевязали рану Габриэля. Я помогала им и рассказывала Кноллису о поддельном лорде Габриэле, во что он превратился, и как пропал в воде.

Была ли это Мелисанда? Или это была уловка Других? Я пожалела снова, что потеряла дневник мамы. Может, там были ответы.

— Жаль, что существо ушло, — согласился Кноллис, мужчины уносили Габриэля на самодельных носилках. — Но король будет рад, что вы в порядке, миледи. Мы встревожились, узнав, что вы ушли в дом Оделин. Были отчеты о беспорядках в этом районе.

— Я рада, что вы пришли, — даже с магией было бы сложно уйти с Габриэлем.

— Король просил, чтобы вы прибыли в Корнхилл, — сказал Кноллис, мы добрались до перекрестка, — а потом...

Он замолчал, подбежал Баррингтон, восхищенно крича:

— Певчая, капитан! Смотрите! — он поманил нас вперед, указывая на улицу. Она напоминала берег при отливе, была в водорослях и обломках досок, земля и камни были скользкими и мокрыми.

— Потрясающе, — Кноллис был впечатлен, как и Баррингтон. — Река затопила половину улицы, когда мы пришли раньше, но теперь она отступила.

— Проверьте другие улицы, — сказала я Баррингтону.

Мужчины, несущие Габриэля, уже ушли вперед, но остальные разбежались проверять происходящее. Вскоре прибыл отчет: река значительно отступила.

Кноллис повернулся ко мне, его глаза сияли над обветренными щеками.

— Думаю, у вас получилось, Певчая. Вы победили. Вы одолели врага.

Я подумала о треске, которой слышала, когда моя сумка попала по стеклянной змее.

— Не уверена, что я убила существо, — сказала я. — Оно пропало, как и остальные.

— Но вы все равно победили, — Кноллис указал на улицу. — Вот доказательство. Река уходит.

† † †

Может, капитану Кноллису этого хватало, но мне этого было мало. Я шла по улице с Кноллисом, пока мы не нашли край потопа. Река все еще не вернулась к обычной ширине, но я видела, как вода утекает.

— Так она к ночи снова будет в своих берегах, — решил Кноллис. — Я никогда не видел, чтобы вода так быстро отступала. Магия работает по своим правилам.

Я была удивлена скоростью тоже, но, может, Кноллис был прав. У магии были свои правила. Хотя я долго прислушивалась, я не заметила и следа ярости, что бушевала раньше. Река звучала нормально, но немного подавленно, словно стыдилась за причиненные проблемы.

— Нужно сообщить королю, — сказал Кноллис.

— Да, — сказала я.

Мы были быстрыми, но хорошая новость разнеслась быстрее. Когда мы добрались на вершину Корнхилла, люди уже радовались мне. Патрули в Лондоне, видимо, сообщили, что река уходит. Наши разведчики прибыли раньше, чтобы рассказать королю и Совету, что случилось, история о моем столкновении со змеем разошлась, как огонь.

Когда мы вошли во временное убежище короля, часть ряда зданий, отведенных короне, меня поприветствовала толпа радостных лиц. Веснушчатое лицо короля сияло, он обхватил мою руку и поднял в воздух.

— Дамы и господа, поприветствуем Певчую!

Все хлопали. Даже лорд адмирал. Если кто и воздержался, я не заметила. Когда шум утих, кто-то запел, и толпа подхватила припев — старую песню, отмечавшую мое бесстрашие в защите королевства. Люди затанцевали.

Король отвел меня в маленькую комнату, что была оформлена как его кабинет. Я спросила, как Габриэль.

— Он начал приходить в себя, прибыв сюда, — сказал король. — Его положили наверху, королевский лекарь говорит, что он будет здоров через пару недель.

Это радовало.

— Хорошо.

По просьбе короля я описала все, что случилось в доме Оделин, что я видела на реке и в городе.

— Нам нужно осторожно снимать распоряжение об эвакуации, — закончила я. — Даже если река продолжит так отступать, она нанесла ужасный ущерб. Некоторые улицы непригодны для жизни, туда опасно даже ходить.

— Будет время расправиться с этим, — сказал король. — В три часа будет собрание Совета, и мы все обсудим. А пока что я должен найти Сивиллу. Я не видел ее весь день, уверен, у нее есть идеи, что делать.

— Я с вами, — сказала я.

Он улыбнулся, напоминая не короля, а юного мужа, любящего свою жену.

— Честно говоря, Певчая, я хотел бы увидеть ее один. Оставайтесь и празднуйте.

Если я хотела праздновать, то время было подходящим. Когда я вернулась в толпу, я увидела, что часть дома заняла вечеринка. Открывали бочки с пивом, музыка и танцы стали веселее.

Среди шума и радости я ощущала себя пустой. Победа была не такой приятной без Ната. Странно, но его даже не было здесь. Погодите... Это был Нат в углу в толпе фрейлин?

Я заставила себя отвернуться. Я не могла идти к нему при всех придворных дамах. Позже, если я смогу найти его, я поговорю с ним.

А пока я пыталась скрыть свои чувства. У меня был в этом опыт, так что это должно было оказаться простым заданием. Но люди окружали меня, благодарили, а я думала о Нате. А если он не захочет меня слушать? А если я уже разрушила мосты?

Я добралась до края толпы и поспешила покинуть праздник.

† † †

Я хотела покинуть этот временный двор, но не могла уйти, не проверив Габриэля. Он не только был другом, но еще и пострадал, помогая мне. Я должна была убедиться, что ему будет лучше. Если ему уже лучше, это стало бы хорошей новостью. И если он сможет говорить, может, он опишет нападавшего.

Несколько минут спустя, с помощью королевского пажа, я нашла комнату Габриэля — временный лазарет в дальней части дома. Квитл ухаживал за ним. Слуга был встревожен, но я была рада видеть, что Габриэль уже сидел. У него было белое лицо, он был в бинтах, но в остальном он был чуть потрепанной версией привычного себя.

— Похоже, нас жестоко обманули, Певчая.

— Особенно, вас, — сказала я.

Он поднял руку к затылку, но замер, не коснувшись огромной шишки там.

— Это было жутко, должен сказать. Не ожидал увидеть, как моя копия нападет на меня с камнем в руке.

— Значит, вы видели того, кто выглядел как вы?

— Да, — бледное лицо Габриэля стало белее от воспоминания. — Я даже толком не увидел. Я сидел на полу, пытался зажечь солому, когда услышал, как запертая дверь открылась. Существо шагнуло ко мне сзади, я успел оглянуться, и оно ударило меня. Это нечестный бой.

— Да. Мне очень жаль. Когда я просила вас пойти со мной, я не знала, что это произойдет.

— Я рад, что вы не пострадали, — сказал Габриэль, обхватив мою ладонь. — Квитл, оставишь нас? Я должен сказать кое-что Певчей наедине.

Свет в глазах Габриэля беспокоил меня. Я попыталась убрать руку.

— Вам не стоит уходить, Квитл. Уверена, вы хотите следить за своим пациентом.

Но Квитл послушался хозяина. Он уже ушел.

Габриэль крепче сжал мою руку.

— Мне сказали, что я почти умер, Певчая. Когда я спустился, знаете, о чем я думал? О вас.

Я не могла смотреть на него.

— Габриэль, прошу.

Он не слушал меня.

— Когда я делал предложение в прошлый раз, вы сказали, что вам нужен хороший друг, и я старался быть им. Я был терпелив, я был верен, я был для вас таким, каким был нужен.

Но мое мнение не изменилось. Прошу, скажите, есть ли у меня шанс.

Я перестала вырываться. Избежать этого не вышло бы, нужно было справляться. Вопрос был честным, и он заслуживал честного ответа.

— Габриэль, — мягко сказала я. — Простите, но нет.

Он застыл. В другие разы, когда я отказывалась, он проявлял невозмутимость, даже радовался. Он был так расстроен из-за случая в доме?

— Я был уверен, что теперь у меня был шанс, — прошептал Габриэль.

— Простите, — повторила я и убрала руку. Он не сопротивлялся, он был рассеян. Может, мне стоило поискать Квитла. Я направилась к двери.

— Вы знаете, что Уолбрук выбрал другую? — сказал Габриэль. — Я думал, это что-то изменит.

Моя рука застыла на двери.

— Что?

— Он это почти скрывал, — продолжил Габриэль. — Но я услышал утром от отца леди Клеменс, графа Тунбриджа. Они сейчас составляют брачные контракты.

Так Нат сделал выбор. Он времени не терял.

Я дернула дверь, желая уйти.

Меня преследовал голос Габриэля.

— Не уходите, Певчая! Уолбрук не понимает, но я-то понимаю. Вы знаете, что я восхищен вами и вашей магией. И я могу предложить больше него — известное имя, большое поместье...

— Я не могу, — прошептала я.

Дрожа, я закрыла дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ: ТИХАЯ ЯРОСТЬ

Я бежала по лестнице, желая быть вдали от всего и ото всех. Я добралась до комнатки, полной ящиков, скрылась в ней и попыталась взять себя в руки.

Нат и Клеменс...

Это правда? Это было спешным решением, конечно. Но я знала, почему это произошло. Я сама произнесла глупые слова. Но, если Нат принял решение так быстро, видимо, его сердце мне и не принадлежало.

Может, все было не так, как верил Габриэль. На составление брачных контрактов часто уходили месяца. Может, Габриэль не так понял графа Тунбриджа. Я не знала графа лично, но его называли оптимистом, желающим попасть во внутренний круг короля. Может, он просто хотел предложить брак Клеменс и Ната, но еще не добился этого.

Какой бы ни была правда, мне нужно было смириться с ней. Я покинула убежище и пошла к главной лестнице.

На ее середине я увидела Ната. Он стоял у окна на площадке, улыбался Клеменс, а она смеялась и сжимала его руку.

Так это правда.

Боль пронзила меня. Я не могла двигаться. Как она могла завладеть им так быстро? Как он мог забыть меня так быстро?

Клеменс шепнула что-то Нату. Они склонились друг к другу, головы почти

соприкасались. Меня охватила ярость. Она окутала меня, как красное пламя, гнев на него, на нее, на себя, желание вредить всем, чтобы больно было не только мне.

Но ярость была не только во мне. Она была и снаружи. В приоткрытое окно я слышала тихий зов реки, заставляющий волны бушевать.

Нат поднял голову и увидел меня.

— Люси?

Я не ответила. Не могла. Я уже бежала к реке. А если Другие вернулись?

† † †

На улице было много людей, многие радовались, как и придворные внутри. Но я обходила их, слышала тревожные голоса вдали.

— Лучше так, зато целые, — сказала женщина в изъеденной молью шали соседке. — Но что-то не так.

Ребенок потянул за юбку женщины.

— Куда она ушла, мам? Я хочу знать. Вся эта вода. Куда она ушла?

— Мы молимся, чтобы она опустилась, но не так, — сказал мужчина в простой коричневой одежде.

Я хотела спросить, о чем они говорили, но это могло задержать меня, а то и привести к беде. Позади, казалось, было слышно голос Ната. Но я не обернулась. Я натянула капюшон и побежала через толпу к реке.

Толпа вскоре рассеялась, и дальше я не видела ни души, спеша к Темзе. Теперь я ожидала четко услышать реку. Но я не слышала ее вовсе.

Дома здесь пострадали от потопа, улицы были в иле и обломках моря. Я шла мимо них, стараясь не задевать. На стенах было видно, куда доходила вода. Разбитые окна показывали комнаты, полные грязи и луж неприятно пахнувшей воды.

Когда я добралась до Темзы, вид потрясал еще сильнее. Напротив меня были размыты части Саутуарка. Серая земля зияла там, где раньше процветали прочные дома, и оставшиеся здания были погружены в землю до окон.

Ужасно выглядел и величественный мост на востоке. Пятьсот лет он пересекал Темзу, пережил огонь, потоп и мятеж. Но больше нет. Центральная арка была смыта, как и все магазины и дома, что были на ней. Несколько арок пострадали. Сколько они еще простоят?

Лондон был кошмарным. Но сцена выглядела еще нереальнее из-за реки. Люди в Корнхилле были правы. Порой река была ниже, но не так. Темза пропала, осталась попасть из грязи и ручеек желтой воды в центре. Слово кто-то вытащил затычку, и река утекла.

Конечно, люди убегали в ужасе.

Конечно, я ничего не слышала.

Нет, чудо, что я слышала яростное эхо в Корнхилле. Я уловила его, потому что была в ярости и открылась его влиянию? Возможно. Или мелодия исходила не от реки. Может, она играла в моем воображении.

Но что-то здесь было не так. И я хотела узнать, что именно.

Подхватив мокрые юбки и плащ, я спрыгнула со ступеней на дно реки. Мои сапоги, уже покрытые илом, погрузились в него по лодыжку.

Я бы спела воде в грязи и попросила удержать меня, но я опасалась использовать Дикую магию у Темзы, особенно, когда она себя так странно вела.

Я притихла и шагнула к остаткам реки.

Добравшись туда, я присела у воды и прислушалась. В ухо ударил порыв чистой ярости.

Я быстро выпрямилась, а потом склонилась, чтобы уловить что-нибудь еще. В этот раз я услышала не только ярость, но и предвкушение.

Что-то приближалось. Но что? Я боялась представлять.

Сапоги быстро тонули. Я вытащила одну ногу из грязи, шагнула назад, вода заполнила дыру, превратив ее в пруд. Я смотрела туда, а вода потемнела, и на ужасный миг мне показалось, что под ней извиваются змеи. Я пошатнулась и потеряла равновесие. Я рухнула, разрушив картинку и пруд.

Я была на четвереньках, голова почти оказалась на ручейке, оставшемся от Темзы. И я услышала волну, что была в океане, но набирала скорость.

Огромная волна.

Ее хватило бы, чтобы утопить город.

И она направлялась сюда.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ: СТЕНА ВОДЫ

Был ли способ остановить волну? Я прислушивалась ко всему в себе, но не знала. Я даже не знала, сколько осталось времени до удара. Я знала лишь, что ярость и предвкушение были из-за этого, и вода шла за нами.

Я должна была предупредить город.

Уже отчасти покрытая грязью, я запачкалась сильнее, пока вставала. Я пошатнулась и увидела женщину, стоящую на дне реки вдали.

Служанка Мелисанды.

За ней было видно саму Мелисанду. Подняв к реке раскрытые ладони, она начала, подвивая, петь. Она вызывала волну или просто радовалась ей? В любом случае я должна была ее остановить.

Но как? Дикая магия бывала опасной, а у мен ничего не было.

Я обрадовалась, когда мужчины появились недалеко от Мелисанды. Не мои люди, но хотя бы в цветах короля. Я помахала им и закричала:

— Хватайте тех женщин!

Мелисанда и ее служанка тут же побежали. Мужчины не побежали за ними, а смотрели на меня с вершины лестницы. Они меня не слышали?

— Хватайте их! — крикнула я.

Лидер патруля сложил ладони у рта и завопил:

— Кто бы вы ни были! Уходите со дна реки!

— Я Певчая, — крикнула я в ответ, двигаясь по грязи. — Не дайте тем женщинам сбежать!

Но я видела, что уже слишком поздно. Мелисанда и ее служанка уже убегали в переулок.

Но я хотя бы остановила ее пение. Я прислушалась и поняла, что этого мало. Я все еще слышала волну.

Я могла лишь предупредить людей короля.

— Назад! — закричала я. — Опасно!

Хор смятения:

— Блайми, это Певчая.

— Может, это иллюзия.

— Что она говорит?

Я закричала громче:

— Все назад! Идет волна!

Еще больше смятения, но в этот раз они начали отступать. Лидер кричал что-то о Нате Уолбруке. А потом они ушли.

Я прошла еще ярд к берегу и потеряла сапог. Я пыталась забрать его и услышала, как кричат мое имя. Я подняла голову. Нат бежал по ступенькам ко мне.

Я помахала ему грязными руками.

— Назад!

Он спрыгнул с последней ступеньки в грязь.

— Что?

— Назад! — кричала я. — Идет волна, и ее хватит, чтобы накрыть Лондон. Предупреди всех!

Я слышала журчание позади. Ручеек воды бурлил, расширялся. Бросив сапог, я побежала. Через миг так сделал и Нат. Грязь задерживала наши шаги, а я не знала, сколько времени осталось. Музыка реки становилась все громче с каждой секундой. Когда мы добрались до края, она оглушала.

Нат прыгнул и втащил себя на ступеньки, потянулся ко мне. Я вскрикнула, когда его железное кольцо стукнулось о мой браслет, наши ладони встретились, кожа к коже.

Он поднимал меня, я увидела оставшиеся части моста и нечто, похожее на туманное облако за ними. Только это было не облако. Это был белый гребень волны.

— Беги! — закричала я Нату.

Мы помчались по ступенькам, но волна приближалась слишком быстро. Я видела ее уже четче, вода двигалась, буравя, по речному дну. Земля дрожала и гудела, как гром.

Может, Дикая магия делала хуже. Но только так я могла защитить город, защитить нас.

Я повернулась к волне и пыталась развернуть разрушительную силу назад. Вода меня не слушала, и я в отчаянии обратилась к ветру, звала его прогнать волну в море. Ужасная игра, ведь я могла по ошибке песней вызвать ураган. Но я должна была попробовать.

Песня разливалась, и сильные ветра летели со всех сторон, пели в моих ушах, трепали волосы и капюшон. Они раскидывали все со своего пути. Обломки от потолка взлетали в воздух. Мне пришлось схватиться за сломанную балку, чтобы не упасть, так сделал и Нат.

Я пела, и в ответ изменялось небо. Ветра обрушились на огромную волну, окружили ее и толкали. Волна вдруг запела неуверенно. Она зависла над Лондонским мостом, от нее отлетали брызги.

Моя песня работала! Теперь отправить воду в море.

Я вдохнула и услышала странные причитания. В этот миг я потеряла контроль. Яростная музыка в волне обрела новую силу. Я продолжила петь, но теперь сила ветра не могла сравниться с волной. Я могла лишь молить их защищать город от грядущего удара.

Беспощадная волна стала еще выше. Серо-зеленая стена делала даже семиэтажные дома у моста казаться крохотными. Волна росла, и я видела ужасные силуэты, корчащиеся в ней — кольца змей, серые щупальца кракена...

Ревя от ярости, волна обрушилась. Она разбила мост и дома на кусочки. Как голодный морской монстр, волна поглощала город... и нас.

Я схватилась за Ната. Он не так хорошо плавал, как я, но я не могла позволить ему

утонуть. Я боролась, удерживая наши головы над водой. Но вода вливалась в мой рот, удушая меня.

Дыши. Пой.

Я вынырнула, отплеываясь, и запела единственную песню, которая пришла ко мне, которую я не знала. Песня, видимо, была где-то глубоко во мне, но ее значение я понимала.

Спаси нас.

Одна фраза, и вода сомкнулась снова. Я вскинула руку, пытаюсь дотянуться до воздуха. Рядом со мной боролся Нат. Но это было бесполезно. Вода затягивала нас все глубже, словно камни.

Я приготовилась. Грудь горела. В любой миг мы могли удариться о дно реки.

Но мы лишь погружались глубже, вода вокруг была такой черной, словно мы падали в колодец. Неземная музыка била по ушам. Грудь перестала гореть. Через миг я поняла, что перестала дышать. Я уже утонула, не поняв этого?

Возможно. Но тут что-то появилось внизу. Я увидела тусклый зеленый свет, оттуда раздавалась песня ярости.

Если я боялась до этого, это нельзя было сравнить со страхом сейчас. Я боролась, но увидела вспышку чешуи в воде вокруг меня. Ладонь Ната крепко сжала мою, а потом хватка ослабла. Я видела в тусклом свете, что его обвил змей. Он пытался убить его? Я не знала. Я могла лишь не отпускать Ната, пока существо тащило его вниз. Вскоре что-то чешуйчатое обвило мои ноги, сковав их.

Это было будто гадание, но теперь я попала не одна. И я не могла проснуться и забрать нас. Существо тащило нас к кругу зеленого света, что становился все больше. Вскоре его лучи озарили все — сияющие чешуйки, змеиные языки, голову Ната, что безвольно покачивалась.

Я закричала, но не было ни звука. Я слышала только неземное пение, дикое и яростное, пульсирующее в моих ушах.

Мы были перед кругом. Свет слепил глаза. А потом мы миновали его и коснулись дна.

Меня отпустили. Я пыталась бороться, но ноги били по песку. Через минуту мои глаза стали видеть, и я не заметила змей. Я была в огромной тусклой пещере, Нат лежал рядом со мной, серо-зеленый и неподвижный. Железное кольцо пропало с его руки, не было и моего браслета.

Я склонилась над ним и поняла, что двигаюсь в чем-то, что было плотнее воздуха. Вода? Возможно. Но я не могла плыть в ней. Какой-то эфир?

Я могла этим дышать. И Нат, как я с радостью заметила, тоже дышал, хоть и неглубоко.

— Нат?

Он не ответил. Может, это было из-за неземного пения. Оно уже не оглушало, но от него дрожал эфир. Даже мой камень, скрытый под промокшим плащом и платьем, дрожал в такт пению.

Я попыталась снова, мои губы почти коснулись его уха:

— Нат?

Ничего. Стараясь не плакать, я поцеловала его висок и коснулась шеи. Пульс был слабым, но ровным. Надежда оставалась. Я привыкла к эфиру и поняла, что все не так плохо выглядит. Все здесь, даже моя рука, казалось зеленоватым, так что это могла быть игра света.

Но где? И почему никто не приходит? Они старались забрать нас сюда, и я ожидала

борьбу с врагами.

Я не знала, как собиралась бороться с ними, кроме использования голых рук. Я слышала, но не улавливала привычную Дикую магию. Было лишь пение: низкое и жестокое, властное, даже мое сердце билось в его ритме.

Я встала. Песню кто-то исполнял. Может, лучше отправляться на поиски, чем дать себя схватить.

В пещере было несколько проходов, самый большой был передо мной. Быстро оглянувшись на Ната, я пошла туда, и песня становилась громче. Она была как физическая сила, как прилив океана или буря.

Я выглянула из пещеры и увидела центр бури — темноволосую женщину, неподвижную, как статую, стоящую на высоком камне в центре просторной пещеры. Она исполняла песню, что топила мир. Выражение ее лица было отдаленным, ужасающим.

Но хуже было другое. Во всех деталях ее лицо было копией моего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ: УЖАСНАЯ ЛОЖЬ

Сердце билось все быстрее. Я словно видела свое отражение в неподвижном море. У нас были одинаковые широкие лбы, узкие подбородки и большие глаза.

Я моргнула. Нет. Лицо певицы было уже. Чуть старше. И волосы были прямее моих.

Я выдохнула. Эта неземная певица, разрушающая все, что было мне дорого, не была моей копией. Но могла она быть... моей матерью?

Мысли запутались.

Мама мертва.

Так мне говорили. Мы все в это верили. Но, может, мы ошибались. Может, она выжила. Может, она все это время была за стеной.

Я ощутила безумную надежду. Не переставая думать, я побежала к ней и закричала поверх песни.

— Мама! Мама, хватит!

Я бросилась к ней... чтобы обнять? Я не знала, но это было не важно. Я добралась до камня, где она стояла, мои руки отдернулись, их обожгло, и я отлетела на песок.

— Мама, это я. Люси.

Она не опустила взгляд. Она пела ужасную песню, ее лицо оставалось далеким, как небо.

Я смотрела на нее в отчаянии. Может, это не была моя мама. Может, это была жуткая иллюзия. Внешность была верной, но голос — нет, он был злым и заглушающим все, это не было похоже на мою нежную маму. Но...

Изменение в вибрации песни предупредило меня о чужом присутствии. Я развернулась и побелела.

За мной была огромная сияющая масса, наполовину угорь, наполовину медуза. Десятки таких поменьше были за ней. В центре яркой толпы я увидела Ната, его глаза были закрыты, руки и ноги держали существа.

— Нат! — я бросилась к нему.

Крупное существо взмахнуло щупальцем, напевая тихую странную мелодию, похожую на песню мамы. Мое сердце дрогнуло, я упала на землю. На миг я пылала, как тогда, когда

попыталась подойти к маме.

Я вдохнула и встала на ноги. Бежать на помощь Нату не получилось. Мне нужна была песня, чтобы помочь себе, помочь Нату. Но я слышала лишь песню мамы.

Нет. Было что-то еще, едва заметное за песней мамы, скорее какофония, чем музыка. Но я не слышала привычную Дикую магию, а без нее я не могла колдовать.

Несколько существ приблизилось ко мне, напевая. Боясь еще атак, я попятилась. Они преследовали меня, загоняя к стене. Я не могла избежать их, лишь шагнуть в нишу. Они отпрянули, и я обрадовалась. Ниша оказалась маленькой пещерой, и они не преследовали за мной. А потом решетка из костей появилась передо мной, и я поняла, что попала в ловушку.

Я схватилась за прутья, они были прочными, твердыми. И они обжигали. С болью в руках я закричала:

— Выпустите меня!

— Нет, пока ты не заплатишь, — сказал яростный голос.

Я подняла голову. Самое большое существо говорило, оно же ударило меня щупальцем. И оно превращалось в человека. Почти в человека.

Оно было за решеткой, тело все еще было круглым и полупрозрачным, но с женской головой в центре. Оно было красивым, но лицо окружали не волосы, а скользкие щупальца. Как угри в поисках еды, они извивались в эфире, сияли, как голубой огонь в тусклом свете.

С таким существом говорить было невозможно, но я должна была спросить.

— Эта певица — моя мама?

— И да, и нет, — род медузы не двигался, но существо говорило. — Она была твоей матерью. Теперь она мой голос.

— Ваш голос? — повторила я в потрясении. — А кто вы?

В этот раз существо не говорило, но слова проникали в мою голову: Королева. Мать. Императрица. Другая. Прессина.

Прессина? Имя было странно знакомым, но я не знала, почему. А потом поняла.

— Вы — мать Мелузины?

— Да, — слово было наполнено горем, а потом острым, как нож, гневом. — Вы забрали ее у меня. Забрали, наказав меня. И я накажу вас.

— Нет, — сказала я. — Я не...

— Да! — ярость была заметной, такую я слышала в песне мамы. — Она пыталась отомстить за меня моему мужу. А вы, Певчие, наказали ее за это.

Я покачала головой. Не такую историю я слышала.

— Нет, — сказала я. — Вы меня не обманете. Вы наказали ее. Вы дали ей облик змеи потому что она восстала против отца.

Я пригнулась, Прессина взвыла.

— Ужасная ложь! — от ее головы отлетали сине-зеленые искры. — Только человек мог так сказать и поверить этому. Мы не наказываем дочерей за то, что они защищают нас. И облик змеи для нас не проблема.

Последнее я видела. И я боялась того, что она сделает со мной или Натом, если я снова разозлю ее. Я отпрянула в пещеру и мягко сказала:

— Тогда что было на самом деле?

Прессина ответила охотно, словно радовалась шансу рассказать историю.

— Правда? Мелузина всегда умела становиться змеей. Это было в ее крови, как у всех моих дочерей. И ее отец заслуживал наказания, — ее злой голос стал выше. — Он сказал, что

будет любить меня всегда, но когда увидел чешую на наших девочках, едва заметную на руках, он нас выгнал.

Я знала в истории, что Прессина бросила мужа. Но, как и говорила Прессина, ту историю написал человек. Кто знал правду?

— Я была рада, когда Мелузина заставила ее отца заплатить, — центр медузы пульсировал. — Я помогла ей. Когда это было сделано, она должна была вернуться ко мне. Но она не стала. Глупая девчонка, она раскаялась и решила остаться в вашем мире как Певчая и выйти за человека. Я пыталась прийти за ней, и она помогла Певчим изобрести способы помешать мне. Она создала Проверенную магию, проклятые камни. Но ее муж бросил ее, как я и думала, и она решила наказать его. Она создала новые чаропесни, полные страшной и сильной магии, и вложила их в гримуар.

Я не дышала. Могла Мелузина создать гримуар Скаргрейва, гримуар, что создал тенегримов, который я уничтожила?

Прессина продолжала:

— Она набросилась ими на мужа, и Певчие забрали у нее гримуар и спрятали.

Да, это был тот гримуар.

— Она боролась с ними, и они убили ее, — голос Прессины снова был воем. — Они убили мою дочь. Я попыталась отомстить, и они закрылись стеной. Они не слушали. Они хотели закрываться от меня вечно, — ее лицо теперь было зеленым, змеиные волосы сияли. Ее щупальца извивались, волны ярости и горя исходили от нее, я могла ощущать их.

А ее сияющие глаза насмехались надо мной. Она хотела сочувствия? Жалости? Я бы сказала что угодно, лишь бы успокоить ее.

— П-простите.

— Простите! — ее голова стала вдвое больше, запах горя пропал, осталась только ярость. — О, ты будешь извиняться, Певчая. Просить прощения и жалеть, что не умерла до нашей встречи. Мы сломали твою стену, мы забираем свою силу. Вскоре мы будем сильнее прежнего из-за тебя.

— Из-за меня?

— Да, тебя. Ты и твоя мать — вы совершили ошибки, что помогли нашей мести.

Меня терзала боль.

— Какие? Что я сделала?

— Ты не знаешь? — Прессина рассмеялась. — Вот это да! Твое неведение тебе и помешало, и ты дашь нам больше до смерти. Сомневаешься?

Щупальце указало на мою маму.

— Посмотри на нее!

Мама не оборачивалась, я видела только ее спину. Но ее пение не прекращалось.

— Такой будет и твоя судьба, — сказала Прессина. — Но у меня есть милосердие, — щупальце указало на Ната, он все еще был без сознания посреди толпы. — Отдай камень, и сможешь спасти его.

Я потянулась за кулоном, скрытым под платьем. Камень был почти частью меня, но я бы тут же отдала его, если бы это спасло жизнь Нату.

Ее гнев угасал, она смотрела на меня со странным выражением лица.

— Просто сними камень и просунь через решетку, — уговаривала она. — Только и всего.

— И вы вернете его наверх?

— Да.

— Невредимым?

— Если хочешь.

— И остановите потоп?

— НЕТ, — ее гнев вернулся. — Люди не были добры к нам. Они тоже должны заплатить. Вода поднимается и затопит их всех. Ты затопишь их.

— Я так не сделаю.

— О, сделаешь. Твоя мать хорошо поет, но у нее уже нет сил. Мне нужна новая кровь. Новый голос. Это будешь ты. Снимай камень. СЕЙЧАС.

Безделушка, талисман, таким я считала камень после того, как он треснул. Но если Прессина так его хотела, то он мог быть чем-то большим. Она не забрала его силой, значит, не могла. Даже треснувший, он мог меня защищать.

Я впервые вытащила красный камень здесь и застыла от шока. Трещины пропали, в нем было сияние, подобное огню. Маленькая искра, не сравнимая с огнем, что был раньше, но она там была.

Мой камень вернул себе хотя бы часть прежней силы.

Я смотрела на него и вспоминала слова Пенебригга:

«Певчие пересекали стену, чтобы восстановить силы... хотя говорили, что нельзя снимать камень, иначе могло случиться что-то ужасное».

Я обхватила камень.

— Это мой камень, — сказала я. — И я не отдам его.

Снова запах гнева. Щупальца Прессины зашипели и потянулись к Нату.

— Тогда мы убьем его.

Ната? Я чуть не отдала камень. Но, хоть рука тянулась к цепочке, я остановила себя. Без камня у меня не будет защиты. И как я могла верить, что Прессина выполнит условия? А если она все равно убьет Ната? Я могла надеяться лишь, что она отошлет его на Землю, чтобы он утонул со всеми людьми.

Из-за мамы.

Из-за меня.

Но я тоже могла угрожать.

— Если убьете его или раните, я не буду вам помогать.

Синяя молния вспыхнула на кончиках волос Прессины. Я отпрянула в пещеру, но она не ударила Ната.

Моя угроза работала.

— Сними камень, — прошипела Прессина.

Я сказала уже увереннее:

— Нет, пока его не освободят, — и тогда тоже не сниму.

Но моя уверенность была неуместна. Прессина широко улыбнулась.

— О, ты отдашь его мне раньше, Певчая. Поверь, ты будешь жалеть, что не сделала этого раньше.

Она взмахнула щупальцами и отодвинулась от меня. Другие существа двигались за ней, унося Ната. Они пропали в темной дыре, оставив меня одну в пещере, бесконечная песня мамы тускло звенела в ушах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ:

ПОЛЕТ

У меня был камень, а у Прессины — Нат. Куда они забрали его? Что делали с ним? Было невыносимо представлять, но я не могла остановиться. Я видела, что Прессина способна почти на все. Она могла пытаться его, захватить, как сделала с моей мамой или совершать такие ужасы, которые даже мне в голову не приходили. И я могла это остановить, если отдам камень. Так сказала Прессина.

Верно ли было отказать ей?

Меня терзали вина и страх, я могла думать только о Нате. Но я взяла себя в руки. Чувствами Ната не освободишь, они не спасут людей от потопа. Пора думать и что-то делать.

А если снять камень на миг и посмотреть, услышу ли я Дикую магию? Может, так я смогу одолеть Прессину.

Рука потянулась к камню и опустилась. Даже в своем мире Дикая магия не хотела вредить Прессине. Предупреждение Пенебригга звучало в голове. Если сниму камень, могут начаться ужасы.

Я спрятала камень под платье и пыталась вспомнить Проверенную магию, которой меня учила крестная, единственную магию, которую Певчая может применять, пока на ней неповрежденный камень. Ее предсказание, что из-за Дикой магии я забуду техники Проверенной, сбылось. Или так, или Проверенная магия здесь не работала, потому что у меня не удавались даже простые чаропесни.

Я не дала себе долго расстраиваться и принялась проверять трещины в пещере, пытаюсь найти путь отсюда. Прессина и ее вид могли плавать в этом эфире, но я не могла, как и не могла даже на носочках достать до потолка. Все остальное я быстро осмотрела. В дальней части пещеры, где было слишком темно, я ощупала стены пальцами, боясь, что что-нибудь укусит меня за руку. Но этого не случилось, а потом меня охватило отчаяние. Стены были целыми.

Сбежать можно было только через решетку. Хотя она жгла мои руки, она не оставляла следов, и можно было убрать ее. Я пыталась обернуть руки мокрой тканью, но это не помогло. Я отцепила прочный корсет и ударила им по решетке. Результат? Сломанный корсет, а решетка не пострадала.

Я ходила по пещере, пытаюсь придумать что-нибудь еще. Без Дикой магии я ощущала себя бессильной.

Но камень. Он был ценен, в нем была какая-то сила. Но я не знала, что он мог.

Я заперла у решетки и посмотрела в брешь на маму, ее было видно отсюда. Как давно она была здесь? Когда сдалась Прессине?

Когда сдамся я?

Никогда. Никогда. Никогда. Я шагала в такт упрямому слову, двигаясь, чтобы не впасть в отчаяние.

† † †

Минуты превращались в часы, но странные зеленый свет не менялся, как и песня мамы. Наконец, я остановилась перед решеткой и посмотрела на маму. Мне все еще было странно видеть ее. Я почти половину жизни верила, что она мертва, но она была здесь, живая.

И хотя я знала, что это бесполезно, я не сдержалась.

— Мама! — позвала я.

Я кричала ее имя, пела его, но она не оборачивалась, ее песня не прерывалась.

А потом пришел кое-кто другой.

Сначала я увидела сияние, странный яркий свет на стенах. А потом уловила запах, и я напряглась. Появилась Прессина, полупрозрачная, большая, змеиные волосы шевелились на большой голове. От ее крика содрогался эфир:

— Что ты с ним сделала, Певчая?

О чем она? Им мог быть только Нат. Он как-то сбежал?

Я подавила волнение и заставила себя звучать сонно и глупо:

— С кем? О чем вы?

— Где он?

— Кто? — я зевнула и добавила. — Вы меня разбудили.

Огромная голова поджала губы. Прессина пыталась взять себя в руки.

— Мы ищем его. Ты звала его Нат. Он не с тобой?

Он сбежал!

— Со мной никого нет, — сказала я. — Как бы он прошел через решетку?

Это помогло. Она приблизилась к решетке, замерла неподалеку и огляделась. В центре ее что-то вспыхивало, озаряя пещеру. Она могла увидеть, что я была здесь одна.

Она уплыла, завывая по пути. Другие мелькали мимо моей пещеры, странные крики эхом разносились по пещере. Как стая гончих. Адских гончих Дикой охоты.

Разорвут ли они Ната, когда найдут? Нет. Пока они могли давить им на меня.

Я надеялась, что была права.

Шли часы, неземные крики все раздавались. Я прислонилась к стенам, пещеры, пытаюсь не спать.

Я не должна спать.

Но против своей воли я провалилась в беспокойный сон.

† † †

Сначала я подумала, что шепот мне снится.

— Люси...

«Нат», — сонно подумала я.

— Люси, ты меня слышишь?

Я моргнула. Я не спала. Голос был настоящим, и он доносился из дальней части пещеры. Я вскочила на ноги.

— Нат?

Высоко из теней донесся ответ:

— Тише. Не шуми, любимая. Никто не должен знать, что я здесь.

Любимая. Это мне снится? Я прошла в ту часть пещеры, но не видела Ната.

— Я наверху, — прошептал он. — Здесь дыра.

В потолке? Только там я не проверила, потому что не дотянулась. Даже сейчас я не видела ее в тенях. Но Нат заговорил снова, и голос звучал надо мной.

— Я не смогу пролезть, но могу тебя поднять. Моя левая рука побаливает, но выдержит.

— Что они с тобой делали? — спросила я.

— Не о чем переживать, — Нат никогда не любил привлекать внимание к своим ранам.

— Как ты выбрался? — спросила я.

— Как только я смог идти, пара стражей меня отпустила. Они ненавидят Прессину, и не они одни. Похоже, мы оказались посреди гражданской войны. Береги голову, я попробую

дотянуться до тебя.

В темноте я не видела его руки, но коснулась длинных пальцев, сильных и в мозолях.

— Вот так, — он обхватил мои запястья. — Пригнись.

Через миг я полетела к потолку. Удар, и я выбралась по поясу, но бедра задела камень. Я подавила вскрик. Еще рывок Ната, я извернулась и пролезла в каменистую темноту.

— Почти, — ладони Ната соскользнули с моих запястий на пальцы. Он потащил меня за угол в пещеру, где блики отдаленного зеленого света позволили нам разглядеть друг друга. На его челюсти был синяк, рукав был разорван, но Нат был целым, в его взгляде на меня были радость и жар. Я сглотнула. Ситуация была ужасной, но рядом с ним было хорошо, ощущать его тепло, видеть этот его взгляд.

— Нат?

Он прижал палец к моим губам. Я таяла.

— Нужно спешить, — тихо сказал он. — Стражи обещали отвести нас в укрытие, но времени мало.

— Где они?

— Близко, но пути здесь — лабиринт. Хотя я его пока помню.

Я в это верила. У него был дар ориентироваться в лабиринте. И это пригодилось. Даже в тусклом свете я видела с десятков проемов, ведущих неизвестно куда.

Но я мешкала.

— Стражам точно можно доверять?

— А у нас есть выбор?

Он был прав. Нужно было попробовать. Я пошла за ним в один из черных проемов.

Через пару шагов он замер.

— Я забыл.

— Что?

— Камень... Прессина может тебя с ним выследить.

— Выследить?

— Да. Стражи так сказали. Они сказали, что его нужно сразу снять, чтобы она тебя не нашла.

Я посмотрела на него. Почти весь он был в тени, но глаза поймали блеск из пещеры. И свет показал подлое удовлетворение. Это были глаза Ната, но выражение Мелисанды...

Я побежала.

Ругаясь, она бросилась за мной.

— Отдай камень! — ее голос теперь был похож на ее — выше, старше и полный яда.

Задыхаясь, я бросилась в дыру, где было мерцание света. Хороший признак или плохой? Я не знала, но зато бежала не во тьме. Я бежала как можно быстрее. Сзади раздавались крики. Мелисанда звала на помощь? Я могла лишь надеяться, что она врала, что Прессина может отследить меня камнем, как врала и насчет всего остального.

Не шуми, любимая...

Какая же я глупая. Но времени думать об этом не было. Дыра стала туннелем, сзади слышались шаги.

Беги.

Через несколько ярдов коридор разделялся. Я побежала вправо, потому что там было шире.

Двадцать ярдов спустя я попала в широкую сияющую пещеру. Сотни столбов

поднимались, как большие оплавленные свечи, но стены были гладкими. Я не видела выхода. Я не могла вернуться, меня догоняла Мелисанда.

Я скрылась за одним из столбов. Вскоре Мелисанда вбежала в зал.

Она остановилась.

— Я знаю, что ты здесь, Певчая, — ее голос отдавался странным эхом. — Я видела. Ты не выстоишь. Я позвала на помощь, и Матери скоро придут. Даже если они задержатся, не важно. Я с тобой справлюсь.

Я выглянула из укрытия. Она ходила у столбов у входа. И в ней все еще было что-то от Ната, хотя все больше становилась с собой. Я беззвучно спряталась.

— Я верно служила Матерям, — продолжала Мелисанда, — и Прессина наградила меня. У меня есть сила. И все из-за твоей глупости.

Я стиснула зубы. О чем она?

— Да, глупости, — повторила она, смакуя слово. — И твоей матери. Прессина все рассказала мне. Это Дикая магия твоей матери привела ее сюда. Когда твоя мать спела, защищаясь от тенегримов, она пробудила что-то древнее и сильное в водах неподалеку, что-то, любящее Других, любящее вас, то, что помнило время, когда вы все были одним. И песня воды, что спела твоя мать, была одной из древних, песней безопасности, которую Певчие использовали, проходя стену между мирами.

Так она оказалась здесь.

— Песня пробила трещину, которой хватило, чтобы пропустить ее, — продолжила Мелисанда. — Но туда могли пройти только Певчие, никто не мог выйти. Матери были заперты. Они взяли твою мать в плен, конечно, но не отпустили ее. Пока у нее был камень, они не могли заставить ее петь. И все замерло, пока не появилась ты и твоя любовь к Дикой магии. Понемногу твои песни расширяли трещину, которую сделала она. Матери все еще не могли выбраться, но брешь стала достаточно большой, чтобы я могла присоединиться к ним на другой стороне.

Я была глупой, точно. Я не знала, что совершаю такую ошибку.

Голос Мелисанды стал ниже, на миг напомнив Ната:

— Я уже говорила тебе. У меня своя магия, она была еще до Певчих. Как весь мой вид, я ходила к воде каждый месяц и предлагала себя Матерям. Веками мешала ваша стена, но в прошлом месяце я прошла, — голос был полон гордости. — Прессина поприветствовала меня. Ей нужна была моя помощь. Мы заключили сделку, она начала учить меня магии, и я, как мастер иллюзии, забрала камень твоей матери.

Она приблизилась. Боясь шевелиться, я задержала дыхание.

— Думаешь, как я сделала это, Певчая? — она рассмеялась. — Став тобой. Матери не могли сделать этого, ведь было что-то не так, когда они пытались выглядеть как люди, даже в этом королевстве. Но я смогла выглядеть и звучать как ты.

Как и смогла быть похожей на Ната.

— Я пошла к твоей матери и сказала, что по ошибке попала сюда с песней, — сказала Мелисанда. — Я плакала, потому что не могла защититься от Прессины, она дала мне свой камень. Повесила мне на шею своими руками. Лишь бы защитить дочь! И мы с Прессиною получили ее.

Мне было не по себе. Так они сломили мою маму. Ее любовь ко мне предала ее. Любовь, что поддерживала ее столько лет.

Осталась ли любовь внутри нее? Где-то, куда не добралась Прессина? Или Прессина с

Мелисандой забрали и это?

— Без камня Прессина захватила твою мать, — Мелисанда торжествовала. — С того момента она была голосом Прессины, которым мы убирали работу Певчих. Но это не все. Как только стена между мирами станет такой, как раньше, Прессина заставит твою мать сделать в ней больше дыр, чтобы Матери могли проходить через нее. Под видом русалок и морских монстров они начали нападать на твой мир. И Прессина научила твою мать песням, от которых поднимается вода, появляется огромная волна, которую она обрушила на землю. Но эти песни дорого стоят, конечно. Знаешь, какая цена, Певчая? — голос Мелисанды стал выше, дразня меня. — Те, кто поет их, тратят себя. Твоя мать погибает. Ее не хватит, чтобы затопить весь мир и обеспечить нам победу. Потому мы пошли за тобой. Матери должны оставаться в воде, на суше их сила иссякнет, так что Прессина послала меня заманить тебя сюда. Достать тебя оказалось сложнее, чем мы ожидали, но нам это удалось.

О, нет уж.

Я подвинулась, чтобы увидеть, не оставила ли она вход без присмотра. Но под ногами хрустнули камешки у основания столба.

Мелисанда уловила этот тихий звук.

— Ах, вот ты где, — ее шаги быстро направились ко мне.

У меня не было магии бороться с ней. У меня была только хитрость. Уже можно было шуметь, и я схватила пригоршню камешков и песка. Я ждала до последней секунды, а потом бросила их в лицо Мелисанды и побежала к входу.

Я попала ей в глаза, потому что она не сразу побежала за мной. Я уже мчалась по коридору.

Я выбрала другой поворот развилки. В этот раз тупика не было, но вскоре коридор изогнулся, свет стал тусклее. Еще поворот, и свет пропал. Я замерла. Я не могла бежать в бездну. Но шаги приближались.

— Сюда, — прогудел голос слева.

Я застыла. Это была Прессина?

— Сюда, — уговаривал он. — Или она тебя поймает.

Сзади раздался вопль:

— Я загнала ее сюда!

Мелисанда обращалась к союзнику. Сердце колотилось.

— Иди скорее, — выдохнул голос.

Я пошла туда, касаясь ладонью камня. В стене была брешь.

— Да-а-а-а, — сказал голос.

Я везла в брешь, и щупальце обвило мое запястье.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ: СОПРОТИВЛЕНИЕ

Я открыла рот, чтобы закричать, еще одно щупальце закрыло мне рот, склизкое и гладкое прижалось к моим губам.

Прессина.

Я боролась, как рыба в сети. Паника прогнала мысли из головы.

— Не шевелись, — прогудел голос. — Мы тебя не раним. Но нельзя кричать, иначе нас найдут.

Что-то заставляло поверить ему. Я замерла. Это точно не была Прессина.

Щупальца тянули меня глубже в брешь. Но теперь я была спокойнее и заметила, что щупальца были не только липкими, но и бархатно-нежными, хватка была осторожной. Мои запястья не болели, я могла дышать.

Мы двигались во тьме. Ноги не касались земли. После множества поворотов мы замедлились и остановились.

— Успешно? — голос сверху.

— Да, — сказал мой спаситель.

Щупальца толкнули меня и отпустили. Я упала на землю, что-то загремело за мной. Я вытянула руки и нащупала твердые очертания клетки.

Паника вспыхнула во мне. Я снова была узницей.

† † †

Я не успела подняться на ноги, клетку подняли и понесли с собой. Я впилась в решетку, не ориентируясь в темноте.

Мне было все равно, кто меня услышит, я закричала:

— Выпустите меня!

— Не можем, — прогудел в тревоге один из похитителей. — Прости. Прости.

Прости?

— Кто вы? — осведомилась я.

Еще несколько поворотов влево, малахитовый свет дал мне ответ. Мою клетку держало существо лимонного цвета с двадцатью щупальцами, как у осьминога. Я заметила рядом морскую звезду с десятком глаз, все смотрели на меня.

Что это за существа?

Мой страх только усилился, когда осьминог потащил меня к источнику света в пещеру, полную существ, что были еще страннее: огромные морские коньки с изогнутыми хвостами, полосатые рыбы с сотней плавников, угри с острыми зубами акул. Меня больше волновало то, что они менялись каждый миг — цвета, размер, облик. Темно-лиловый становился черно-белым или вишнево-красным. Плавники вытягивались. Глаза расширялись, появлялись и пропадали, но смотрели на меня.

Изображая спокойствие, я смотрела на них.

— Что вам от меня нужно?

Существа заговорили. Желтый осьминог взмахнул щупальцами, они замолчали, и его один огромный глаз оказался напротив меня.

— Нам нужна твоя помощь, — сказал он.

Я с опаской смотрела на него.

— И потому меня посадили в клетку?

Страх мелькнул среди компании, они стали изменяться еще быстрее.

— Это необходимость, — сказала существо с сожалением. — Пока что.

Пока что?

— Кто вы? — спросила я снова.

Осьминог ответил за всех.

— У вас есть много имен для нас. Феи, фейри, Другие, nereиды, добрый народец и десятки других. Люди любят имена, да? Если нужно одно, то называй меня... о, скажем так... Одо. Но имена не важны для понимания. Важно для всех нас, включая тебя, что мы — на одной стороне, — Одо объяснил остальным. — Это дочь Вивиан. Певчая Люси.

Все вздохнули, и звук был между шипением и гудением.

— Певчая-а-а-а-а...

Плавники и хвосты хлопали, я ощутила волну привязанности.

— Я... думала, вы ненавидите Певчих, — сказала я.

— Прессина, — ответил Одо. — И те, кто с ней. Но большая часть — нет.

— Но мы заперли вас.

— Вы заперли Прессину, — сказал Одо. — И мы знаем причину. Большая часть не винит вас.

Другие шептались. Волна любви сменилась горем. Потому они заперли меня?

— Но, конечно, магия, которую вы, Певчие, применили на стену, принесла ужасные последствия для нас, — сказал Одо.

— Н-не понимаю, — сказала я.

— Когда вы заперли Прессину, она бросилась на нас, — сказал Одо. — Она хотела мести, хотела власти, а рядом были только мы. О, у нее были союзники, конечно. Иначе она не поднялась бы, но всегда были те, кто восхищался ее хитростью. Но большинство ненавидит ее. Мы всегда были свободными здесь, в Глубинах, но она увидела мир людей и захотела быть императрицей. Многие умерли, борясь с ней. Многие, — Одо кивнул на остальных, — посвятили существование борьбе с ней.

Так здесь все-таки была война. В этом Мелисанда не соврала.

— Как только она родилась, она пыталась использовать нас для утоления своего аппетита, — сказал морской конек, голос напоминал погребальную песнь. — Она была голодной, когда Певчие запечатали нас. Она осушила почти всех нас, забрала магию. Но этого не хватило, чтобы разрушить стену. Пока твоя мама не разбила ее.

— Но ты уже должна это знать, — сказал Одо.

— Я немного знаю. Мелисанда сказала, Прессина взяла мою маму в плен, но она долго не могла заставить ее петь...

— Верно, — сказал Одо. — Прессина заперла ее, как тебя. Но, конечно, она не могла коснуться ее, пока у Вивиан был камень.

— Почему?

Глаза Одо стали в три раза больше.

— Ты не знаешь?

— Нет, — я потянулась к камню.

Существа отпрянули.

— Не говори ей, — крикнул один из них.

— Что? — спросила я.

— Я должен, — сказал Одо остальным. — Иначе мы не получим ее помощь.

Существа отпрянули еще дальше. Одо повернулся ко мне.

— Камни Певчих созданы из субстанции, что отрицает нашу магию, — щупальце помахало, не дав мне задать вопрос. — Нет, нет. Не спрашивай, из какой. Мы не знаем. Но пока он у тебя, наша магия не может уничтожить тебя, даже сильно ранить. Мы можем пленить тебя, окружить стражей, но не можем навредить душе и телу.

— Не уверена, что мой работает правильно, — сказала я, глядя края камня. — Меня обжигал огонь Прессины.

— Обжигал? Певчая, люди сгорают от ее молний. На тебе они и шрама не оставят.

Ох.

— Это не все, — Одо отстранился от моей клетки. — Твой камень может уничтожить нас.

— Уничтожить?

— Да.

Если они так думали, то, конечно, заперли меня.

— Но вы не поранились, схватив меня.

— Потому что я старался не трогать камень.

— Как вы понимали это в темноте?

— Для меня там не было темно, Певчая. У меня другие глаза. И это стоило риска.

Я смотрела на Одо, вокруг было много морских существ.

— И теперь вы держите меня в клетке, потому что боитесь, что я могу вас убить?

— Эм, да, — сказал Одо. — Мы бы предпочли, чтобы ты убила Прессину.

— Я так и поняла, — я убрала камень под платье и посмотрела на них сквозь решетку. — Вы можете меня выпустить. Мы на одной стороне. Я буду держать камень подальше от вас, обещаю.

Существа тревожно шептались.

— Если мы хотим добиться чего-то, нужно доверять ей, — сказал Одо. — Она наш союзник, а не враг. Она не поможет нам в клетке.

Они смиренно вздыхали, но некоторые все еще были встревожены.

— Можете спрятаться от нее, если хотите, — терпеливо сказал Одо.

Существа отправились в укрытие, в щели и трещины, покинули пещеру. Многие остались.

— Хорошо. Я выпущу тебя, — Одо нежными щупальцами ощупывал клетку, пока не появилась брешь.

Я вышла в нее, стараясь двигаться не спешно, чтобы не испугать их.

— Спасибо.

Большой глаз Одо с одобрением смотрел на меня.

— Теперь нужен план.

— Да, — несколько спрятавшихся существ смотрели на меня, десятки вопросов кружились в моей голове. — Но сначала лучше расскажите, как мой камень работает здесь. Он был в трещинах, пока я не попала сюда. Почему теперь все иначе?

— В нашем мире магия Певчих сильнее, — сказал Одо. — Так всегда было. Некоторые говорят, что это становится сильнее наша кровь в вас. Камни — часть вашей магии, они тоже становятся сильнее. Певчие давно сюда не приходили, и мы были удивлены, что магия еще осталась. Стена ослабила всех нас, включая тебя.

— Если я сниму камень, я услышу Дикую магию?

— Да, но не такой, какой ты ее знаешь, — Одо взмахнул несколькими щупальцами. — Не спеши. Наша Дикая магия сильнее, чем та, что на Земле, такая сильная, что ее отголоски ты слышишь даже с камнем. Порой можно даже уловить мелодию, если исполнитель близко. Ты ведь можешь слышать песню своей мамы? Низкое гудение в эфире, что скрыто за всем остальным?

Я кивнула.

— Это лишь слабое эхо Дикой магии, которую ты услышишь без защиты камня, — сказал Одо. — Твои песни — крохотная ее часть. Эфир позволяет всей Дикой магии достичь нас, а твой мир блокирует большую ее часть. Это повлияло на твою маму, когда она сняла

камень. Это как жить всегда на глубине моря, но тут оказаться на поверхности под ослепительным солнцем. И тут Прессина напала и захватила ее.

— Ясно, — я сглотнула. — Если я сниму камень, я тоже ослепну?

— Возможно. После первого шока ты можешь найти, как работать с Дикой магией. В тебе наша кровь, это возможно. Но, скорее всего, ты не получишь шанс. А если и сможешь, как новичок, ты будешь уязвима. Я бы так не рисковал и оставил камень. Лучше устроить засаду и напасть на Прессину с камнем, пока он на тебе.

Я поежилась. Так я бы оказалась очень близко к ужасному существу со змеями на голове и желеобразной массой вокруг. Но я не хотела закончить как мама, стать лишь голосом Прессины.

— Жаль, я не напала на нее при встрече, — сказала я. — Или моя мама...

— Ты не знала. И твоя мама, наверное, тоже. У нее не было шанса, — печально сказал Одо. — Она была очень слаба, когда прибыла, почти без сил. Прессина взяла ее в плен тут же. Твоя мама отчаянно пыталась вернуться к тебе, но Прессина сказала, что она не увидит тебя, пока не разрушит песней стену. Вивиан отказалась, и Прессина держала ее в плену годами.

— Вы пытались помочь ей?

Одо смущенно опустил взгляд на мои ноги.

— Не долго, стыдно признавать. Мы боялись камня. Но, чем дольше твоя мама держалась, тем больше мы задумывались, что могли сделать ее нашей союзницей. И мы начали продумывать план, чтобы связаться с ней, что было опасно. Годами мы искали путь к ней. Но пришла Мелисанда и все испортила.

— Прессина захватила ее?

— Не так, как твою маму. Ей нужно было две вещи от Мелисанды, и для этого она должна быть живой и невредимой. Первая — ее способность принимать облик человека и убеждать этим.

Это я уже знала.

— А другая?

— Ее магия. Как только Певчая отдаст камень, Мелисанда сможет уничтожить его, чего не можем мы, ведь контакт нас убьет, — большой глаз посмотрел на меня. — Мы не знали, что задумали Прессина и Мелисанда, но видели, что у них есть план. Пока Прессина была отвлечена, мы добрались до Вивиан. Меня выбрали приблизиться к ней. Она сомневалась сначала, но не пыталась убить меня. Она слушала. И решила поверить мне. Мы говорили о тебе. Так она все преодолела. Думая о тебе.

Мое горло сжалось.

— Мы составили план, — сказал Одо. — И почти забрали ее. Но мы опоздали. Мелисанда пришла к ней и обманула...

— Знаю, — сказала я. — Она мне рассказала, — я вспыхнула, вспомнив ее радость: «Она повесила камень мне на шею своими руками. Что угодно ради защиты дочери!».

Одо покачал головой.

— Мы ощутили, как Прессина стала сильнее, захватив твою маму. Мы видели разрушенный камень в синем огне.

Камень мамы пропал навеки. Я хотела коснуться своего камня, но сдержалась. Я не хотела пугать существ вокруг себя.

— Мы отчаялись, — сказал Одо. — Но теперь ты с нами, у тебя есть камень. Ты можешь

убить Прессину.

— И я сделаю это, — сказала я. — Помогите, и я сделаю. А потом заберу маму домой.

Сожаление донеслось от существ. Одо снова опустил голову.

— Что такое? — спросила я. — Что не так?

Морская звезда сказала что-то, что я не уловила.

— Нет, мы должны сказать ей, — ответил Одо. — Молчать неправильно, — он поднял печальный глаз. — Боюсь, этого не случится, Певчая.

— О чем вы? — спросила я.

— Твоя мама и Прессина связаны чарами, — он смотрел на меня. — Если ты убьешь Прессину, ты убьешь и свою маму.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: МАГИЯ КРОВИ

Я потрясенно смотрела на Одо, чувствуя себя пустой.

— Вы уверены?

— Да. Если умрет Прессина, умрет и твоя мама. Такова их связь.

Пустота осталась, но появилась и борьба.

— Тогда я не могу, — сказала я. — Я не могу убить Прессину.

— Ты должна, — сказала морская звезда, что помогла запереть меня.

— Нет, если это убьет мою маму. Нет.

Морская звезда выпустила щупальце.

— Она бы этого хотела.

— Нет, — повторила я.

Существа менялись вокруг меня, у них было все больше глаз, и они все осуждали меня.

Потом Одо сказал:

— Тогда нужно найти способ разорвать связь.

Существа задрожали. Им не нужно было говорить, чтобы показать несчастье. Многие побелели. Другие стали вдвое меньше.

Вспышка гнева пронеслась во мне. Я так много просила?

— Можете не участвовать, — сказала я. — Я делаю это сама.

— Ты не можешь, — сказала морская звезда. — Для этого нужно пройти мимо заклинания защиты. В этом тебе нужна наша помощь.

— Заклинание защиты? — гнев и уверенность угасали. Я столько всего здесь не понимала. Я повернулась к Одо. — Это оттолкнуло меня, когда я попыталась пройти к маме?

— Да, — сказал Одо. — Чары Прессины охраняют твою маму. Но не бойся. Я знаю, как тебе пройти их. И я пойду с тобой.

Толпа морских существ загудела. Я с сомнением посмотрела на Одо.

— Уверены, что это сработает?

— Вполне, — Одо звучал уверенно, но я ощущала в нем печаль, которую не понимала. Может, причина была в другом.

— Мне нужно только пройти туда? — спросила я.

— Нет, Певчая, — сказал Одо. — Это не все. Завладеть человеком непросто даже для Прессины. Для этого нужна магия крови, песни, которые можно петь, только если кудесник

забирает кровь жертвы. В случае твоей матери магия крови очень сильна, ведь она — прямой потомок Прессины. Как и ты.

Я поехала. Я не хотела связи с Прессиной.

— Прессина — мой предок? Вы уверены?

— Да, — сказал Одо. — Форма твоей метки это подтверждает.

Я посмотрела на метку Певчей, впервые видя сходство со свернувшейся змеей.

Одо не закончил отдавать указания.

— Нельзя забирать твою маму с камня, пока связь не будет разрушена, иначе ее разум разобьется.

Разобьется? Об этом страшно было думать.

— Как мне освободить ее? — спросила я.

— Все просто. Нужно, чтобы она тебя узнала. Вернуть ее в себя.

Просто, но возможно ли? Я опечалилась. Я уже звала ее много раз, она даже не моргнула.

— Как это сделать?

— Мы не знаем, — Одо зашевелил щупальцами, словно выражал сожаление. — Я могу лишь сказать, что магию крови можно отменить. С Певчими это обычно не связано с магией, но связано с человеческим. Как только пройдешь защиту, может хватить даже ее имени, чтобы разрушить чары. Можно коснуться ее или дать ей каплю своей крови...

— Но вы не знаете, сработает ли это?

— Не точно, — признал Одо. — Но мы можем дать тебе время. Мы можем отвлечь Прессину и ее существ беспорядком. Ее комната близко к твоей матери.

Теперь была понятна неохота существ.

— Но вы можете умереть при этом. А если я не справлюсь, вы умрете зря.

Существа поехали. Я склонила голову. Наверное, я слишком много просила.

— Она — наш враг, как и твой, — сказал Одо. — Мы должны рискнуть для этого жизнями, — он взмахнул щупальцами, словно описывал дугой всех собравшихся. — Наберитесь смелости. Помните, Прессина много сил берет у Вивиан. Если Певчая Люси разорвет связь, Прессину будет проще одолеть. Рискнуть стоит.

Существа верили в это. Возвращались цвета, сперва бледные, но они становились все ярче.

— Если у нас получится, то две Певчие будут бороться с Прессиной, — сказала серебряная рыбка. — Мать и дочь.

Яркие цвета замелькали в толпе в ответ.

Цвет Одо тоже стал ярче, от золотого до оранжевого, а потом алого.

— Скажите, все вы, поможем ли мы Певчей спасти ее маму?

— ДА, — тихий гул заполнил пещеру.

— Тогда идемте, — позвал Одо. — Они уже в смятении, ищут Певчую. Отличный шанс.

Так скоро? Мне нужно было подготовиться.

— ИДЕМ, — пропела компания. Они дрожали, но в этот раз от решимости. Существа вокруг меня стали больше, выпустили шипы, отрасли зубы. Я оглянулась, а у Одо уже было тридцать щупалец, свернувшихся кольцами.

— Как вы это делаете? — спросила я.

Они рассмеялись.

— Лучше спросить, как можно без этого? — Одо добавил уже серьезнее. — В своем

мире ты разделяешь магию и эмоции. Но мы здесь используем эмоции для усиления своей магии. Меняются наши желания, настроение, и мы меняем наш облик. Перемена в музыке вокруг нас, Певчая. Это сильнейшая магия — магия изменения, — большой глаз вращался. — Для нас удивительно, что ты не меняешься.

Одо повернулся к остальным, бормоча слишком быстро. Пока я стояла, другая тревога всплыла в голове. Все происходило слишком быстро, но теперь я должна была высказать это.

— Одо? — я коснулась одного щупальца.

Одо обернулся.

— Да?

— Вы не знаете о Нате, человеке, которого принесли со мной? — сказала я. — Он пропал...

— Ах, да, — сказал Одо. — Это мы и обсуждаем. Нас это тревожит — никто не знает, где он и на чьей стороне. Двое стражей пропали с ним, и мы не знаем, что с ними произошло. Ты его знаешь? Он друг?

— Да, — важно было, чтобы они поняли, что он не враг, чтобы они не напали на него. — Он здесь, потому что был со мной. Он не навредит вам, поверьте. Он верный и добрый.

— И ты его любишь, — сказал Одо, словно это было ясно как день.

Возможно, так и было. Я прикусила губу.

— Да.

— Он будет в безопасности, Певчая, — тихо сказал Одо. — Соппротивления здесь много, кто-нибудь защитит его.

Только бы так и было.

— Но пока что не думай о нем, — сказал Одо. — Нам нужно сосредоточиться на деле, иначе результата не будет, — он обратился ко всем. Когда он закончил, отряды разлетелись в стороны. — Идем! — сияющее щупальце Одо обвило мою руку. — Я должен попросить тебя еще об одном.

— О чем?

— Тебе нужно шагнуть в клетку, чтобы я отнес тебя к маме.

Я с сомнением посмотрела на клетку, потом на Одо.

— Поверь, — сказал Одо. — Прошу.

Надеясь, что я не ошибаюсь, я шагнула внутрь.

— Вот так, — Одо закрыл дверцу. — Я отнесу тебя к маме.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ: РАЗРЫВ СВЯЗИ

Мы поднимались во тьме. Щупальца Одо уже не сияли, но часть их держала мою клетку. В редких лучах света я замечала других существ, что были с нами: четырех больших угрей, стайку многоногих морских звезд, двух существ с зубами, как у акул, и стайку серебряных пятнистых рыбок.

Через какое-то время я услышала пение — надорванный и жуткий голос мамы.

Наконец, Одо остановился и опустил меня на выступ. Только конец одного щупальца держал клетку.

— Нужно ждать здесь, — прошептал он.

Я замерла. Плавники серебряных рыбок трепетали возле клетки.

Пение раздавалось над нами, левее. В коротких паузах между частями песни было слышно слабые звуки справа. Смех? Стон? Я не была уверена, но Одо указал мне направление. Я посмотрела, и мое сердце замерло. Мои глаза были на уровне с трещиной в камне, и через нее я видела другую комнату. В ней были подданные и Прессина. Она была вдвое больше их, ее змеиные волосы шевелились, она кричала на толпу перед ней.

— Не подведите меня снова! Вы должны найти ее. Найти их обоих.

Я сжалась от ненависти в ее голосе. Но она сказала «обоих». Нат был еще свободен?

— Найдите их НЕМЕДЛЕННО!

Толпа не успела послушаться, издалека раздался звук, схожий на гонг. Раздались крики тревоги. Прессина кричал приказы, вывела всех из комнаты в сторону шума.

— Сейчас! — Одо схватил мою клетку и поднялся в пещеру, где на камне стояла и пела моя мама. Одо направился к ней головой вперед, крепко обвив мою клетку. Угри и рыбы мчались рядом с нами, сияя зеленым в бледном свете.

Я приготовилась к удару.

Мы не успели коснуться камня. Угри и рыбки закружились яркими молниями. Через миг Одо содрогнулся вокруг меня. Но, похоже, угри и рыбки забрали на себя основной удар, потому что мы двигались дальше.

Мы резко вздрогнули, а потом рухнули на камень, где стояла моя мама. Щупальца Одо обмякли, клетка упала и разбилась. Мои ладони задели камень, из царапин выступила кровь. Но это были пустяки, по сравнению со страданиями Одо. Длинные щупальца лежали вокруг меня, обгоревшие и неподвижные.

Одо сказал, что знает путь, но выглядел печальным. Поэтому?

Я позвала его, большой глаз приоткрылся.

— Иди, — прошептал Одо. — Иди к своей маме.

Глаз закатился и закрылся, свет угас.

Одо ушел.

Я посмотрела на маму, ее лицо казалось нечеловеческим, она призывала песней разрушение. На миг я почти возненавидела ее. Сколько еще смертей на ее счету, включая Одо?

Но чары защиты были не ее идеей, как и не она выбрала петь. Она была пешкой Прессины. Такой стану я, если Прессина схватит меня.

Моя мама так устала. Я видела впадины под ее глазами, хоть я была у подножия камня. Она словно старела, пока я смотрела, ее кожа тускнела, натягивалась, словно сжималась. Под ней было видно ее кости.

Она увядала.

Могла ли она узнать меня? Могла ли я вернуть ее в себя?

Я полезла по камню.

— Мама! — Одо сказал, что голоса хватит, как только я буду внутри защиты. — Мама, это Люси.

Ничего. Я коснулась ее ног, потом руки. Ее пальцы оставались неподвижными и холодными, как камень. Я словно трогала статую.

Одо говорил о крови. Так она могла узнать меня.

Я провела ладонями по камню, открывая царапины. Алые капли проступили на коже. Я коснулась ладони, прижала окровавленную ладонь к ее лицу, к губам.

Она не узнавала меня. Ничто не останавливало песню. Даже когда моя рука была на ее губах, пение лилось из него. Она не двигалась, не реагировала.

— Мама? — попыталась я снова. — Вивиан?

Я стояла перед ней, на одном уровне, чего не было, когда я была ребенком. Но она не видела меня.

Краем глаза я заметила дрожь нескольких серебряных рыбок. Знак? Приближалась Прессина? Сколько у меня времени?

Жаль, что я не могла колдовать здесь! Но нет, Одо говорил, что магия здесь не поможет. Что-то человеческое. Но что?

Не голос, не прикосновение, не кровь. Я не могла придумать ничего другого.

Я сжала руку мамы.

— Мама, послушай. Ты должна вернуться.

Но она не слушала, не могла. А Прессина приближалась. Меня вот-вот поймают, и тогда Одо умер зря...

Окровавленной ладонью я протерла слезящиеся глаза. Чем помогут слезы? Мне нужно было как-то разрушить чары, чем-то человеческим, тем, что может пробить стены, что Прессина выстроила вокруг моей мамы. Но я не могла ничего придумать. Разум опустел. И...

Слезы.

Я коснулась ладонью своих мокрых ресниц и обхватила ее ладонь.

— Мама, ты слышишь меня? Это Люси.

Невероятно, но ее пальцы дрогнули, а потом обхватили мои. Пение оборвалось.

— Люси?

Я подняла голову и увидела встревоженные глаза мамы.

— Это правда ты? — хриплый голос говорил с мягкой интонацией, которую я помнила. — Это не уловка?

Когда я заговорила, мой голос тоже был хриплым.

— Это я, мама, обещаю. В этот раз по-настоящему.

Она обняла меня, и мы смеялись и плакали. Десять лет разлуки, но я нашла ее. Я дрожала от горя и радости.

Я думала, она спросит про Прессину, но она этого не сделала. Она гладила меня по волосам, прижимала к себе, а заговорила потом о совсем другом.

— Ты такая высокая, — удивилась она. — Ты выросла. Я так и думала, но...

Она тряхнула головой и отпрянула. Я напряглась. Она сомневалась, что я — ее дочь?

Но она, казалось, просто хотела меня рассмотреть.

— У тебя волосы отца, — сказала она с радостью. — И голову он так склонял, — она снова обняла меня. — О, если бы он только смог дожить и тебя увидеть! Он бы так тебя любил.

Я осторожно сказала:

— Он... знал обо мне?

— О, да. Он был так рад, когда узнал, что будет отцом. Мы были так рады...

Узел во мне развязался. После всей лжи и сплетен я узнала правду. Папа любил ее до конца. Он любил нас.

Но мама уже продолжала:

— Тенегримы, Скаргрейв... они не навредили тебе? Я так боялась.

О, она так много не знала!

— Их нет. Я уничтожила их.

— Да? О, Люси, это чудесно, — в ее голосе была радость и нотка материнской гордости. Но она продолжила, и я услышала сожаление и боль. — Я должна была сделать это. Потому я оставила тебя на острове, чтобы уберечь, пока я боролась. Но они схватили меня. Ты ведь знаешь?

— Да.

— И Дикая магия спасла меня и принесла сюда. С тех пор я была здесь.

Ее голос дрожал, как и руки. Мое сердце наполнилось тревогой и страхом. В порыве радости я не увидела правды, но теперь она была ясна. Я нашла не сильную маму, которую помнила, которая защитила меня. Когда она коснулась моего лица, ее пальцы были хрупкими и легкими, как сухие листья. Ее руки были тонкими и дрожащими. Она была очень слабой.

Я нашла маму, чтобы потерять?

Нет. Яростная решимость наполнила меня. Я защищу ее, как она защитила меня. Я одолею всех, кто выступит против нас, и верну ее домой.

Я обхватила ее рукой.

— Идем со мной.

Я подняла ее и повела с камня. Она задрожала, увидев неподвижное тело Одо.

— Это...

— Одо. Да.

— Прессина использовала меня, чтобы убить его?

На ее лицо было больно смотреть.

— Нет, — быстро сказала я. Магия принадлежала Прессине.

Моя мама все еще была в ужасе.

— Я кого-нибудь убила? Я не помню, кто она заставила меня петь, но точно ничего хорошего.

Не было времени говорить ей, что сотворило ее пение.

— Ты не хотела вредить, мама, — она покачала головой, я потянула ее вперед. — Прощу, мы можем обсудить это позже. Сейчас нужно идти.

Тихо попрощавшись с Одо, мы миновали его, и я приготовилась к удару. Но защита камня пропала. Потому что мама уже не была связана с Прессинной? Или потому что сил Прессины теперь не хватало на это? В любом случае, это был хороший знак.

Но мы еще не ушли. Серебряные рыбки окружили нас облаком. Их голоса звенели, как колокольчики:

— Остерегайтесь Прессины!

— Она идет!

— Бегите!

Моя мама побелела и споткнулась. Бежать она не могла, как и нападать.

— Нам нужно укрытие, — сказала я рыбкам. — Чтобы я смогла напасть на Прессину.

— За нами! — они умчались прочь.

Я обвила маму рукой и попыталась не отставать от них. Но после пары смелых шагов она замерла и закрыла уши.

— Музыка, — бормотала она, кривясь, как от боли. — Музыка...

Меня защищал камень, у нее ничего не было. И она была очень слаба.

Рыбки окружили нас, быстро шевеля плавниками.

— Скорее! Она идет.

— Иди, — прошептала мама. — Оставь меня. Спасайся.

— Нет, — я не собиралась бросать ее. — Мы идем вместе.

Мы были в паре футов от стены, когда меня окатил запах — волна гнева, гниения и триумфа.

Мама поняла раньше меня, закричала и рухнула на землю. Я схватила ее, а Прессина ворвалась в пещеру, ее голова была окружена голубым пламенем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ: ЧУДОВИЩЕ

Прессина не была одна. С ней было меньше последователей, чем раньше, но остались опасные. Они уже не были полупрозрачными, они были с шипастыми щупальцами и острыми клыками.

Крича, Прессина приказала нападать:

— Разделите их!

Они помчались к нам, я встала перед мамой и подняла камень. При виде его отряд разделился. Их смятение стало сильнее, когда морская звезда с шипами и дельфины с зубами акул бросились на них.

— Мы задержим их, — крикнула морская звезда. — Прессина остается тебе.

Они не только задерживали отряд. Странной высокой мелодией они отгоняли последователей Прессины, а потом преследовали. Вскоре друзья и враги пропали из виду.

Я думала, Прессина защитит их. Но она набросилась на нас.

— Я сама разберусь с вами.

Я подняла камень, насколько позволяла цепочка.

— Коснешься нас и умрешь.

— Коснусь? — Прессина рассмеялась. — Зачем мне это?

Она была вне досягаемости и запела низкую мелодию. Ее тело вспыхнуло, полетели голубые молнии.

— Оставайся за мной! — крикнула я маме. Одо говорил, что, пока я с камнем, магия Прессины не убьет меня. Но она могла убить маму, а Прессина в нее и целилась.

Молнии стали такими быстрыми и большими, что мое тело пылало, я не могла перевести дыхание, но стояла между Прессиной и мамой. Я верила, что каждая молния забирала силу Прессины, которую она не могла тратить бесцельно, ведь уже не черпала магию мамы.

Но и моя сила проверялась. Молнии не убивали меня, но было все сложнее двигаться вслед за кружащей Прессиной, чтобы перехватить удары. Была и другая проблема: пока я защищала маму, я не могла атаковать Прессину. Чем ближе она подходила, тем сильнее были молнии, но она старалась оставаться вне досягаемости.

Осмелюсь ли я снять камень и бросить в нее? Если я попаду, то буду в опасности лишь на время броска. Я схватилась за цепочку.

Мама увидела, что я делаю.

— Нет, — прошептала она, касаясь моей руки. — Не надо. Слишком опасно.

— Я должна что-то сделать, — я опустила руку и поймала следующую молнию. Она врезалась в меня, тело горело.

Мама прошептала за мной:

— Я не могу это терпеть.

Я не оглядывалась, следя за Прессиной.

— Все хорошо, мама. Позаботься о себе.

— Я не хочу тебя задерживать, — раздался всхлип, и она запела то, что я не узнавала.

Песня была странной, неземной.

Мое сердце сжалось. Что она делала? Сдавалась Прессине?

— Мама, нет!

Я следила за Прессиной и потянулась к маме, но коснулась чего-то тонкого и скользкого. Через миг песня оборвалась, я ничего не нащупала.

Прессина тоже была потрясена. Я видела, как расширились ее глаза.

— НЕТ! — она бросилась влево от меня, целясь в маленькую морскую змейку, ползущую к дыре в каменной стене.

Я была поражена. Это была мама?

Я прыгнула, ловя удар Прессины, и змея скрылась за камнем.

Прессина издала вопль ярости. Помня совет мамы, я не пыталась бросить камень. Не было необходимости. Атака Прессины на змею заставила ее приблизиться сильнее, чем раньше. Мама была в безопасности, и мне было нечего терять. Я бросилась на Прессину, вытянув камень.

Она видела меня. С воплем она взмыла вверх, и я осталась одна в пещере.

Куда она отправилась? Что сделает дальше?

Я осмотрела просторную пещеру, поворачивала голову в напряжении. Проходов было очень много, я не могла проверить все, и Прессина могла появиться из любого. Она могла прятаться где-то в дальних проемах...

Я снова огляделась, и мое сердце чуть не остановилось. Нат выглядывал из одной из верхних пещер. Он прижал палец к губам, прося меня молчать, и пропал в пещере.

Это был Нат?

Или Мелисанда?

БАМ!

Молния попала в меня сзади. Пошатнувшись, я повернулась и увидела Прессину в проеме надо мной. В ее щупальцах была маленькая змейка.

— Теперь мы повеселимся, — проворковала она. К моему ужасу, она сжала змейку. Та вскрикнула, как человек. Еще раз, и мама застонала.

Прессина посмотрела на меня, смеясь. Она знала, что я не достану до нее. Она склонила голову к змейке и сдавила снова. Я сняла камень и бросила в нее.

Рев музыки охватил меня, я увидела, как камень ударил ее в живот. Идеальный бросок. Прессина бросила змейку и схватила камень...

...и стала Мелисандой.

Я закричала.

У Мелисанды был мой камень, и она была слишком далеко от меня.

Хуже было то, что змейка пела зловещую мелодию, что окутывала меня. Я слышала эту песню от мамы и других существ, когда они менялись. Только она звучала громче и сильнее для меня без камня.

Это была песня изменения, но пела не мама. Это была Прессина.

Змейка поднялась, лицо Прессины смеялось надо мной. Зеленое тонкое тело под ее

головой удлинялось, расширялось, появлялись когти.

Сзади раздался вопль мамы:

— Не дай ей взять твою кровь, Люси! Не дай захватить тебя. Меняйся!

Меняться. Таким был приказ мамы. Он был в песне в эфире вокруг меня. И моя голова уже не кружилась от дикой магии, я слышала песню. Одо был прав, эта песня была всюду, затмевала все остальное, растекалась бесконечными ручейками. Но как найти начало песни? Как выбрать, кем стать?

Змейка бросилась из пещеры ко мне, напевая со смелостью. Мама не просто подсказывала музыку, она показывала верные ноты и эмоции. Одо говорил, что для магии они использовали эмоции. До этого я не понимала значения этих слов. Следуя примеру мамы, я стала изменяться. Мои руки стали короче, ногти удлинились. Ноги соединились, тело извивалось.

Мама тоже менялась. Она становилась все больше, по ней можно было попасть. С ревом Прессина бросилась к ней, полетела молния.

Мама сгорела, как Одо. Ее змеиное тело упало на пол, неподвижное, обгоревшее, безжизненное.

Она была мертва. Прессина повернулась ко мне, я издала вопль горя и ярости. Мама!

Но вопль звучал странно, песня мамы уже изменила меня. Как и Прессина, я стала большой, опасной и зеленой. Мои чешуйчатые руки заканчивались когтями. Я была змеей, морским драконом, чудовищем.

Прессина бросилась ко мне, вытянув когти. Несмотря на горе, мое тело знало, что делать. Горе и гнев делали меня сильнее. Хотя я была чуть меньше Прессины, я была быстрее. Я пригнулась и промчалась мимо нее.

Пара вдохов, и она снова бросилась на меня. В этот раз я взмыла наверх, избежав удара острыми длинными когтями. Я летела у стен и увидела внизу Мелисанду, прижимающую к себе мой камень, она следила за боем из проема, откуда они с Прессиной обманули меня.

Могла ли я забрать у нее камень. Я потянулась к нему, но она заметила меня и отпрянула в пещеру. Она собиралась уничтожить мой камень?

Я пыталась увидеть, но Прессина направилась ко мне. Я едва уклонилась, теперь преимущество было у нее.

Она преследовала меня по пещере. Шли минуты, и я понимала, что становлюсь умелее, или она уставала. Расстояние между нами увеличивалось. Но я не видела способа победить без камня. Я увильнула от Прессины и попыталась заглянуть в пещеру и узнать, у Мелисанды ли мой камень.

Увиденное потрясло меня. Нат боролся с Мелисандой у озера синего огня.

Это был настоящий Нат? Скорее всего. Вряд ли кто-то стал бы принимать облик Мелисанды.

Надежда охватила меня, а потом страх. Прессина не должна увидеть его. Чтобы отвлечь ее, я бросилась в другую часть пещеры. В этот раз я не избегала ее атак. Я задела ее бок и пустила кровь.

Мои когти были острее, чем я ожидала. Прессина взвыла и опустилась на пол. Я открыла огромную рану, и она пульсировала кровью. На миг я подумала, что покончила с ней.

Но нет. Я приблизилась и увидела огонь в ее глазах. Она бросилась на меня. Она просто баюкала рану.

Держась подальше от ее зубов и когтей, я взмыла вверх. Нат пытался забрать мой камень у Мелисанды. Хотя он был сильнее и больше, его бледность пугала меня. Они были у края пещеры Мелисанды. Я боялась, что Нат упадет. Я помчалась к нему, но он перекатился, и упала Мелисанда, задела стены пещеры, рухнула на землю головой.

— Дура! — кричала Прессина. Мелисанда не отвечала. Она застыла, тело было искажено.

Мой камень был в руках Ната. Он стоял на краю пещеры и держал, широко раскрыв цепочку.

Мои когти были острыми, нельзя было ошибиться. Я резко замерла возле Ната и увидела ужас в его глазах. Хотя он помогал мне, он боялся моего вида. Выражение его лица говорило яснее слов: «Ты — чудовище».

Зацепив кончиком маленького когтя цепочку, я забрала кулон. Гнев, горечь и боль бушевали во мне. Я получила камень, но какой ценой? Теперь я была монстром не только в глазах мира, но и в глазах Ната.

Внизу рычала Прессина. Я подавила боль. Важно было только победить. Я опустилась вдали от нее, извернулась и надела кулон. Этого хватило. Как только камень скользнул по моей коже, он защитил меня, закрыл от шума. Я снова стала человеком.

Я была маленькой, но ощущала драконью ярость, торжествующе смотрела на Прессину. Она не могла захватить меня, пока я была с камнем. Ее молния не могла меня убить. Она не могла летать, она истекала кровью на полу. Я почти победила.

И в этом ошиблась.

С ревом Прессина бросилась вверх. Не на меня, а на Ната. Она поймала его когтями и опустилась на землю в двадцати футах от меня.

— Ударить меня камнем, и он умрет со мной, — прошипела Прессина.

Нат боролся, но не мог освободиться. Я застыла, обхватив рукой камень.

— Сомневаешься? — она крепче сжала Ната. — Я легко убиваю, уж поверь. А меня убить не так просто, — она напевала песню изменения, удлинялась, становилась тоньше, меняла цвет, пока ее не стало сложно разглядеть на фоне стен пещеры. Было четко видно только ее желто-зеленые глаза, змеиный язык и кольца, обвивающие Ната. — Брось камень. Но попадешь ли ты?

Я смотрела на нее и боялась шевелиться. Как я могла попасть вот так? И что будет тогда с Натом?

Тяжело дыша, Прессина смотрела на меня змеиными глазами.

— Что, притихла? Твой язык все еще змеиный? — она рассмеялась. — Предлагаю обмен на его жизнь.

Нат повернул голову и пытался говорить. Она закрыла хвостом его рот.

— Да, сделку, — сказала Прессина. — Немного споешь для меня, и твой друг свободен. Мы отправим его в мир невредимым.

Мы уже это проходили.

— Если я соглашусь, ты утопишь мир, используя меня. Он все равно умрет.

Прессина замерла, а потом издала смешок.

— Да, боюсь, так и выйдет. Могу предложить другие условия. Этот друг ведь тебе не просто друг?

Мое сердце колотилось.

Она смотрела то на меня, то на Ната, сузив глаза.

— Ты любишь его, но он не любит тебя. Ему не нравится твоя магия, он боится, что ты — чудовище. Так говорят в твоём мире. Мне рассказала Мелисанда.

Мои щеки пылали.

— Думаешь, я не знаю, как это? — тихо сказала Прессина. — Любимый называл меня чудовищем. Но в моём мире у меня есть сила изменить это. Я могу заставить его полюбить тебя.

Не слушай. Не слушай.

Но ее шелковый голос уговаривал:

— Спой для меня, Певчая, и я сберегу его для тебя. Дам тебе слово. Мне нужно немного твоей силы, чтобы закончить работу, а потом я обещаю дать тебе то, что ты хочешь. Он забудет верхний мир, будет заботиться только о тебе. И вы будете счастливы, куда счастливее, чем могли быть на Земле.

Я пыталась закрыть уши, но голос манил слишком сильно. Я невольно представляла, как Нат меня любит, и мы вместе...

— Зачем тебе Земля? — прошептала Прессина. — Люди не доверяют тебе. Они ненавидят и боятся тебя. Ты не оттуда. Только здесь ты можешь быть счастлива. Только здесь он тебя полюбит.

Я кивала. Но потом я увидела глаза Ната, огромные и злые. Я испуганно застыла. Даже если Прессина говорила правду, как я могла пожертвовать волей Ната, его разумом, жизнями всех на Земле, чтобы получить любовь? Даже не любовь, а ее дешевую имитацию.

Прессина увидела только кивок.

— Да-а-а-а. Верно, Певчая. Снимай камень, спой для меня, и ты будешь счастлива.

Я кивнула. Пальцы нащупали цепочку и потянули. Выбор был ужасным, но я приняла решение.

— Да-а-а-а, — показался змеиный язык, кольца ослабили хватку.

Сорвав кулон, я закричала:

— Прыгай, Нат! — Дикая магия обрушилась на меня, я пела песню изменения изо всех сил и бросила камень в Прессину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:

УЙТИ

Прессина извернулась, Нат прыгнул, а я изменила песню, я меняла не себя, а камень. Я вложила в пение весь свой гнев, всю ярость, всю любовь к Нату, и камень рос, чтобы вместить все. Он полетел в Прессину, будучи размером с булыжник, увернуться от него не получилось бы.

Она взорвалась с визгом, что заглушил Дикую магию. От взрыва содрогнулась пещера. Нат все еще был в ее плену, он отлетел в вихре чешуи.

Камни падали с гудящих стен, я звала Ната. Я убила и его?

Вихрь отпустил его, он упал на пол пещеры. Уклоняясь от камней, я бежала к нему, но я запнулась и упала. Я нащупала свой камень, маленький, тусклый, на нем было еще больше трещин, но он все еще был единым и на цепочке.

Я надела кулон, но он не заглушал музыку, а я уже привыкала к ней. Хоть я ее не понимала, голова уже не кружилась.

Я поднялась на ноги и поспешила к Нату. Он был без сознания, в ожогах и синяках,

конечности торчали под странными углами. Я заплакала. Он еще дышал, но надолго ли?

Я озиралась, пытаюсь понять, чем помочь ему. Я увидела тело змеиной змейки, маму. Мелисанду было едва видно под камнями. Одо был у камня, где стояла мама...

Смерть. Смерть была всюду.

А потом пение.

Музыка полилась из пещерок и проемов. Я не понимала фразы, но ее настроение и темп были не такими, как у отряда Прессины.

Вскоре в пещеру ворвались морская звезда, акулы и кальмары, они танцевали вокруг меня радугой цветов. Вскоре все место мерцало яркими существами, они меняли цвета, полосы и точки.

— У тебя получилось! — кричала стайка рыбок.

— Ты убила Прессину!

— Ты освободила нас!

— И мы помогли, — гордо сказало существо с зубами акулы. — Мы одолели остальных.

— Последние сдались со смертью Прессины, — сказал мне кальмар. — Без ее магии, направляющей их, они забыли, зачем сражались с нами.

Рыбки радовались.

— Но ты не рада, — морская звезда подплыла ко мне. — Ты печальна?

— Мой друг умирает, — я указала на Ната, давась словами. — Мама умерла, и Одо...

— Тише, — сказала морская звезда. Она пролетела надо всеми павшими, даже Мелисандой, и вернулась ко мне. — Под камнями мертва, как и Одо. Боюсь, твоя мама тоже.

Мое сердце сжалось.

— Но твой друг еще не умер, — сказала морская звезда. — Нужно что-то сделать для него.

— Мы можете? — спросила я.

— Мы попробуем, — сказала она. И запела.

Песня молнией передавалась от существа к существу. Вскоре вся пещера пела. Мелодия надежды сжала мое сердце, как и вид существ, окруживших Ната, словно одним присутствием они могли передать ему свою силу.

Был ли шанс спасти его? На Земле — нет. Но здесь, может, надежда оставалась.

Я запела с ними.

Музыка кружила по комнате, и начало изменение. Но не в поющих, а в тех, кто лежал. Синяки и ожоги Ната пропали. Конечности выпрямились. Но музыка утихла раньше, чем он задвигался или заговорил.

— Не останавливайтесь, — попросила я.

Морская звезда помахала уголком.

— Мы сделали все, что могли, Певчая. Ему сложно быть в Глубинах. Стражи, что помогли ему сбежать, говорят, что ему было сложно двигаться в эфире, и он ранен. Если хочешь, чтобы он исцелился, забирай его в свой мир.

Золотая рыбка шепнула мне:

— Нет гарантии, что он исцелится и в твоём мире. Он очень слаб. Но там ему будет лучше, чем здесь.

— Как мне забрать его туда?

— Мы поможем тебе пройти стену между мирами, — сказала морская звезда. — Остальное будет зависеть от тебя. Но нужно спешить. Песня твоей мамы уже не сдерживает

брешь в стене, и она сужается. Вскоре вы не сможете пройти. Идем!

Пока звезда говорила, два угря, нежно напевая, подхватили Ната большими плавниками и понесли.

Я развернулась.

— Но моя мама...

— Мы упокоим ее и остальных песней, — нежно сказала морская звезда. И некоторые существа запели странную и сладкую песню, от которой у меня снова потекли слезы.

Мама вернулась в человеческий облик, ее тело пострадало, но лицо было спокойным.

Ожоги Одо исчезали, он весь исчезал. И теперь исчезала и моя мама...

— Погодите, — я подбежала к ней. Я едва видела ее щеку, но опустила, поцеловала ее и ощутила ее кожу, нежную и холодную под моими губами. На миг мы снова были вместе. А потом музыка стала выше, и она пропала.

Я плакала, но морская звезда звала, я была нужна Нату. Я взяла звезду за уголок, и мы поспешили по коридору, угри несли Ната за нами. Бледно-зеленый свет становился темнее: темно-зеленым, цвета мха, черным.

Мы остановились, и морская звезда указала на темный проем перед нами.

— Здесь стена тоньше всего, дыра старее всего. Пронесешь его?

— Как? — спросила я.

— Просто держи за руку, — сказала морская звезда. — Этого хватит.

Я обхватила ладонь Ната, он не отвечал.

— Готова? — спросила морская звезда.

Я замешкалась.

— Теперь все зависит от меня?

— Да, — сказала звездочка. — Наберись смелости. Слушай!

Я закрыла глаза. Из темноты доносился звук знакомой Дикой магии. Она звала меня домой.

— Спасибо, — сказала я звезде. — Спасибо всем вам. Я готова.

Я запела. Вдруг зеленый свет пропал, и мы оказались в холодном соленом море.

Мы поднимались, я думала только о руке Ната в моей, о Дикой магии на моих губах. Мы были под водой, но на мои легкие это не влияло, и я словно могла петь вечно. Но Нат становился все тяжелее. Вскоре стало сложно держать его за руку.

А если мне не хватит сил вытащить его? А если он уже мертв?

Пой. Не отпускай.

Мы двигались вверх, но становилось все тяжелее. Как только я подумала, что хуже уже некуда, рука Ната выскользнула.

Я поймала его пальцы. Я не отпускала. Но это забирало много сил, я уже не могла думать о пении. Я едва издавала звуки, мы едва двигались.

Я почти сдалась, когда Нат сжал мои пальцы.

Он был жив!

С новыми силами я принялась за песню. Мы оказались на мелководье. Свет проникал сквозь воду. Наши головы оказались над волнами.

Я видела небо.

И песок.

Я не могла больше петь, но это было не важно. Волны несли нас. Я дышала воздухом и поддалась потоку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ

Позже мне сказали, что нас с Натом выбросило на берег Темзы, где нас спасли рыбаки. Я была так слаба, что меня несли, как и Ната.

На следующий день мне уже было лучше. Но не Нату. Он лежал без движения в самодельном лазарете, едва дыша.

Лазарет был во дворце святого Джеймса в Лондоне, куда король переместил двор, когда опасность потопа миновала. Хотя он был не так высоко, как Корнхилл, он был больше и дальше от Темзы, так что пострадал меньше Уайтхолла и Тауэра.

Этой ночью мы с Норри и Пеннебриггом были на дежурстве, пока остальные приходили и уходили. Мы жгли свечу за свечой, чтобы не упустить движения, даже малейшего, что дало бы нам надежду.

Чуть раньше я, еще в кровати, изложила подробности боя с Прессинной королю. Я хотела, чтобы он знал, что потопа не будет, что можно все чинить. Теперь, когда остальные ушли, а свечи горели, я рассказала Норри и Пеннебриггу больше о том, что видела в Глубинах.

Они рассказывали, как справлялся наш мир, пока меня не было. Судя по отчетам, от волны пострадал только Лондон. Я боялась, что утонет весь город, но эвакуация и моя магия ветра уменьшили ущерб от волны. Погибших считали сотнями, а не тысячами, почти все здания в городе выстояли.

И все же волна навредила многим. Хотя Темза теперь была в своих берегах, дома были погребены в иле. Вещи людей были разрушены или уплыли. Причалы пропали, и припасы теперь доставляли телегами.

Но жители уже начали отстраиваться.

— Они только об этом и говорят, — сказала Норри. — Некоторые скорбят, но остальные хотят жить.

— Всюду люди приводят дома в порядок, — сказал Пеннебригг. — Порой ущерб не так плох, как кажется на первый взгляд. Я был вчера в своем доме, нижние этажи в ужасном состоянии, но чердак остался целым — книги, приборы, часы. Я даже нашел там запасные очки, и они так же хороши, как старые, — он коснулся их и зевнул.

— Вы долго не спали, доктор Пеннебригг, — сказала Норри. — Вам стоит прилечь.

— Я не могу оставить мальчика, — сказал Пеннебригг, но снова зевнул.

— В комнате рядом с этой есть кровать, — сказала Норри. — Займите ее, а мы с Люси поспим позже. Нату потребуется забота, так что нам лучше сидеть рядом посменно.

Пеннебригг все-таки согласился. Он ушел, и Норри сказала:

— Он совсем себя не жалеет.

Я кивнула, но не сводила взгляда с Ната. Через пару минут я сказала:

— Он моргнул?

Норри склонилась.

— Возможно.

Я часами держала Ната за руку. Теперь я сжала его ладонь.

— Нат, ты нас слышишь?

Ответа не было.

Я пыталась снова и снова, пока Норри не остановила меня.

— Только силой воли его не вернешь. Вот если бы ты помогла ему магией...

— Нет, — исцелением я не владела. Я отпустила его руку и отвернулась, терзаемая тревогой. — Я ничего не могу для него сделать.

Норри коснулась моей ладони.

— Дитя, не оставляй надежду. Что бы ни случилось, не вини себя.

— Но я подвела его, Норри. Я не вернула нас достаточно быстро. И не защитила от Прессины, — мои ногти впились в ладони. — Я подвела и маму. Если бы я была быстрее...

— Тише, дитя, — Норри обняла меня. — Ты старалась. Это все, что ты могла сделать.

— Но я подвела ее. Подвела их обоих. Если и он умрет...

— Не говори так! — Норри обняла меня крепче. — Он столько продержался, Люси. Это что-то значит. Как и твоя мама, я не вижу тут твоей вины. Ты спасла ее из ужасного плена.

— Но она умерла, — слезы жалили глаза.

— Да, — Норри отодвинулась и убрала волосы с моего лба. Она редко плакала, но в тусклом свете огня я видела, что и она плачет. — Мы все хотим, чтобы было не так. Но послушай, дитя. Твоя мама хотела знать, что уберегла тебя, она увидела тебя еще раз. Ты дала ей это, — она обняла меня снова. — Ты дала ей это.

Огонек против черного отчаяния. Но я должна была держаться за него, за него и за надежду, что Нат выживет.

† † †

Прошел еще день, Нат не просыпался. Час за часом я была рядом с ним. К моему удивлению и облегчению, король не вызывал меня, как и остальные.

Я осталась одна и сидела рядом с ним, Норри и Пенебригг переживали, что я сама еще не до конца восстановилась. Настояв, чтобы я отдохнула, они отправили меня в комнаты, что выделили Норри, напротив лазарета.

А потом ко мне пришла Сивилла.

Мягкой шерсти на ней было больше шелка, она крепко обняла меня и посмотрела с сочувствием.

— Мне очень жаль, Люси. Из-за твоей мамы, из-за Ната...

Я скривилась, и она сменила тему.

— Когда ты в последний раз ела?

— Не помню...

— Тогда мы тебя накормим. Тебе нужны силы, — она порылась в шкафчике с едой, а потом усадила меня с холодным мясным пирогом, который Норри приберегла, когда я не стала его есть — Поешь.

— Не могу, — я слишком переживала за Ната.

Сивилла тепло посмотрела на меня.

— Пока есть жизнь, есть надежда, Люси. Я видела, как на этой неделе люди чудом восстанавливались. А тебе нужно поесть. Я не уйду, пока ты не поешь.

Я взяла кусочек, а она рассказала, как приходили в себя жители. Она скромничала насчет своей роли в этом, но я все понимала между строк. Она творила чудеса. С помощью Джоан и отряда добровольцев она получила несколько благородных домов и земель в высоких частях Лондона и нашла убежище для всех, кто его просил.

— Порой комнаты были слишком заполнены, — призналась она, — но это не беда. У всех каждый день есть суп, а порой и хлеб с элем.

— Им повезло, что есть ты, — сказала я, считая, что и мне с ней повезло.

Сивилла покраснела.

— Не знаю, но так приятно быть полезной. Я сказала Генри, что после всего этого не вернусь к старой жизни. Я знаю, какой королевой хочу быть, — она посмотрела на меня с решимостью. — И ничто меня не остановит.

Я улыбнулась впервые после того, как вернулась из Глубин.

— Хорошо.

— А ты? — Сивилла стала нерешительной. — Я говорила Генри, что он должен дать тебе время прийти в себя, Норри и доктор Пенебригг говорили так же. Он отдал приказ не беспокоить тебя.

Потому меня никто не вызывал.

Сивилла продолжала:

— То, через что ты прошла, ослабило тебя, и я уверена, что твоя магия не сразу вернется в полном размере. Но ты нужна городам, Люси. Как только ты сможешь...

Я посмотрела на стол и недоеденный пирог. Моя сила еще не вернулась полностью, но быстро прибывала. Я могла колдовать. Но я не хотела давления, не могла оставить Ната. Но как я могла это сказать. Я была Певчей, и это оставляло мало места для жизни человека, даже с такой подругой как Сивилла.

Молчание затянулось, Сивилла коснулась моей ладони.

— Приходи, когда сможешь. Я прошу только этого, — сказала она с состраданием, и я поняла, что она о многом догадалась. — Боюсь, теперь мне нужно идти. Мне нужно увидеть Генри.

— А мне Ната, — сказала я.

На лестничной площадке Сивилла быстро обняла меня.

— Знаю, ты через многое прошла Люси. И Нат тоже. Но я рада видеть, что эти ужасы свели вас вместе.

Я потрясенно посмотрела на нее. Она думала, что я вела себя так поэтому? Другие тоже так думали? Это было больно, но я должна была все исправить.

— Мы не вместе, Сивилла. Нат выбрал леди Клеменс.

Ее ладонь в перчатке взлетела к губам.

— Клеменс? Ты уверена?

— Да, — мое сердце сжалось, я вспомнила их на лестнице. — Это случилось до огромной волны. Габриэль рассказал мне.

— Нат подтвердил?

— Я не смогла спросить. В Глубинах мы... не смогли поговорить.

— Тогда это может не быть правдой.

— Даже так у нас нет надежды, — заявила я. — Не всему суждено быть.

Ты — чудовище.

Сивилла, казалось, хотела задать вопросы, но не осмелилась.

— Леди Клеменс не приходила к нему, насколько я знаю, — продолжила я. — Но...

— Она не здесь, — тихо сказала Сивилла. — Ее сестра пострадала от волны, и Клеменс ухаживает за ней в поместье отца в Суссексе.

Потому она не приходила. Может, сейчас она надеялась вернуться в Лондон к Нату.

— Она ничего не говорила о Нате до этого? — спросила я.

— Нет, но я видела ее в тот день лишь на миг, а потом ударила волна. Она попросила моего позволения уехать к сестре. Мы не говорили о другом. Все было в хаосе, — Сивилла

покачала головой. — Половина фрейлин оставила меня в тот день, но это к лучшему. Теперь я знаю, на кого могу положиться.

Колокол вдали пробил час.

— О, Люси. Прости, но я не могу остаться. Генри будет ждать...

— Все хорошо, — я пошла по ступенькам. — У нас обеих есть дела.

Я пошла к Натю, не позволяя себе думать о Клеменсе.

† † †

Я постучала в дверь, и Пеннебригг не сразу открыл ее.

— Ах, — он отодвинулся, поправляя шляпу над уставшим лицом. — Заходи, милая. Заходи. Норри пошла за королевским лекарем, чтобы узнать, что еще можно сделать. Думаю, есть надежда, что он поправится.

Его голос звучал бодро, я давно этого не слышала.

— Что-то случилось? — спросила я, закрыв за собой дверь.

— Нат отвечал мне, — сказал Пеннебригг, подавив восторг. — Всего полчаса и очень слабо. Он повернул голову ко мне. И все. Но это уже обнадеживает, да?

— О, да. Можно его увидеть?

— Конечно, — он провел меня за ширму, где была кровать с Натом. — Я подумываю разминать за него конечности — сгибать пальцы и подобное. Сэр Барнаби приходил и предложил мне это. Он видал случаи, когда от нехватки движения ослабевали мышцы. Мы же не хотим этого?

— Нет, нет, — сказала я, но лишь отчасти слушала. После слов Пеннебригга я надеялась увидеть Ната сильнее, похожего на себя. Но он выглядел так же, как утром. Его ноги не двигались под стеганым одеялом, его кожа была бледной на скулах.

— Поговори с ним, — предложил Пеннебригг. — Поговори, как обычно. Может, он ответит.

Я обхватила любимые пальцы.

— Нат? Это Люси.

Он отдернул руку.

Пеннебригг испугался.

— Он так еще не делал. Попробуй еще раз.

Я вложила ладонь в его, в этот раз осторожнее.

— Ты меня слышишь, Нат?

В этот раз он не только отдернул руку, но и все его тело задрожало.

— Нат, все хорошо. Это всего лишь я.

Он задрожал сильнее. Его глаза были закрыты, но на лице проступила паника.

— Отойди, милая, — Пеннебригг оттащил меня от кровати. — Идем.

Мы ушли за ширму, и он сказал:

— Должен сказать, я не ожидал такого.

Как и я. Мои руки дрожали.

Пеннебригг заглянул за ширму.

— Уже в порядке, но я бы не хотел проверять еще раз. Это опасно для вас обоих. Для всех нас.

— Понимаю, — сказала я. — Я приду в другой раз.

Пеннебригг замешкался.

— Думаю, тебе лучше не приходить какое-то время, милая. Может, твой голос

напоминает ему о страданиях в королевстве Прессины. Думаю, его лучше пока не беспокоить.

Я не сказала то, что хотела. Я посижу в углу, тихо, как мышка. Только бы рядом с ним. Но даже это могло повлиять на Ната. Может, я могла только держаться подальше. — Да, — выдавила я. — Верно. Если он позовет меня, тогда я приду. Не раньше. Я вышла в коридор, прижимая ладони к пылающим глазам. Ты — чудовище.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Я не могла спать после этого. Не могла есть. Я была потеряна. Всю ночь и следующий день я не выходила из наших с Норри комнат. Я отказывалась видеть людей. Я не могла никому показывать свое лицо. Я уже не хотела жить.

Ты — чудовище.

Сначала Норри не переживала. Она узнала о реакции Ната от Пенебригга и подумала, что я просто решила сделать перерыв. Она хотела, чтобы я отдохнула. Но, когда она увидела круги под моими глазами, поняла, что я не спала, и встревожилась.

— Не принимай это близко к сердцу, милая, — сказала она, я слепо смотрела в окно. — Больные пациенты бывают странными. Это ничего не означает. Попробуй поговорить с ним завтра.

— Пенебригг думает, что мне не стоит приходить, — мой голос звучал мертво даже для меня.

— Тогда поговори послезавтра. Мне обсудить это с Пенебриггом?

— Нет. Он прав, — я заставляла себя говорить. — Просто не будем об этом.

Норри замолчала на миг, а потом положила ладонь на мое плечо.

— Не будем, если ты этого хочешь. Но тогда сделай кое-что для меня. Надень сапоги и плащ, тебе нужно на свежий воздух. Ненадолго. Но тебе нужно сделать это.

Я слышала такой тон Норри раньше, но это было давно. Когда я была маленькой и горевала по маме, она говорила со мной с этой смесью доброты и твердости. И я всегда слушалась, как послушалась и сейчас, несмотря ни на что.

Пять минут спустя я шла по дворам дворца. Я шла и шла, как фигурка на часах, что шагала по проделанному для нее пути, не видя и не чувствуя.

Но за стенами дворца ко мне сразу кто-то подбежал.

— Вы же Певчая? — девочка. Маленькая, потрепанная, но смелая, как воробей.

Я заставила себя кивнуть.

— Я же говорила? — сказала она другому ребенку, еще меньше и потрепаннее, стоящему за ней. Она радостно повернулась ко мне. — Я знала, что вы придете. Что вы поможете нам с домом.

Я присмотрелась. За радостью было нечто, похожее на отчаяние. И отчаяние было глубже, чем мое.

— С домом? — повторила я.

— Мама и папа не могут его спасти, — ее голос задрожал, отчаяние я увидела верно. — Грязь выше меня, они пытались убрать ее, и стена рухнула. Нам негде жить.

Стена. Мне нужно было ее починить. А ребенку был нужен дом.

Я могла что-нибудь сделать с этим.

— Певчая?

Я глубоко вдохнула и заставила себя выпрямиться. Может, я не была нужна Нату, но были те, кто нуждался во мне.

— Покажи, — сказала я девочке и протянула ей руку.

† † †

Неделю спустя я стояла на северном краю Лондонского моста и смотрела на его разбитый край. Далеко внизу блестела в свете вечернего солнца Темза, полная небольших судов и лодок, которые люди спасли от потопа.

Было сложно поверить, что эта река разбила мост. Но не река была виновата.

— Так вы видите проблему, Певчая, — король опустил ладонь на деревянные перила, что установили, чтобы люди не упали. — Трещины в оставшихся частях моста можно легко залатать, но, чтобы соединить две части моста, нам нужно погрузить новые опоры. Мы хотим установить их быстрее, до зимы. Сможете сдерживать воду, пока мы это делаем?

Я послушала Темзу перед ответом. В ее музыке было много струн. Она могла быть требовательной, мирной и озорной одновременно. Но с моего возвращения я не слышала ни одной опасной ноты.

— Да, — сказала я королю. — Конечно, я могу сдержать для вас воду.

Сэр Кристофер Линнет рядом с нами оторвал взгляд от большой книги, где он набрасывал планы. Король назначил его ответственным за восстановление, и эта книга всегда была с ним.

— Раз вы оба здесь, мы могли бы обсудить некоторые проекты...

— Нам нужно сосредоточиться на важном, Кит, — предупредил его король.

— Да, да, — закивал сэр Кристофер. — Мост, обмен, место для сбора парламента. Это здесь. Но будет глупо игнорировать другие возможности...

Я посмотрела вверх реки на низкий Саутуарк и на Уайтхолл и Вестминстер за изгибом реки. Столько разрушений, но и возможности были большими. Нам нужно было открыть Парламент через три месяца, но потоп дал нам повод увеличить традиционные залы Вестминстера. Мы решили отстроить город прочнее и сильнее.

Даже Габриэль, оправившийся от раны, работал, не покладая рук, к восторгу оставшихся фрейлин. Хотя он был холоден со мной, я слышала, как он заигрывал с ними. Было приятно знать, что мой отказ не разрушил его веселый нрав.

Я еще не была готова к веселью, но хотя бы шагала дальше. Порой меня терзали мысли, что Нат отдалился от меня, он все еще не восстановился, хотя прошла неделя. Но я была нужна Лондону, и это не позволяло мне снова погрузиться в отчаяние. День за днем я помогала возвращать Лондон к жизни.

И жители ценили мои дела. Они не поднимали железные крестики, а радовались даже из-за пустяков — высушить подвал, укрепить стену, достать колесо телеги из реки. Их доброта придавала мне сил.

— Мы уже многое сделали, конечно, — сказал сэр Кристофер, листая книгу планов. — Но, чем просто отстраивать город, я предлагаю видоизменить его. Нужно воспользоваться шансом. Например, этот мост, — он протянул один из своих набросков. — Мы можем просто заменить недостающее, конечно. Но можно построить совершенно новый мост, в итальянском стиле с изящным строением...

— Обсудим это позже на Совете, — твердо сказал король. — Но я не уверен, что это

признают необходимой работой, Кит.

— Смотря что под этим понимать, — возразил сэр Кристофер. — Этот мост будет красивым. На века. Кстати, Ваше величество, собор святого Павла тоже нужно отстроить. Строеие было неустойчивым изначально, но теперь, подозреваю, потоки ослабили фундамент. У меня есть рисунки...

— И я хотел бы увидеть их позже, — сказал король. — Сейчас есть нечто важнее, что я должен обсудить с Певчей.

Сэр Кристофер возился с книгой набросков, а король поманил меня за собой по мосту.

— Вы очень постарались для нас в Лондоне, Певчая. Но и другие части королевства сильно пострадали от потопа. Конечно, здесь ущерб хуже всего, но теперь ситуация улучшается, и я бы хотел отправить вас в путешествие по берегу...

— По всему?

— Если возможно. Восстановите все, что можете. Конечно, нам нужно будет, чтобы вы вернулись в Лондон починить мост и подготовиться к открытию Парламента. Как только это будет закончено, вы сможете вернуться в путь. Этот случай показал все наши слабости в защите, и я думаю, что работы вам хватит на всю зиму и весну. Может, на весь год.

Он возвращал меня в путь. Я буду снова в движении, снова одинока. Сердце сжалось от мысли. Но, может, мне была доступна только одинокая жизнь. Может, только на это я и могла надеяться.

Но что-то во мне восстало.

— Ваше величество, — тихо сказала я. — Думаю, я столько не выдержу.

Он посмотрел на меня с испугом в красивых голубых глазах под медными волосами.

— Что?

— Я не смогу сделать это, — сказала я тверже. — Я посвятила себя службе королевству, что и делаю. Я хочу помогать. Но я не могу выполнить всего, что вы просите.

В Глубинах эмоции были источником силы. Может, они могли быть такими и в этом мире, если я перестану подавлять их, а отнесусь честно. Я не меняла облик. Но с каждым словом я ощущала, как все больше становлюсь собой.

— Я была в дороге полтора года, я устала, — сказала я. — Норри стареет, а я так мало ее вижу. Я хочу починить дом Оделин, пока он не развалился. Обещаю, я отправлюсь в места, где нужна больше всего. Но я не могу побывать всюду, я не могу быть в пути весь год. Больше не могу. Простите, но это так. Я — Певчая, но я и человек.

Король не злился и не расстраивался. Но выглядел смиренно, словно ожидал от меня этих слов.

— Жаль это слышать, Певчая, врать не буду. Но не могу сказать, что меня не предупреждали. Уолбрук часто говорил мне, что я слишком полагаюсь на вашу магию, что будет лучше, если мы будем применять ее реже. Пенебригг тоже так говорил. И Сивилла боялась, что вы пострадаете, столько работая, — он вздохнул и печально улыбнулся. — Я не могу обещать, что оставлю вас в покое, мы нуждаемся в вас. Но обещаю, что буду продумывать, нужно ли приглашать вас. Нам нужно научиться полагаться на себя.

Словно тяжкий груз сняли с моих плеч, и теперь мне было проще понять, что я могу дать.

— Я все еще хочу помочь, — сказала я королю. — Я обязательно отправлюсь в места, где нужна больше всего. Скажите, какие города пострадали сильнее всех, и я посмотрю, что можно сделать.

— Грейвзэнд в Кентре, ниже по реке от нас, — тут же сказал кроль. — Их причалы смыло большой волной, они молили прислать вас. А еще Тилбери Форт. Защита важна для нас, вы знаете, а там пропала половина пушек, весь порох промок.

Я не хотела покидать Лондон, пока Нат все еще был без сознания, но эти места были недалеко. И, если честно, я должна была признать, что я не была нужна Нату.

— Я отправлюсь завтра, — сказала я. — С частью своих людей, если можно, — они помогали отстраивать город.

— Конечно, — сказал король. — А, когда вы вернетесь, сможете отдохнуть.

† † †

Мы покинули мост, ветер принес помятый листок с рисунком и опустил у моих ног. Я посмотрела туда, увидела слово «монстр» и застыла. Новая брошюра про меня? Несмотря на мои старания, люди все еще боялись меня?

Я со страхом подняла листок.

Король отвернулся к сэру Кристоферу, догнавшему нас.

— Насчет тех набросков...

Я расправила листок и увидела заголовок: «НАШ АНГЕЛ УБИВАЕТ МОНСТРА».

А ниже была поющая женщина с крыльями, убивающая страшное чудовище. В песне говорилось, что женщиной с крыльями была я.

Я смотрела на заголовок. Ангел? Чудовище? Как бы они ни называли меня, это не имело ничего общего с реальностью. Правда была сложнее.

Качая головой, я скомкала листок. Может, я не смогу остановить осуждения других людей, но я могла прекратить искать у них одобрения. Может, многие так и не смогут принять меня такой, какая я есть, — ни создатели брошюр, ни сплетники при дворе, ни Нат — но я не собиралась слушать их.

Я могла принять себя.

Я подняла скомканный листок и позволила ноябрьскому ветру забрать его у меня. Я смотрела, как он улетает, и ощущала себя невероятно легкой.

† † †

На помощь в Грейвзенде и Тилбери ушло пять дней. Я не жаловалась на время там, люди были очень благодарны, и они отчаянно нуждались в помощи, но я была рада вернуться в Лондон.

Мы с моими людьми прибыли в город ночью, с приливом. Когда мы добрались до дворца святого Джеймса, не спали только стражи, даже факелы больше напоминали призраков.

— Думаю, отчеты мы подадим королю утром, — сказала я капитану Кноллису, когда мы прошли врата. — Вам нужно отдохнуть.

Кноллис вскинул брови.

— А вам?

Баррингтон пропищал за нами:

— Певчая, вас проводить в комнаты?

Я должна была улыбнуться. Он был готов ко всему, он был верным. Все они такими были.

— Спасибо, Баррингтон, но не стоит. Я дойду сама, — я вскинула руку, когда они стали возражать. — Ну-ка отправляйтесь спать!

Расставшись с ними, я отправилась в комнаты, что делила с Норри. В нашем дворе я

замешкалась.

Я не видела отсюда окна Норри, они были на другой стороне здания, зато было видно окна лазарета. Норри и Пенебригг оставляли свет даже в темные часы ночи.

Но света не было. Неужели это означало, что Нат...

Не позволяя себе додумывать это, я взбежала по лестнице и постучала в дверь Норри, сначала тихо, а потом громче.

Наконец, я услышала шаги. Норри открыла дверь.

— Кто... — начала она, а потом увидела мое лицо. — О, дитя, ты вернулась!

Она провела меня через порог в полумрак комнаты.

— Мы ждали и ждали. Чудесные новости...

Она открыла внутреннюю дверь. Нат стоял у окна, пришедший в себя.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ:

ВОДА

— Люси, — Нат подошел, и от ноты в его голосе я задрожала.

Норри удалилась в другую комнату, бормоча про штопанье. Дверь закрылась, и мы с Натом оказались наедине. Я смотрела на него, едва веря своим глазам.

Он остановился передо мной.

— Что-то не так?

— Нет, — быстро сказала я. — Просто... ты проснулся.

Он улыбнулся.

— Да.

— Давно?

— Уже почти три дня.

— И ты в порядке? Нет лихорадки или ран... или...

— Я в порядке, — убедил он меня. — Вот только теперь сплю мало. Наверное, потому что до этого долго спал.

Нас разделяла пара футов. Я хотела пересечь их, но не имела права. Пытаясь придумать, что сказать, я ухватилась за первую пришедшую мысль:

— Ты видел уже многих?

— Нескольких. Например, Сивиллу, — у него был странный взгляд. — Она пришла ко мне позавчера, и у нас был очень интересный разговор.

Я трепетала от волнения.

— Да?

— Она хотела знать, помолвлен ли я с леди Клеменс. Она сказала, что Габриэль рассказал тебе такое, — он посмотрел на меня. — Ты поверила ему?

Он хотел сказать, что это не правда? Мое сердце колотилось.

— Ты сказал, что найдешь другую. Я увидела вас вместе, и Габриэль сказал, что говорил с ее отцом, и граф составляет брачный контракт...

— Тогда граф спешит, — сказал Нат. — Он пытался пробраться во внутренний круг короля, и он думает, что союз со мной предоставит ему шанс. Может, ему сложно поверить, что я отказался от дочери графа.

— Но... да?

— Я был близок к согласию, — признался Нат. — Он поймал меня после нашей ссоры,

и я вместо четкого отказа попросил время на раздумья. Я думал о твоих словах, что мне нужно найти себе другую, подходящую для нормальной жизни. В таком свете Клеменс подошла бы. Она добрая, любит петь, соглашается со мной во всем. Да, было заманчиво согласиться и оставить тебя.

Мое сердце сжалось.

— Но на следующий день я увидел Клеменс, — сказал Нат, — и понял, что для нее такое решение будет нечестным, как и для меня, и для тебя. Мое сердце желало не этого, — он пристально смотрел на меня, приближаясь. — Я говорил тебе раньше и говорю теперь: я хочу только тебя.

Мне словно дали солнце, я была ослеплена и потрясена.

— Знаю, ты думаешь, что у нас ничего не выйдет, — сказал Нат. — Но ты ошибаешься. Конечно, порой мы будем спорить, мы ведь люди. Но я не хочу быть с той, что во всем соглашается со мной. Я ученый, и честные споры меня не пугают. И мне все равно, что говорят про нас в брошюрах или сплетничают при дворе.

Мне тоже уже было все равно. Не это меня сдерживало.

— Важнее всего для меня, — сказал Нат, — что ты — Люси, и я люблю тебя, — я молчала, и он с неуверенностью посмотрел на меня. — Но, может, твои чувства изменились?

В моем горле был ком.

— Просто... я не уверена, что в глубине сердца ты чувствуешь это. Когда ты спал, ты хотел, чтобы я ушла.

Он испуганно посмотрел на меня.

— Да?

— Когда я заговорила, ты в ужасе отпрянул, — было сложно говорить, я выдавливала слова. — Потому я перестала приходить. Пенебригг решил, что так лучше.

— Он ошибся, — Нат привел меня к скамейке с высокой спинкой у камина. — Люси, если я и боялся, то за тебя. Пока я спал, мне снились кошмары, что Прессина схватила тебя, и я не мог быстро передать тебе камень, и ты звала меня, кричала от боли...

Видимо, я выглядела неуверенно, потому что он сказал:

— Это так, Люси. Но, даже если не так, нельзя наказывать человека за то, что он делает во сне. В зачарованном сне, тем более.

— Но я видела такое выражение на твоем лице, когда ты не спал, — тихо сказала я.

Он нахмурился.

— Когда?

— Когда я превратилась в змею. Ты так смотрел на меня, — сказала я. — В ужасе...

— Нет! — он обхватил мое лицо. Под темными бровями его глаза были ясными, честными и любящими. — Я не вру. Когда ты изменила облик, я был потрясен. Я не знал, что ты так можешь. Но я был и благодарен, ведь думал, что все потеряно, что Прессина убьет тебя, а потом ты набросилась на нее.

— А когда я подлетела к тебе?

— Я был испуган, да. Но не из-за тебя, а из-за самой ситуации. Я боялся, что не смогу передать тебе камень, и Прессина нападет первой.

— Ты не думал, что я — чудовище?

— Нет, — он был искренне удивлен. — С чего бы я так думал?

— Я была змеей, Нат. У меня была чешуя. И когти. И зубы.

Он улыбнулся.

— Это выглядело потрясающе. Ты извивалась в воздухе. Ты летала. Но ты при этом оставалась собой. Как?

На его лице не было неприязни или страха, только любопытство и удивление.

И теперь я тоже была удивлена. Я всегда знала, что Нат был прирожденным ученым, что он пытался открываться всему. Но я не понимала до этого, как было открыто его сердце.

— Знаешь, что на самом деле потрясающе? — спросила я у него.

— Что?

— Ты.

Все еще улыбаясь, он вскинул брови.

— Потому что не считаю тебя чудовищем?

— И это тоже, — я прижала ладонь к его подбородку. — Других таких в мире нет, Нат. И я люблю тебя за это.

Ветер снаружи стучал по окну, колокол звенел вдали. Нат гладил мою ладонь кончиками пальцев.

— Тогда ты выйдешь за меня?

Я снова стояла на краю пропасти, и все зависело от моих слов. Как и раньше, у меня было много причин отказаться. Мы многое могли потерять, нас ждало много испытаний. Никакая магия на Земле не гарантировала, что все будет хорошо. Никакая магия не могла сделать жизнь простой.

Но в этот раз я не собиралась принимать решение из страха. Я собиралась поверить надежде. Я собиралась довериться любви.

— Да, — сказала я.

Я потянулась к Нату, а он — ко мне. И когда наши губы встретились, я услышала музыку. Музыку радости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В книге переплелись магия и история. Что же было на самом деле?

В Лондоне 1670-го года можно увидеть много того, что я описала здесь. Вестминстер был построен низко и на болотистой земле, Тауэр был тюрьмой, а не просто дворцом, а Корнхилл — одной из самых высоких точек Лондона. И хотя дворец Уайтхолл кажется выдумкой, он тоже бы. Настоящий «город в городе». В нем было больше пятнадцати сотен комнат, дворы, главный зал. Он сгорел в 1698, но в Лондоне сейчас можно посетить уцелевший банкетный зал.

Хотя история происходит в 1670, география Лондона здесь от 1665 года, до того, как сэр Кристофер Рен и другие изменили его. У Лондона Люси больше причалов, чем было в реальности, и использовались некоторые планы семнадцатого века.

Я писала эту книгу зимой 2013–2014, когда в Англии выпало рекордное количество дождя, бури были ужасными. И я следила за новостями, чтобы убедиться, что страна не тонет. Я читала много статей и изучала карты прошлого и нынешнего Лондона, чтобы убедиться в верных деталях. Изменение Лондона в реальности было связано с большим пожаром 1666.

Парк Карлтона — мое воображение, но в 1600-х уже появлялись огороженные места. Этот процесс начался раньше, но здесь он получил наибольшее развитие, от него сильно страдали обычные люди. Несмотря на восстания, ограждать землю продолжили, меняя навеки пейзаж Британии.

Из настоящего. Термин «элементаль» был у Парацельса, он использовался почти как у меня. Монархи Британии никогда не вступали в брак с обычными людьми, иначе были проблемы. Брошюры в то время были бульварной прессой, там были песни, картинки, и они были очень популярны. Они висели на стенах, в пабах, распространялись между людьми.

Не очень настоящая, но легенда о Мелузине очень стара. Она известна во Франции, но история была популярна во многих частях Европы эпохи Возрождения, существовало много версий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net